

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**АРАБСКИЙ И ИСЛАМСКИЙ МИР
В СРЕДНИЕ ВЕКА:
ОТ ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА
ДО СРЕДНЕЙ АЗИИ**

МОСКВА
ИВ РАН
2021

ББК Т3(539=А)я43
А-79

Ответственный редактор

Д. Е. Мишин

Рецензенты:

Н. Р. Волькенштейн, Д. В. Микульский

Коллектив авторов:

П. В. Кузенков, В. В. Прудников, Д. М. Тимохин,
М. Ю. Илюшина, Д. Е. Мишин, Г. А. Попова,
И. И. Варьяш, В. А. Розов, Т. М. Калинина,
И. Г. Коновалова, В. В. Тишин

Утверждено к печати

*Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН*

А-79 **Арабский** и исламский мир в Средние века: от Иберийского полуострова до Средней Азии / Отв. ред. Д. Е. Мишин; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-907384-78-1

Настоящая монография, подготовленная коллективом отечественных востоковедов, охватывает широкий круг проблем, связанных с историей арабского и исламского мира в Средние века. Отдельные части книги посвящены событийной истории, праву, культуре и экономике. Затрагиваемая проблематика анализируется на примерах отдельных показательных эпизодов. Особое место уделено бытовавшим в исламском мире представлениям о Европе, в частности о славянах. Несмотря на характер книги как научного исследования, она предназначена не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

ББК Т3(539=А)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I. «Событийная» история	7
<i>П.В. Кузенков</i>	
Глава 1. Иностранцы матери халифов: этническое происхождение Омейядов и Аббасидов по женской линии.....	8
<i>В.В. Прудников</i>	
Глава 2. Арабы-мусульмане и другие автора «Книги о королевстве Сицилия» Гуго Фальканда (XII в.)	21
<i>Д.М. Тимохин</i>	
Глава 3. Особенности описания правления хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Текиша в арабо-персидских источниках XII в.	44
<i>М.Ю. Илюшина</i>	
Глава 4. Реконфигурация военно-политической элиты в государстве мамлюков Бурджи (1382–1517): <i>атабек и давадар</i>	68
Часть II. Право	83
<i>Д.Е. Мишин</i>	
Глава 1. Третейский суд в доисламской Аравии.....	84
<i>Г.А. Попова</i>	
Глава 2. Средневековые нотариальные акты (<i>уасика</i>) испанских мусульман	100
<i>И.И. Варьяш</i>	
Глава 3. Пользовались ли мусульмане правом христиан?	109
Часть III. Культура	129
<i>В.А. Розов</i>	
Глава 1. Эволюция представлений о системе лунных стоянок в комплексе средневековых арабо-мусульманских естественных и оккультных знаний.....	130

<i>Т.М. Калинина</i>	
Глава 2. <i>Бахр ас-Сакалиба</i> арабских географов	142
<i>И.Г. Коновалова</i>	
Глава 3. Описание европейской части средиземноморского побережья в географическом сочинении Абу-ль-Фиды	156
Часть IV. Экономика	175
<i>В.В. Тишин</i>	
Опыт выяснения соотношения цен на лошадей и шелк в Центральной и Средней Азии в VII–VIII вв.	176
Введение	176
Глава 1. Кочевники и торговля: основные дискуссии	177
Глава 2. Торговый обмен в отношениях династий Китая и кочевников древнетюркской эпохи	187
Глава 3. Ранние свидетельства о ценах на шелк.....	196
Глава 4. Данные о ценах на шелк и лошадей в VII–VIII вв. в китайских источниках и турфанских документах.....	199
Глава 5. Данные о ценах на шелк и лошадей в первой трети VIII в. в согдийских документах и мусульманских источниках	207
Глава 6. Некоторые тенденции в денежном обращении в Восточном Туркестане, Средней Азии и Северном Афганистане в VII — первой половине VIII в.	213
Глава 7. Итоги: решение вопроса о соотношении стоимости лошадей и шелка	243
Библиография	250

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование, результат работы коллектива отечественных востоковедов, имеет своей целью представить читателю анализ ряда эпизодов и явлений истории Ближнего и Среднего Востока, которые интересны не только сами по себе, но и в более широком контексте, в сравнении с сохранившимися сведениями о других обществах и цивилизациях. Говоря здесь об истории, мы имеем в виду историю в широком смысле, то есть всю панораму жизни общества рассматриваемого периода. В этом отношении история охватывает не только политические события и территориальные изменения, но и иные сферы жизни общества — экономику, культуру, право, каждодневную жизнь. В настоящей работе предпринята попытка соединить наблюдения и выводы, сделанные по итогам рассмотрения отдельных сторон жизни доисламского арабского, а затем и мусульманского общества. Разумеется, немало внимания было уделено *событийной истории*, которая неизменно оказывает большое влияние на общественное развитие. В книге рассматриваются историческая эволюция некоторых институтов мамлюкской державы, а также обычаи правителей — омейядских и аббасидских халифов, нередко бравших в жёны не арабов, а представительниц иных народов. Изучение действий правителей, разумеется, немислимо без понимания того, с каких позиций освещали их авторы дошедших до нас источников. Этот вопрос анализируется на примере повествований о правителях Хорезма у средневековых мусульманских историков.

Другой важнейшей составляющей жизни общества является *экономика*, которая здесь анализируется на примере эволюции цен на лошадей и шелк в Центральной и Средней Азии в VII–VIII вв. Важно отметить, что это масштабное исследование во многом основано на неарабских источниках, прежде всего китайских. Этот междисциплинарный подход, ценный тем, что он обращает

внимание арабиста на источники, нечасто попадающие в его поле зрения, применяется и в другой части настоящей работы — исследовании сведений о мусульманах в «Книге о королевстве Сицилия» Гуго Фальканда (XII в.).

Если в названных случаях мы смотрим на Ближний и Средний Восток глазами представителей иных народов и культур, в других разделах представлен анализ *сведений мусульманских авторов об иных странах и народах*. Сохраняет свою актуальность проблема изучения сведений средневековых мусульманских авторов о Восточной Европе, анализируемая здесь на примере упоминаний о «Море славян» в географической литературе. Другое исследование, не менее важное, известного средневекового автора Абу-ль-Фиды посвящено европейской части средиземноморского побережья. Изучение представлений средневековых мусульманских учёных об окружающем мире продолжается рассмотрением их сведений о лунных стоянках. Следует отметить, что и в этом случае применяется междисциплинарный подход, и представления мусульманских авторов рассматриваются в сравнении со сведениями индийских и еврейских учёных.

Хотя книга в основном посвящена мусульманскому периоду, в ней находится место и для доисламской Аравии. Автор этих строк изложил здесь некоторые наблюдения и соображения о третейском суде у доисламских арабов. Этим открывается рассмотрение темы *права*, которое затем продолжается исследованиями о средневековых нотариальных актах мусульман Испании и об их отношении к праву христианских королевств Иберийского полуострова.

Настоящее исследование затрагивает, таким образом, важнейшие аспекты жизни средневековых обществ Ближнего и Среднего Востока. Но здесь представлены лишь фрагменты мозаики, которая должна воссоздаваться и далее. Авторы надеются, что настоящей работой внесли некоторый посильный вклад в это несомненно стоящее усилий дело.

ЧАСТЬ I

«СОБЫТИЙНАЯ» ИСТОРИЯ

П.В. Кузенков

Глава 1

ИНОСТРАННЫЕ МАТЕРИ ХАЛИФОВ: ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОМЕЙЯДОВ И АББАСИДОВ ПО ЖЕНСКОЙ ЛИНИИ

Генеалогические связи в средневековье, как известно, имели важнейшее политическое значение для феодальных государств Европы. Благодаря династическим связям выстраивалась сложная, иногда причудливая система межгосударственных отношений, вопросы брака и наследования нередко становились причиной внутренних распрей и военных столкновений. Византийская империя, традиционно придерживавшаяся политики «династического изоляционизма», долгое время стояла в стороне от европейской аристократической семьи. Межгосударственные брачные союзы с Хазарским каганатом в VIII в., с Болгарией, Италией и Русью в X в. были, скорее, отдельными эпизодами, лишь оттенявшими один из краеугольных принципов византийской внешней политики, сформулированный в известном трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» следующим образом: «У каждого народа установлено за правило вступать в брачные сожителства не с иноплеменниками и иноязычными, а с людьми того же рода и того же языка» [Константин Багрянородный, 1991, с. 62–63]. Впрочем, начиная с XI в., по мере феодализации и аристократизации византийской элиты, генеалогические связи в иностранными знатными фамилиями становятся всё более частым явлением, и в эпоху Палеологов почти все византийские императоры имели матерей-иностранок. К XV веку от прежнего ромейского снобизма не осталось и следа, причём междинастическим связям не могла помешать даже конфессиональная пропасть, раз-

верзшаяся между восточным и западным христианством. Однако в мире ислама сложилась принципиально иная ситуация. Во-первых, иным был сам институт брака, с его архаичной полигамией. Во-вторых, вопросы родства халифов находились под пристальным вниманием арабов, весьма щепетильно относившихся к генеалогии. Обычно внимание здесь было приковано к отцовской линии, но и женщины могли играть династическое значение (как в случае Фатимидов). Тем более интересно проследить, кем были матери арабских халифов, и попытаться выяснить, существовали ли в этой области какие-либо закономерности и каковы были различия в данной сфере между Омейядами и Аббасидами. Сразу же отметим, что даже самый поверхностный обзор данной темы дал весьма впечатляющие результаты. Но для начала имеет смысл сделать некоторый экскурс в эпоху политического предшественника Халифата — Сасанидского Ирана, чьё влияние на государственные традиции исламского мира трудно переоценить.

Династические связи поздних Сасанидов

Как известно, персы придерживались специфических воззрений на родственные связи, признавая в качестве идеального эндогамный брак внутри одного рода (жена-сестра). Впрочем, поздние Сасаниды уже активно практиковали междинастические союзы. Первой иностранкой в правящем доме стала эфталитская принцесса — жена Кавада I (488–531). Следующий шаханшах, знаменитый Хосров I Ануширван (531–579), взял в жёны дочь западно-тюркского (у аль-Мас'уди «хазарского») кагана Истеми-ябгу (Силзибула), по имени Кайен (у Себеоса) или Факум/Факр (у аль-Мас'уди). И его сын Хормизд IV (579–590), носящий в *Шах-наме* прозвище *Туркзад* («сын турчанки»), стал первым полукровкой на престоле Ираншахра. Жёнами самого Хормизда были знатная персиянка и некая христианка [Encyclopædia Iranica, XII/5, 2004, с. 466–467]. Сыном первой из них был Хосров II Парвиз (590–628), который также имел в своём гареме представительниц разных народов. Из них известны: 1) византийка Мариам (Мария),

мать Шероие (Кавада II) и царицы Боран (по Михаилу Сирийцу, дочь императора Маврикия) [Martindale J.R., 1992, с. 827–828]; 2) легендарная христианка Ширин, мать царицы Азармидохт и Шахрияра, отца Йездигерда III; византийский историк Феофилакт Симокат пишет, что она была «ромейского рода», но большее доверие у исследователей вызывают сообщения Себеоса и сирийской хроники (Аноним Гвиди), согласно которым Ширин родилась в персидском Хузистане и была сиро-арамейского происхождения [Martindale J.R., 1992, с. 1144; Scarcia G., 2004, с. 115–135; Encyclopædia Iranica, 2006, art. *Qosrow o Širin*]; 3) персиянка Гордия (Курдия) из рода Михрана, воинственная сестра и бывшая жена узурпатора Бахрама Чобина [Encyclopædia Iranica, IV/2, 1989, с. 180–182].

К концу правления Сасанидов их генеалогические связи с византийским и, шире, восточнохристианским миром достигли максимума. Женой полуромея Кавада II Шероие (628) была ромейка Анзой (Зоя?), мать Ардашира III (628–630) [Martindale J.R., 1992, с. 94, 276]. Дети захватившего престол в 630 г. Шахрвараза носили чисто греческие имена — Никита (позже он стал патрикием на византийской службе) и Ника (была выдана за Феодосия, внебрачного сына императора Ираклия). Дочь Хосрова II царица Боран (Пурандохт) была наполовину румийка [Martindale J.R., 1992, с. 246]. Последний представитель Сасанидов, Йездигерд III (632–651), был внуком Ширин.

Таким образом, из последних шаханшахов (с 579 по 651 г.) трое имели жён из Византии (Хормизд IV, Хосров II, Кавад II), трое были детьми румийки (Кавад II, Ардашир III и Боран) и двое — потомками сирийской христианки (Азармидохт и Йездигерд III).

Матери халифов династии Омейядов

Генеалогические связи праведных халифов не выходили за рамки арабского мира. То же можно сказать и о большинстве представителей династии Омейядов (Умаййадов). В связи

с полигамией в арабском мире династическую роль женщин удобнее отслеживать не просто по критерию брака, а по критерию рождения наследников. Поэтому в дальнейшем нас будут интересовать исключительно матери правящих халифов.

Основатель династии, Му'ауия I (661–680) был сыном мекканской курайшитки Хинт бинт Утба б. ар-Раби'а [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 264].

Его сын Йазид I (680–683) родился от дочери вождя племени кальб Майсун бинт Ибн Бахдаль [The Encyclopaedia..., т. XI, 2002, с. 309].

Кальбиткой была и мать его сына Му'ауии II (683–684) [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 268].

Родоначальник другой ветви Омейядов, Маруан I (684–685), был сыном аль-Хакама, дяди халифа 'Усмана, и Амины бинт 'Алькама из соседнего с Меккой арабского клана кинана [The Encyclopaedia..., т. VI, 1991, с. 621].

Его сын Абд аль-Малик (685–705) родился от курайшитки А'иши бинт Му'ауия ибн аль-Мугира, его дальней родственницы из клана Омейядов [The Encyclopaedia..., т. I, 1986, с. 76].

Аль-Уалид I (705–715) и Сулайман (715–717) были сыновьями Абд аль-Малика от жены по имени Уаллада бинт аль-Аббас б. Джаз, которая происходила из знатного североарабского клана Бану Абс кайситской конфедерации Гатафан [The Encyclopaedia..., т. XI, 2002, с. 127; IX, 1997, с. 821].

Умар II (717–720) родился у Абд аль-Азиза, брата халифа Абд аль-Малика, и хашимитки Умм Асим Лейлы бинт Асим, правнучки халифа Умара I, и её сын гордился тем, что он является потомком знаменитого праведного халифа, носившего то же имя. Кстати, Абд аль-Малик женил своего племянника на собственной дочери Фатиме, продолжая тем самым традицию близкородственных браков [The Encyclopaedia..., т. X, 2000, с. 821–822].

Йазид II (720–724) был сыном Абд аль-Малика от его троюродной племянницы Атики, дочери халифа Йазид I, от которого и унаследовал имя [The Encyclopaedia..., т. XI, 2002, с. 311].

А его брат и преемник Хишам (723–743) был рождён Фатимой бинт Хишам из клана бану Махзум и также получил имя в честь деда по матери [The Encyclopaedia..., т. III, 1986, с. 493].

Мать аль-Уалида II (743–744), жена Йазида II Умм аль-Хадждадж Зайнаб, была дочерью наместника Йемена Мухаммада б. Юсуфа ас-Сакафи [The Encyclopaedia..., т. XI, 2002, с. 128].

Первым халифом-полукровкой стал низложивший и затем убивший аль-Уалида II его двоюродный брат Йазид III (744), сын персидской наложницы аль-Уалида I [The Encyclopaedia..., т. XI, 2002, с. 311]. Он весьма гордился своим происхождением. Табари приводит стихи, якобы сложенные Йазидом: *Мой предок Хосров и мой предок Маруан, мой прадед был Кайсар, мой прадед — Хаган* [Annales ..., 1885–1889, с. 1874]. Судя по этим стихам, мать халифа принадлежала к роду Сасанидов: возможно, это была Шахафрид, внучка Йездигерда III. В этом случае «поэтическое родословие» Йазида III раскрывается следующим образом: правнук халифа Маруана I, прапраправнук шаханшаха Хосрова II, прапраправнук (по Марии-Ширин) императора Маврикия («Кайсара») и пра-пра-пра-пра-правнук кагана Истеми. Таким образом, в крови этого правителя текла кровь представителей династий, стоявших во главе четырёх крупнейших мировых держав раннего средневековья — Восточной Римской империи, Ирана, Тюркского каганата и арабского Халифата.

Правление Йазида III оказалось недолгим, как и правление его брата Ибрахима (744), также сына невольницы неарабского происхождения — светловолосого и румяноликого.

Наконец, последний представитель династии, Маруан II, также был полукровкой: его матерью была курдская наложница Мухаммада, сына халифа Маруана I.

Таким образом, из 14 халифов династии Омейядов 11 (79%) были сыновьями арабских женщин и только трое имели матерей иранского происхождения. Все халифы аль-Уалида II включительно были сыновьями чистокровных арабов, причём матери некоторых происходили из того же самого курайшитского клана.

Нередко они получали имена в честь отца матери, что свидетельствует о важном идеологическом значении межклановых внутриарабских связей. Фигура «полукровки» Йазида III стала резким исключением из этой арабцентричной генеалогической традиции. Его попытка опереться на свою (возможно, сконструированную) «имперскую» генеалогию не принесла результата: многие подданные считали халифа, прозванного *ан-Накид* («Умаляющий» или «Умалённый»), братоубийцей и еретиком, и всё его недолгое правление протекало среди мятежей и восстаний «третьей *фитны*».

А вскоре пала и сама династия Омейядов.

Матери халифов династии Аббасидов

Матерей халифов из династии Аббасидов мы для краткости приведём в виде таблицы:

Абу-ль-Аббас Абд Аллах ас-Саффах (750–754)	жена хашимита Мухаммада аль-Аббаси Райта бинт Убайд Аллах Абд аль-Мадан (аль-Харсиа) — арабка из курайшитского мекканского клана Бану Хашим, к которому принадлежал сам основатель ислама Мухаммад [The Encyclopaedia..., т. I, 1960, с. 103]
аль-Мансур (754–775)	<i>умм уалад</i> ¹ того же Мухаммада аль-Аббаси Саллама — берберка [The Encyclopaedia..., т. V, 1986, с. 1238–1239]
аль-Махди (775–785)	жена аль-Мансура Умм Муса Арва бинт Мансур ибн Абд Аллах ибн зи Сахм ибн Аби Сарх — арабка из Химьяра [McMillan M.E., 2013, с. 68]

¹ В исламском праве — невольница, получившая свободу за рождение сына.

Продолжение таблицы

<p>Муса аль-Хади (785–786) и Харун ар-Рашид (786–809)</p>	<p><i>умм уалад</i> халифа аль-Махди аль-Хайзуран бинт ‘Атта’ — арабка-харашитка, похищенная бедуинами из Джораша (совр. Биша, Саудовская Аравия) [Abbott N., 1946; The Encyclopaedia..., т. III, 1971, с. 22, 232–234]; первая в истории ислама женщина, чеканившая монету от своего имени</p>
<p>аль-Амин (809–813)</p>	<p>жена и близкая родственница Харуна ар-Рашида Зубайда Умм Джа‘фар бинт Джа‘фар, внучка халифа аль-Мансура — арабка [The Encyclopaedia..., т. I, 1960, с. 437–438]</p>
<p>аль-Мамун (813–833)</p>	<p><i>умм уалад</i> того же ар-Рашида Мараджилъ бинт Устадсис — уроженка ираноязычной области Бадгис (между Гератом и Серахсом, северо-запад Афганистана) [The Encyclopaedia..., т. VI, 1987, с. 331–339]</p>
<p>аль-Му‘тасим (833–842)</p>	<p>жена ар-Рашида Марида бинт аш-Шабиб — арабка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 776]</p>
<p>аль-Уасик (842–847)</p>	<p><i>умм уалад</i> халифа аль-Му‘тасима Каратис — румийка (византийская пленница) [The Encyclopaedia..., т. XI, 2002, с. 178]; по иронии судьбы сын непримиримого врага Византии стал первым в истории халифом наполовину ромейского происхождения</p>

Окончание таблицы

аль-Мутауаккиль (847–861)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Му'тасима Шуджа' — хорезмийка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 777–778]
аль-Мунтасир (861–862)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мутауаккиля Хубшийя — румийка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 583]
аль-Муста'ин (862–866)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Му'тасима Мухарик — славянка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 722]
аль-Му'тазз (866–869)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мутауаккиля Кабиха — предположительно славянка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 793–794]
аль-Мухтади (869–870)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Уасика Курб — румийка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, р. 476–477]; этот халиф был византийцем и по матери, и по бабке
аль-Му'тамид (870–892)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мутауаккиля Фитйан — арабка из Куфы [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, р. 765]
аль-Му'тадид (892–902)	<i>умм уалад</i> принца аль-Муваффака ибн аль-Мутауаккиля Дирар — румийка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, р. 759–760]
аль-Муктафи (902–908)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Му'тадида Джиджак (Чичек) — тюрчанка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, р. 543–544]
аль-Муктадир (908–932)	другая <i>умм уалад</i> халифа аль-Му'тадида Шагаб — румийка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, р. 541–542]; ещё один халиф с византийскими корнями по матери и по бабке.

О Шагаб следует сказать особо, так как эта женщина занимает исключительное место в истории Халифата. Она попала в Багдад в середине IX в. как рабыня дочери столичного градоначальника и получила имя На'има («Благородная»). Затем она оказалась в гареме халифа аль-Му'тадида и после рождения сына Джа'фара (будущего халифа аль-Муктадира) получила статус *умм уалад* с характерным именем Шагаб, буквально «Мятежная». После смерти первой жены аль-Му'тадида, тулунидской принцессы Катр ан-Нады (грозившей однажды отрезать нос непокорной наложнице за её проделки), Шагаб приобрела влияние при дворе и стала продвигать своего сына на место наследника вместо его единокровного брата, больного аль-Муктафи. Брат Шагаб, Гариб ибн Абд Аллах, стал командиром гуламов (военных рабов или иностранных наёмников, из которых формировались элитные войска) и до своей смерти в 917 г. занимал важнейшие посты в халифате. Когда аль-Му'тадид, а за ним и аль-Муктафи умерли и 13-летний Муктадир в 908 г. взошёл на престол (обойдя таких взрослых кандидатов, как Абд Аллах ибн аль-Му'таз и Мухаммад ибн аль-Му'тамид), именно гуламы дяди обеспечивали безопасность халифа. Аль-Муктадир стал первым несовершеннолетним правителем в истории халифата, и для его опеки был назначен регентский совет, в состав которого входили четыре женщины: мать халифа, её сестра Хатиф, её *кахрамана* (обер-гофмейстерина) хашимитка Умм Муса и Дустан-Бувайх, другая *умм уалад* покойного аль-Мутадида [Sourdel D., 1960, с. 670]. Шагаб, которую источники именуют просто *ас-сайида* «госпожа», полностью контролировала сына: даже возмужав, он обитал в основном в покоях матери. В 918 г. регентша даже осмелилась появиться на публике верхом на коне, шокируя ревнителей патриархальных нравов, но её щедрая благотворительность снискала ей симпатии народа и духовенства. Умерла Шагаб в 933 г. в глубокой старости. Её кончина знаменует начало стремительного упадка Багдадского халифата

[Мец А., 1973, с. 128; Mernissi F., 1993, с. 42–44; Van Berkel M., 2013, с. 49–61, 165–185].

Из последующих халифов происхождение матерей удалось определить лишь для некоторых:

ар-Ради (934–940)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Муктадира — славянка Залум [The Encyclopaedia..., т. VIII, 1995, с. 368]
аль-Муттаки (940–944)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Муктадира Халуб или Захран — славянка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 800]
аль-Мустакфи (944–946)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Муктафи Гусн — румийка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 723–724]
аль-Мути' (946–974)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Муктадира Шагла или Машалла — славянка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 799]
ат-Та'и (974–991)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мути'а по имени 'Утб ('Атаб) или Хазар — тюрчанка? [The Encyclopaedia..., т. X, 2000, с. 115]
аль-Кадир (991–1031)	<i>умм уалад</i> Исхака, сына халифа аль-Муктадира, по имени Димна (Тамни) — славянка [Türkiye ..., т. XXIV, 2001, с. 127–128]
аль-Ка'им (1031–1075)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Кадира Бадр ад-Диджа (Катр ан-Нида) — армянка [The Encyclopaedia..., т. X, 2000, с. 457]

Продолжение таблицы

аль-Муктади (1075–1094)	<i>умм уалад</i> Мухаммада Закирата, сына халифа аль-Кадира Урджуван — армянка [The Annals ..., 2002, с. 187; Bennison A.К., 2009, с. 47]
аль-Мустазхир (1094–1118)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Муктади Таиф аль-Афва (Алтын-хатун) — египтянка (арабка?) [Бубайа 'А., 2009, т. 2, с. 485]
аль-Мустаршид (1118–1135)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мустазхира Лубаба или Лубана (Любава?) — славянка из Багдада [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 733; Бубайа 'А., 2009, т. 2, с. 487]; халиф имел русые волосы, голубые глаза и веснушчатое лицо
ар-Рашид (1135–1136)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мустаршида по имени Хушф — ?
аль-Муктафи (1136–1160)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мустазхира Ашин — тюрчанка (?) из Сирии [Бубайа 'А., 2009, т. 2, с. 492] или Ситас-Сада Насим аль-Хабашийя — эфиопка [https://ar.wikipedia.org/wiki/محمد_المقتفي_لأمر_الله]
аль-Мустанджид (1160–1170)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Муктафи по имени Тавус или Нарджис — румийка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 726]
аль-Мустади (1170–1180)	<i>умм уалад</i> халифа аль-Мустанджида по имени Гадда — армянка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 707]

Окончание таблицы

ан-Насир (1180–1225)	<i>умм улад</i> халифа аль-Мустади Зумурруд-хатун — тюрчанка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 997]
аль-Мустансир II (1226–1242)	<i>умм улад</i> халифа аз-Захира — тюрчанка [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 727]

В этот список не включены иностранные жёны халифов, чьи сыновья не занимали престол: например, жена аль-Ка'има (1031–1075) тюрчанка Хадиджа Арслан-хатун, дочь сельджука Чагры-бека, или две сельджукские жены халифа аль-Муктади (1075–1094): дочь султана Алп-Арслана Сифри-хатун и дочь султана Малик-шаха Мах Малик-хатун; сын последней Абу-ль-Фазл Джафар соединил в себе династии Аббасидов и Сельджукидов, но умер в 5-летнем возрасте, так и не став халифом [The Encyclopaedia..., т. VII, 1993, с. 540].

Всего из 33 матерей халифов династии Аббасидов происхождение удалось установить для 32. Из них 7 имели арабское происхождение, 7 — румское (греко-византийское), 7 — славянское, 4 или 5 — тюркское, 3 — армянское, 2 происходили из персоязычных областей, 1 была берберкой и 1 (предположительно) — эфиопкой. Таким образом, доля «ромейского» этнического элемента среди матерей «повелителей правоверных» оказалась около 22% — наравне с арабским. Особенно впечатляюще выглядит ситуация в период с 40-х гг. IX в. до середины X в., когда по меньшей мере 6 из 12 (половина) халифов имели матерей румского происхождения, при единственной арабке — куфийке Фитйан. При этом по крайней мере двое из халифов (аль-Уасик и аль-Муктадир) были ромеями на две трети. Равным по распространённости с арабским и греко-византийским этносом среди матерей державных Аббасидов оказались сла-

вянки. Это вполне закономерно, учитывая масштаб славянской работорговли в IX–X вв., что отразилось не только в арабском термине *саклаб / сакалиба*) [Мишин Д.Е., 2002, с. 27–100], но и в западноевропейских обозначениях рабов (англ. *slave*, франц. *esclave*, нем. *Sklave*).

Таким образом, можно смело утверждать, что генеалогическая эволюция династий арабских халифов протекала в полном соответствии с тенденциями, обнаруживаемыми в средневековой Византии и Западной Европе: от этнического изоляционизма к широкой «интернационализации» генофонда. Однако, в отличие от христианских государств, где межэтнические браки были прежде всего средством выстраивания внешнеполитических союзов, мусульманские правители могли позволить себе сочетать политически мотивированные браки с сугубо личными предпочтениями, что и выразилось в численном доминировании в их гаремах наложниц греческого и славянского происхождения.

В.В. Прудников

Глава 2

АРАБЫ-МУСУЛЬМАНЕ И ДРУГИЕ В ВОСПРИЯТИИ АВТОРА «КНИГИ О КОРОЛЕВСТВЕ СИЦИЛИЯ» ГУГО ФАЛЬКАНДА (XII в.)

О самом Гуго Фальканде современной науке известно немного. Исследователь средневековой латинской литературы в Италии И.Н. Голенищев-Кутузов относит его к «образованным придворным в Сицилии» и считает, что Фальканд был «француз, обосновавшийся в Италии» [Голенищев-Кутузов И.Н., 2000, с 188]. Он также подчёркивает, что стиль и манера изложения Фальканда снискали похвалу у историков нового времени, которые даже называли его «средневековым Тацитом». Вероятно, что столь яркое произведение, которое выглядит белой вороной в ряду остальных итало-норманнских хроник, натолкнуло английскую исследовательницу Эвелин Джеймисон на мысль о том, что под псевдонимом Гуго Фальканда «Книгу о королевстве Сицилия» (*Liber de regno Siciliae*) написал грек Евгений, который был высокопоставленным чиновником в Сицилийском королевстве [Jamison E.M., 1957, с. 56].

Безусловно, что автор *Liber de regno Siciliae* был мирянином. Сам за себя говорит светский характер изложения, при котором полностью отсутствуют обычные для монахов хронистов ссылки на Священное Писание, частые упоминания о Боге, но есть непочтительные высказывания о церковных иерархах, как, например, о епископе Джентиле Агригентском: «В своё время епископ Джентиль Агригентский, сумев внушить королю страх пред Богом и окружив его религиозным сумраком, под

этим покровом гонялся за народной похвалой и славой» [La Historia ..., 1897, с. 92].

Гуго Фальканд был христианином. Это ясно видно из его отношения к мусульманам. Когда Фальканд говорит о столкновениях между мусульманами и христианами в Палермо, он называет последних «наши» [La Historia ..., 1897, с. 57].

Интересным вопросом является происхождение автора *Liber de regno Siciliae*. Вполне возможно, что его родиной была ни Нормандия, ни Франция, а Сицилия. В то же время родился он на Сицилии или нет, но по образу мышления его можно отнести к людям западноевропейской культуры. Особое место при описании событий Фальканд отводит фортуне. Насколько большое значение имеет его фортуна, говорит тот факт, что он практически не упоминает о Боге, в то время как о фортуне он говорит при каждом удобном случае. Во вступлении к *Liber de regno Siciliae* о фортуне Фальканд говорит, что «ни для чего иного быстрее или чаще вертится колесо фортуны, как только для того, чтобы посмеяться над испытаниями смертных» [La Historia ..., 1897, с. 3]. Почти то же самое говорит и Гауфред Малатерра, о котором с его слов нам известно, что он «трансальпиец»: «Так вертится фортуна, сначала заигрывает с людьми удачными успехами, предыдущими успехами обольщённые в результате обманутые [таким образом над ними. — В.П.] смеётся» [De rebus ..., 1928, с. 61].

Насколько прочно фортуна занимает важное место в мировоззрении Фальканда, видно из других примеров. По его мнению, все смертные действуют не иначе, как «связанные верёвками [с колесом. — В.П.] фортуны» [De rebus ..., 1928, с. 61]. И сами смертные это прекрасно осознают и стремятся воспользоваться этим.

Когда знать (*proceres*) Калабрии подговаривают Матео убить адмирала Майона, они убеждают его в следующих словах: «фортуной тебе уготована такая вершина славы» [La Historia ..., 1897, с. 34], и что «не требуется изъявлений покорности от твоей фортуны» [La Historia ..., 1897, с. 34].

Сам Матео Бонелль в обращении к знати Калабрии «добавил, что если найдёт удобное время (для совершения убийства Майона), то ни в коем случае не будет ждать условленного дня, ибо никто кроме него не сможет лучше определить удобный момент. И также никто другой не сможет почувствовать, когда, настолько утомлённая успехами адмирала, фортуна, уже решит отказаться от благоволения к адмиралу» [La Historia ..., 1897, с. 34].

«Матео Бонелль тщательно искал и не находил момент для совершения убийства; но и в этом отсутствии [удобного момента. — В.П.] была его фортуна, которая, словно движимая раскаянием за то, что незнатного мужа, настолько наводящего ужас, на высочайшую вершину государства чуть не вознесла, уже ему пропастью угрожала и, вращаясь по кругу, мало по малу, низводя до ничтожества, вода по кругу окольными путями, колесо стало поворачиваться» [La Historia ..., 1897, с. 39–40].

При описании мятежа баронов против короля Вильгельма I, Фальканд говорит, что король «духом окреп, когда ослабевшая было фортуна вновь усилилась» [La Historia ..., 1897, с. 66]. *Blanda fortuna* — «ласковая фортуна». Фальканд выражает уверенность в том, что фортуна королевства зависит от личных качеств короля, что она в ответе за появление в королевстве «зла нового рода» [La Historia ..., 1897, с. 79].

Таким образом, автор *Liber de regno Siciliae* несомненно принадлежал к культуре Западной Европы. Малатерра утверждает, что «греки» «в фортуны не верят». Это значит, что под псевдонимом Фальканда скорее всего скрывался не «грек» Евгений.

Взгляд автора *Liber de regno Siciliae* на описываемые им события не был взглядом монаха как Гауфреда Малатерры или Амато из Монтекассино, и писал он свою книгу не спустя много лет в монастыре, а по ещё не остывшим следам недавних событий. *Liber de regno Siciliae* охватывает короткий период времени, всего несколько лет (с 1154 по 1169 г.).

Мотивы Фальканда были совершенно иные, чем у остальных итало-норманнских авторов, которые работали на заказ и стреми-

лись прежде всего к прославлению того или иного норманнского правителя. Фальканд говорит в начале своей книги, что его побуждает взяться за написание истории стремление не допустить, чтобы истёрлась память «о многих совершённых прежде в Сицилийском королевстве деяниях, которые частью сам наблюдал, частью узнал из правдивых сообщений очевидцев».

Далее Фальканд заявляет критерий, которым он пользовался при отборе материала: «Однако не к тому стремлюсь чтобы [описать. — *В.П.*] все военные раздоры или сражения или какие-либо дела порознь произошедшие в отдельных городах или крепостях», но рассказать преимущественно о тех деяниях, которые случались в курии или имели к ней отношение, то есть происходили при дворе Сицилийских королей. Другими словами, Фальканда больше интересуют основные события внутривосточной жизни королевства, борьба за власть и влияние между различными придворными группировками, чем внешняя политика монархов Сицилии и политическая ситуация в других странах.

Интерес к придворным делам, а также заявление о том что какие-то события он видел самолично, какие-то узнавал от очевидцев, говорит в пользу того, что автор действительно был близок ко двору Сицилийских монархов, который находился в Палермо.

В какой степени по своим симпатиям Фальканд являлся верноподданным монархов Сицилии? Фальканд даёт развёрнутую оценку двум королям норманнской династии: Рожеру II и его сыну и наследнику Вильгельму I. Он всячески превозносит Рожера II как идеального правителя. «Среди других даров природы, которыми был наделён великий дух этого мужа, решительностью отличался с рождения, вследствие которой никогда до такой степени себе не доверял, чтобы не посоветавшись или без благоразумного совета относительно какого-либо дела, само дело долго затягивать; однако, когда подходил к рассмотрению большого дела, то на собрании курии

не стыдился все мнения по одиночке выслушать прежде, чем наилучшее выбрать. Если ему то же самое дело на первый взгляд казалось ясным и рассмотренным, своё мнение последним высказывал, и сердце разуму подчинив, то, которое ему наилучшим представлялось, избирал. И так как бдительная душа мужа наивысшего всегда желала, то никакого места не оставляла бездеятельности, лени и праздности, и наконец ничего необдуманного или без предварительного рассмотрения не решал, и в великой душе удерживая возникающие противоречия, чтобы в королевских делах не допустить никакого легкомыслия, и не оговаривалось или рассматривалось при поверхностном ознакомлении или обсуждении. Великой его страстью было и настоящее осторожно устроить, и из настоящего в будущее проникнуть; и о том заботился, чтобы [действию. — *В.П.*] больше благоразумием, а не силой, и врагов истребить и расширить границы своего королевства. И действительно Триполи, Барбарю, Африку, Факсум, Капсию и многие другие города варваров себе с трудами и опасностями подчинил.

Также обычаи других королевств и племён внимательнейшим образом исследовал, и что в них прекрасного или полезного увидел — себе перенял. И каких бы то ни было мужей, или в совете полезных, или в войне славных вознаграждал, к доблести их изобильными благодеяниями поощрял. И различных мужей или в советах полезных или в войне прославленных вознаграждал, к доблестям благодеяниями поощрял. Преимущественно трансальпийцев, когда от норманнов свой род вёл и знал, что племя франков всех остальных в военной славе обогнало, чрезвычайно усердных избирал и охочих до почитания.

Наконец, стремился правосудием усердно заниматься, как для молодого королевства самым необходимейшим, а также перемежающиеся мир и войну чередовать так, чтобы ничего, что доблести подобает [совершить. — *В.П.*], не упустить, не было ни одного царствования или правителя равного ему.

Вскоре большую часть его трудов тирании приписали и называли его бесчеловечным за то, что он многими тяжёлыми штрафами и неведомыми законами обложил, а я считаю, что муж во всяком случае благоразумный и осмотрительный в молодом королевстве так из усердия поступал, чтобы ни надеялись какое-либо гнусное преступление безнаказанно совершить, и чрезмерной строгостью не отпугнуть от совершения добра, которым таким образом снисходительным себя показывал, однако чрезмерная кротость оставляла бы место презрению. Однако если в некоем случае заметна суровость наказания, то думаю к этому был принуждён некоей необходимостью. Ибо никаким иным образом нельзя уничтожить наглость восставшего народа или обуздать дерзость предателей.

После многих трудов и опасностей он пока был жив нерушимого мира достиг, а также огромные сокровища, беспокоясь о безопасности королевства в будущем, приготовил и в Палермо поместил» [La Historia ..., 1897, с. 5–6].

Из этой характеристики становится ясно, что Рожер II является для Фальканда идеалом короля. Именно с Рожером II Фальканд сравнивает последующих королей Сицилии: Вильгельма I и Вильгельма II и делает выводы не в пользу последних.

Рассматривая приведённый выше фрагмент, мы должны отметить, что Фальканд заходит в оправдании Рожера достаточно далеко. Он если не полемизирует, то во всяком случае не соглашается с теми, кто считал короля тираном. Фальканд не отрицает, что в отдельных случаях Рожер проявлял жестокость (видимо, к тому были известные основания), однако оправдывает это суровой необходимостью борьбы с восставшим народом или с предателями. Очевидно, для автора имело значение прежде всего внутреннее и внешнее укрепление государства во главе с сильным правителем, и по сравнению с этим отдельные злоупотребления рассматривались как не столь значимые, отступали на второй план.

Это достаточно определённо видно по той общей оценке деятельности Рожера, которую даёт Фальканд.

Итогом блестящего правления Рожера II Фальканд считает «нерушимый мир» и накопленные «огромные сокровища».

Совсем иначе Фальканд оценивает сына и наследника Рожера II — Вильгельма I. Он считает, что Вильгельм стал королём «не по доблести, а по воле отца» [La Historia ..., 1897, с. 7] и называет его «первым безумцем из безумцев» [La Historia ..., 1897, с. 7]. Говорит, что Вильгельм предпочитал коснеть в бездействии и с трудом оставлял дворец ради неотложных дел [La Historia ..., 1897, с. 18–19]; больше предпочитал проводить время в «приятном безделье» [La Historia ..., 1897, с. 87], целиком отдаваясь во власть наслаждений [La Historia ..., 1897, с. 87].

Главное обвинение Фальканда было направлено против, выражаясь современным языком, кадровой политики короля Вильгельма I. Если при Рожере II «...в Сицилийском королевстве было [в достатке. — В.П.] деятельных и преславных мужей, чтобы на море и на суше внушить страх соседям и обитающим вокруг племенам и наслаждаться миром, а равно спокойствием» [La Historia ..., 1897, с. 7], то «...когда король Вильгельм по воле отца, но не по доблести, один стал наследником [королевства. — В.П.], в том безумии первым безумцем стал, что лучшими деяниями отца пренебрегая, его [отца. — В.П.] усердием установление курии в лучшую преобразованную, идти к гибели дозволил, из-за чего и фамилияриев, которых отец держал, частью осудил на изгнание, частью в мрачные узилища заточил» [La Historia ..., 1897, с. 7]. А на должность адмирала назначил Майона, которого Фальканд обвиняет во всех смертных грехах и считает ответственным в «разрушении и гибели королевства» [La Historia ..., 1897, с. 7].

В противоположность Рожеру II Фальканд описывает короля Вильгельма I не только как безумца, но и лентяя. «Ведь это в обычае у короля было, чтобы дворец с трудом покидать, но там, где необходимость его заставляла выйти, насколько до этого коснел в бездействии, настолько в последующем нападении, не столько отважно, сколько безразлично, а равно легкомысленно, какой-

либо опасности себя подвергал. И нисколько не интересуясь тем, какие у него, или какие с противоположной стороны собраны силы, равный или неравный ему противник, мало волнуясь, нападал» [La Historia ..., 1897, с. 18–19]. «Когда же королевство от внешних волнений наконец избавилось, король между тем для покоя и бездеятельности освободился, боясь, чтобы какое-либо происшествие приятному безделью не помешало бы, приказал своим фамиляриям², чтобы ни о какой возникшей тревоге или печали ему не сообщали, и затем, целиком отдавшись наслаждениям, потеряв чувство меры, поскольку его отец Фаворию³, Минений и другие усладительные места устроил, задумал, чтобы отца во всех свершениях превзойти, и сам также дворец построить, который был бы удобней и тщательней спланирован» [La Historia ..., 1897, с. 87].

В бою, по мнению Фальканда, Вильгельм I вёл себя не столько отважно, сколько безразлично и легкомысленно подвергал себя опасности [La Historia ..., 1897, с. 18–19]. Фальканд называет Вильгельма I «тираническим и бесчеловечным королём» [La Historia ..., 1897, с. 25] и даже обвиняет его в убийстве родного сына и наследника престола — герцога Апулии Рожера [La Historia ..., 1897, с. 60–62]. Таким образом, Фальканд стремится представить Вильгельма I полным антиподом своего отца Рожера II.

В чём причина противопоставления двух монархов, отца и сына? Чем заслужил Вильгельм I столь нелестную для себя характеристику в глазах своего подданного? Если при Рожере II «...в Сицилийском королевстве было [в достатке. — В.П.] деятельных и славных мужей, чтобы на море и на суше внушить страх соседям и обитающим вокруг племенам и наслаждаться миром, а равно спокойствием» [La Historia ..., 1897, с. 7], то король Вильгельм, «пренебрегая лучшими деяниями отца, допустил придти к гибели курию, которая благодаря стараниям его

² Высшие государственные сановники, члены королевского совета (курии).

³ Фавара.

отца была в наилучшем виде устроена, вследствие чего и фамилияриев, которых отец держал, частью осудил на изгнание, частью в мрачные узилища заточил» [La Historia ..., 1897, с. 7]. Итак, одна из причин нелюбви Фальканда к Вильгельму состоит в том, что тот «развалил» доставшуюся ему от отца курию.

Достоинство адмирала Вильгельм I возложил на незнатного уроженца Бари — Майона, которого Фальканд обвиняет во всех смертных грехах и считает ответственным вместе с королём в «разрушении и гибели королевства» [La Historia ..., 1897, с. 7]. Чтобы убедиться в том, что адмирал Майон был для Фальканда поистине одиозной фигурой, достаточно ознакомиться со следующей характеристикой, данной автором адмиралу: «Чудовище, которое как никто другой страшнее чумы, и никого другого нельзя было отыскать, кто бы успешнее действовал ради гибели и разрушения королевства. Ибо с рождения был готов на всё; с рождения выделялся красноречием; был склонен к притворству и скрытности и желал общего расположения; будучи сладострастным по натуре, желал соития преимущественно с благородными девушками и матронами, и услышав о достойной жизни какой-либо из них, тем сильнее их целомудрие испытывал, также, однажды воспылав в душе жадной доминирования, свой разум многими замыслами утомлял и непрерывно побуждался совершать преступления, но бушевавшую в душе бурю желал скрыть под безмятежностью» [La Historia ..., 1897, с. 8].

Фальканд с такой ненавистью говорит о Вильгельме I и адмирале Майоне, так как считает их ответственными в «гибели и разрушении королевства», которое, по его мнению, выразилось в гонениях против «сильных» и «благородных мужей» или «знати» (*proceres*). Вероятнее всего, что под этими терминами у Фальканда подразумевается титулованная аристократия, которая происходила либо от норманнов-завоевателей, либо от тех, кто пришёл с ними из других регионов Европы.

Симпатии самого Фальканда в конфликте короля и знати королевства лежат на стороне последней. Вот как он описывает

убийцу адмирала Майона — Матео: «...по мнению всех он был знатнейшего рода и безупречный, и ему знатные мужи Калабрии по большей части родственниками приходились. Но и адмирал его не иначе как за сына почитал. Увидев же его, всё ещё в юном возрасте пребывавшего, когда щёки были только первым пухом покрыты, в высшей степени знатный, обликом прекрасный, с замечательным телом и сильным более, чем в таком возрасте полагается, владеющего на Сицилии лучшей землёй, пообещал ему в жёны свою ещё маленькую дочь. Он [Матео Бонелль. — В.П.] к рыцарям своим был очень щедр и со всеми был радушен, и не пренебрегая конной игрой, которую называют “игрой с копьём”, среди рыцарей стяжал благосклонность и великое имя. Впрочем душу он имел непостоянную, и легко от задуманного отказывался, в чём только не был убеждён, пообещать он был отважен, а как доходило до дела, тут же остывал» [La Historia ..., 1897, с. 31–32]. Хотя в этой характеристике Фальканд и пытается сохранить видимость объективности, тем не менее его оценка Матео является настоящим панегириком. Когда Фальканд описывает убийство адмирала Майо, он вкладывает в уста убийцы следующие слова, которые позволяют легко выяснить симпатии и антипатии автора: «И вот, о предатель, наконец появился мститель за уничтожение знати, чтобы положить конец твоим гнусным преступлениям, и одним ударом за раз отберу у тебя как звание адмирала, так и поддельное звание короля». Таким образом, [Фальканд обвиняет Майона в стремлении отстранить короля от власти и занять трон]» [La Historia ..., 1897, с. 42].

Фальканд не только называет Вильгельма I «тираническим и бесчеловечным королём» [La Historia ..., 1897, с. 25] за его гонения, направленные против знати королевства, но и обвиняет его в убийстве своего собственного сына герцога Апулии Рожера. «Эти, хотя внезапные и неожиданные дела, однако великое зло и различные тяжёлые беды за короткое время вызвали, и всему королевству нанесли невосполнимый ущерб. Ведь не одна знать

большой потерей ослаблена была, и лишённая сокровищ частью сильно обеднела, но другую невозвратимую потерю понесло, с убийством герцога Рожера, которого выше упоминали, который более, чем в этом возрасте полагается, выделялся нравами больше дедовскими, чем отцовскими. И явились уже в нём со всей очевидностью и благоразумие, и радушие того, с кем одно имя носил. Неужели тот стал бы будущего короля Сицилии в карцере держать, или решился бы на столь пагубное дело, чтобы счастливое потомство зрения лишить.

Воистину этот остров никогда не обходился без тиранов, он обычно себе [в жертву. — *В.П.*] вместо королей сыновей требует, чтобы смерти сначала лучших предать, тех себе королями постановляя, через которых в будущем тирания сохранялась бы. Так однажды герцога Апулии Рожера смерти преждевременно предал, чтобы правление Вильгельма (сын и наследник Вильгельма I) наступило бы, который [Рожер. — *В.П.*] настолько высоко ценил благоразумие и кротость, насколько его брат предавался жестокости и угождал глупости. Так и по ныне, герцога Рожера уничтожил, Вильгельма же вывел, чтобы правил; кто за ними пойдёт следом? Их имена определи жребий и нет никого, ктобы знал или имел об этом понятие.

Этот мальчик [Рожер. — *В.П.*], пока те кто осаждали дворец, в окно неосторожно выглянул, стрелой пронзён был, и виновника этого дела молва точно установить не смогла. Однако по общему мнению вина за это преступление была возложена на гостиария⁴ Дария. Однако другие, которые признавались, что хорошо знают дворцовые тайны, отрицали то, что нанесённая рана была настолько тяжёлой, чтобы повлечь за собой смерть, и думали это жестокое преступление приписать самому королю. Ибо когда, как говорили, мальчик поспешил поздравить отца с освобождением, то отец разгневанный тем, что его враги называли [Рожера. — *В.П.*] лучшим королём, чем его, оттолкнул его

⁴ Придворная должность во франкских государствах, происходившая из поздней Римской империи.

от себя, и со всей силой ударив пяткой, сбил его с ног. Откуда тот едва ушёл, и страдающий к королеве был перенесён, где немного спустя скончался. Король таким образом насколько испытывая несчастье, настолько чрезвычайно стыдом из-за этого дела взволнованный, разорвав королевские одежды и позабыв о своём достоинстве, сидел на земле и безутешно рыдал, и в оцепенение от горя обратился...» [La Historia ..., 1897, с. 60–62].

Таким образом, нельзя назвать Фальканд верноподданным короля Вильгельма I. Скорее, судя по его симпатиям, историка можно отнести к стану противников короля и заговорщиков — баронов Сицилии.

Если в противостоянии короля и баронов Фальканд не считает нужным скрывать свои симпатии, зато когда он рассказывает о противоборстве враждующих партий при королевском дворе, Фальканд предпочитает не давать оценок от себя, а ссылается на слухи и «общественное мнение». По всей видимости, в этом случае Фальканд как историк пытается сохранить некое подобие объективности в своём труде или даёт в текст информацию вместе с оценкой, которая сформировалась в наиболее близком для него кругу общения.

Основное внимание Фальканд уделяет борьбе так называемых «лангобардов»⁵, «греков», одним словом, коренных жителей Сицилийского королевства с пришельцами из-за Альп, которых он называет «трансальпийцами» (*transalpini* или *transmontani*). Фальканд утверждает, что трансальпийцы традиционно пользовались влиянием при дворе Сицилийских монархов.

По его словам, Рожер II «различных мужей или в советах полезных или в войне прославленных вознаграждал, к доблестям благоденствиями поощрял. Преимущественно трансальпий-

⁵ Фальканд разделяет «лангобардов» и «ломбардов». Под первыми он подразумевает жителей Южной Италии, которые с XI в. активно взаимодействовали с норманнами и принимали активное участие в их завоевательных походах. Под вторыми имеются в виду жители Северной Италии, которые начали переселяться на Сицилию после основания королевства в 1130 г.

цев, когда от норманнов свой род вёл и знал племя франков всех остальных в военной славе обогнало, чрезвычайно усердных избирал и охочих до почитания»⁶.

По его словам, «трансальпийцы» доминировали в курии⁷ и пользовались её защитой, чтобы «обидно дразнить» лангобардов. Фальканд говорит, что пришельцы из «Франции и Нормандии» «в соответствии со своим нравом, в оскорбительных словах и проклятиях, своевольно злоупотребляя покровительством курии, называли греков и лангобардов предателями, множество раз их обидно дразнили»⁸.

«Лангобарды» и «греки» со своей стороны отвечали «трансальпийцам» тем же. Фальканд рассказывает, как «лангобарды» стремились изгнать «трансальпийцев» из курии [La Historia ..., 1897, с. 91–93], а «греки Мессины» восстали против чужаков с оружием в руках и «везде, где только могли найти трансальпийцев, убивали» [La Historia ..., 1897, с. 153].

В этом конфликте Фальканд не спешит занять место на позициях одной из сторон. Когда Фальканд описывает заговор «лангобардов»: архиепископов Ромуальда Салернского и Рожера Редина, епископов Джентилия Агригентского и Тостина Мазаринского, вкуче с нотарием курии Матфеем против «трансаль-

⁶ “Quosquaque viros aut consiliis utilites aut bello claros compererat, cumulatis eos ad virtutem beneficiis invitabat. Transalpinos maxime, cum ab Normannis originem duceret sciretque Francorum gentem belli gloria ceteris omnibus auferri, plurimum diligendos elegerat et propensius honorandos” [La Historia ..., 1897, с. 6].

⁷ “Aiebat enim Transalpine gentis superbiam, que hactenus potestate predita curie fretaque regum amicitia Longobardos impune multis exacerbasset iniuriis, deinceps a curia penitus excludendam, si prius electum amoveri contigerit. Eo namque semel expulso, nec ejus gentis quempiam in curia remansurum, ipsumque regem, cum ad etatem discretam pervenerit, eos habiturum familiares inter quos nutritus fuerit et quos eum usus longevus cosuetudoque docuerit, neque peregrinis et advenis, dignitatis curie collaturum” [La Historia ..., 1897, с. 93].

⁸ “Nuper enim ad eum de Francia Normanniaque clientuli multi confluerant, qui, ut eorum mos est, in contumeliosa verba precipites et curie patrocina licentius abutentes, Crecos et Lambardos proditores appelabant, multis eos iniuriis lacessentes” [La Historia ..., 1897, с. 133].

пийца» электа (избранного епископа)⁹ Сиракузского Ричарда, он крайне нелицеприятно отзывается о каждом из участников заговора и считает, что ими двигала «жажда славы», «ненависть» и «зависть» к более преуспевающему сопернику [La Historia ..., 1897, с. 91–93]. Ещё более негативно Фальканд отзывается о «греках Мессины», которых он называет «пиратами» [La Historia ..., 1897, с. 108].

Также нелицеприятно Фальканд говорит и о некоторых «трансальпийцах». Он высмеивает брата королевы Маргариты вдовы Вильгельма I и матери Вильгельма II, который прибыл из Испании: «Его королева стала Генрихом называть, поскольку до этого звался Родериком, и это имя Сицилийцы с отвращением высмеивали бы, словно неизвестное и варварское... Генрих был небольшого роста, имели очень редкую бороду, под его бледностью чернота кожи проступала, нерассудительный, безязычный, кроме как в азартных играх и игре в кости, ни в каком ином деле не добивался опытности и ничего иного так страстно не желал, как только было бы с кем поиграть и иметь с собой деньги, которые он мог бы неразумно и легкомысленно спустить» [La Historia ..., 1897, с. 107].

С большей симпатией Фальканд говорит о другом родственнике королевы Маргариты, призванном ей занять высший пост канцелярия при её дворе, — Стефана сына графа Пертинцесийского из Нормандии. Он рассказывает, что при королевском дворе «не было ни одного, кто бы сильно радовался его приходу» [La Historia ..., 1897, с. 110].

Фальканд говорит, что из-за канцелярия Стефана «магнаты и прочие могущественные мужи курии» лишились возможности «свободно с обычной тиранией обращаться с подчинёнными», а также и значительной доли всех своих доходов, что для них Стефан был «чужеродный мальчишка» [La Historia ..., 1897, с. 118], захвативший всю власть в свои руки. В то же время

⁹ Термин «элект» означал, что духовное лицо (в данном случае епископ) было избрано канониками, но не прошло обряда посвящения.

Фальканд говорит, что простой народ воспринимал Стефана «словно ангела-утешителя ниспосланного Богом» [La Historia ..., 1897, с. 114], так как строго придерживался правосудия. Фальканд пишет, что Стефан, рьяно исполняя правосудие, не только лишил влияния «магнатов и могущественных людей курии», но и поколебал престиж евнухов дворца [La Historia ..., 1897, с. 115].

Очевидно, что Фальканд сочувствует тому, что «чужак» наводит порядки в королевстве и симпатизирует выпадам, направленным против «тирании» «магнатов курии» и евнухов двора. Вместе с тем он постоянно отмечает незнание канцелярием Стефаном обычаев королевства. Фальканд искренне переживает, что Стефана окружают «франки», которые своими действиями ведут его к гибели.

Таков был норманнский рыцарь Иоанн де Лавардино, «действия которого принесли канцелярию немалый ущерб» [La Historia ..., 1897, с. 129], а также каноник из Нормандии Одон Кварелль, которого «не украшала ни учёность, и не был он наделён благоразумием в мирских делах, однако настолько алчным был, что и вымогательстве денег меры не знал, и в приобретении друзей, только гоняясь за размерами даров, не ценил доблести, верности и ума» [La Historia ..., 1897, с. 111–112].

Большой ошибкой Стефана и его сподвижников Фальканд считает то, что они продолжали себя вести на Сицилии так, словно бы они оставались во Франции. Вместо того, чтобы творить правосудие, Стефан и его доверенные люди действуют без гибкости. Фальканд говорит, что Стефан, «пренебрегая советами Роберта де Санто-Иоанно и магистра коместабули¹⁰ Рожера Тироненсийского, больше предпочитал быть совращён легкомыслием тех, которых с собой из Франкии привёл, которые мало того, что этим никакого должного правосудия не допустили, говорили, что невозможно терпеть такую наглость этой деревен-

¹⁰ Речь идет о «коннетабле» — высшей военной должности в средневековых государствах Западной Европы, которая происходит из поздней Римской империи.

щины, и если то, что они требовали, будет достигнуто, то многим это опасным примером послужит к тому, чтобы они стали непокорными и мятежными против своих господ. Таким образом ничего из того, на что от них получить надеялись, не добившись, вынуждены были между тем обиду свою сносить. Это дело принесло врагам канцелярия большую выгоду в том, чтобы вызвать против него ненависть многих граждан и горожан, говоря при этом, что это является его замыслом, чтобы заставить весь народ Сицилии, также как по обычаю Галлии, в которой граждане не свободны, платить ежегодные выплаты и исполнять повинности» [La Historia ..., 1897, с. 144–145]. Также и Одон Кварелль, пренебрегая советами стратига Мессины, «движимый гневом и поэтому не принимавший никакого совета, добавил, что кто бы не были остальные виновные, но за нанесённое ему бесчестье [их следует. — *В.П.*] немедленно наказать; что бесполезно такого рода случаи оставлять, чтобы это совершившие остались безнаказанными; что никакого страха у него нет перед деревенщиной; что [следует. — *В.П.*] привести это в исполнение сейчас, чтобы их примером прочие были устрашены» [La Historia ..., 1897, с. 147–148]. Эта неуступчивость и привела, по мнению Фальканда, к восстанию греков Мессины и убийству самого Одона Кварелля. Наконец, Фальканд говорит, что причиной поражения Стефана стал совет, поданный ему «франками», «которые не зная изворотливости заговорщиков и обычаев курии» посоветовали ему не покидать Палермо [La Historia ..., 1897, с. 156].

Таким образом, Фальканд смотрит на «франков» глазами местного жителя. В то же время они не были для него совсем «чужаками», так как он понимает мотивы их поступков и решений. В то же время он не поддерживает действия их противников — «лангобардов» и «греков», и считает их «заговорщиками», а не освободителями.

Если учесть, что Фальканд с большим жаром писал о борьбе сицилийской знати с королём Вильгельмом I, в которой его симпатии целиком были на стороне первых, и что в кон-

фликте «местных» и «трансальпийцев» он не присоединяется ни к одной из сторон, то можно предположить, что Фальканд смотрит на противоборствующие стороны как представитель местной сицилийской знати, которая, будучи обескровленной в борьбе с королевской властью, утратила главенствующие позиции при дворе.

Фальканд ни разу в тексте не позволяет себе назвать мусульман «врагами Христа», «язычниками», «идолопоклонниками», пользуясь для их обозначения довольно нейтральным термином — «сарацины». Его совершенно не раздражает и не озлобляет тот факт, что сарацины занимают видные должности при королевском дворе, ведают финансами королевства, вершат правосудие от лица короля, были «богатейшими» и «знатнейшими» людьми на Сицилии. Фальканд испытывает неприязнь к мусульманам только в том случае, когда ему кажется, что действия отдельных мусульман направлены против христиан и наносят вред королевству.

Например, в утрате Африки он винит «евнухов дворца» [La Historia ..., 1897, с. 27], которые якобы шпионили в пользу мусульманских правителей Африки, а также командующего сицилийским флотом евнуха Петра¹¹, который «как и все евнухи дворца, только по имени был христианин, а душой сарацин» [La Historia ..., 1897, с. 25].

В другом случае он считает, что придворный короля Сицилии евнух Мартин засуживал христиан, чтобы отомстить за смерть родного брата: «Ибо гаитус¹² евнух Мартин, которого король оставил для охраны города, а равно и дворца Палермо, когда узнал о смерти брата при взятии дворца христианами, вместо того, чтобы виновников этого происшествия разыскать, на всех

¹¹ В литературе идентифицируется с Ахмадом Сицилийским, который был захвачен на острове Джерба и перевезён на Сицилию, где он был обращен в христианство [Такаюта Н., 1993, с. 100, прим. 20].

¹² Придворная должность (происх. от арабского *ка'ид*, «предводитель», «полководец»).

христиан ожесточённо и скрытно беснуясь, всех считал в смерти брата виновными» [La Historia ..., 1897, с. 79].

Таким образом, Фальканд не воспринимает мусульман как «врагов христиан» и не испытывает чувства превосходства по отношению к ним. Он смотрит на них как подданный Сицилийского королевства.

Итак, в ходе проведённого нами исследования можно утверждать, что Фальканд был уроженцем Сицилийского королевства, при этом оставался человеком западноевропейской культуры, был мирянином, исповедовал христианскую религию, был близок к королевскому двору или долгое время проживал в Палермо. Фальканд имел чрезвычайно развитое «гражданское самосознание», а иначе, как объяснить факт создания столь самобытного исторического сочинения по собственному почину, без указки свыше, ради сохранения памяти о наиболее важных, с его точки зрения, событиях, произошедших в Сицилийском королевстве.

Возникшее в результате норманнских завоеваний Сицилийское королевство не обладало ни территориальным, ни этническим, ни социальным и ни религиозным единством. Фальканд выделяет несколько действующих внутри Сицилийского королевства групп, между которыми идёт борьба, или возникает сотрудничество, или существует противостояние, или же просто есть значительные различия. Это «сицилийцы», «апулийцы» и «калабрийцы»; «христиане» и «сарацины»; «местные» и «чужеродные»; «трансальпийцы», «франки», «испанцы», «лангобарды», «греки», «ломбарды», «арабы» и т.д.; жители городов Южной Италии и Сицилии: «салернцы» (Салерно), «мессанцы» (Мессина), «барийцы» (Бари) и т.д.; «знать», «народ», «духовенство» и т.п.

Над всеми этими группами стоит король, от позиции которого зависит стабильность в королевстве, так как поддержка королём одной какой-либо группы может дать ей превосходство над всеми остальными. Достаточно слуха о смерти короля, чтобы нарушилось шаткое равновесие между группами. Если

власть короля ослаблена, то значительно возрастает роль канцелярия и курии.

Насколько разнятся разделённые Фалькандом по территориальному признаку группы, видно из следующих примеров. «Тогда апулийцев племя очень непостоянное, свободу обрести напрасно желающее, которую ни достигнуть, ни удержать не могут. Так как и ни сильную войну не хотят устраивать, и не в мире и спокойствии пребывать. Оружие собирают, союзников привлекают, замки укрепляют. Другие, уже долго в мире пребывавшие, сверх всяких ожиданий, одному непостоянному позволяют себя увлечь в войну».

«Между тем, пока Апулия таким образом взволновалась, Сицилия всё ещё в спокойствии пребывала, и каким-либо волнениям не поддавалась; хотя ведь племя неверное, двигалось и склонялось какое-либо действие совершить, однако сицилийцы осторожно, не показывая вида, замыслы скрывали и тех, которых ненавидели нежными ласками улещали, чтобы неожиданно жестокостью поразить» [La Historia ..., 1897, с. 30].

«Но и Калабрия, верность которой прежде обычно трудно расшатать, под вторгающимися бурями из Апулии, уже сотрясаться стала» [La Historia ..., 1897, с. 31]. Здесь под «апулийцами», «калабрийцами» и «сицилийцами» скрывается знать (*proceres*), которая в зависимости от месторасположения их владений и получила у Фальканда такое наименование.

У Фальканда подробно освящается противостояние между христианами и мусульманами на Сицилии. Во время мятежа баронов, когда королевский дворец был захвачен, а сам Вильгельм I взят в плен, «также многих сарацин, которые в своих лавках торговали, или в казначейских диванах доход собирали, или вне своих домов неосторожно находились, теми же рыцарями были перебиты. Позже сарацины, узнав о беспорядках, посчитали что силы не равны, так как в предыдущий год адмирал принудил их всё своё оружие сдать в курию, остались в своих домах, из которых многие в центре города находились, в этой части города и

за Панирет переходили, где Христиане, нападая на них, долго впустую сражались. Ибо они из-за узости прохода и дорог безопасно для себя могли нашим сопротивляться» [La Historia ..., 1897, с. 57].

Особую неприязнь Фальканд питает к мусульманам, которые находились на службе у короля Сицилии. В утрате Африки он винит не только адмирала¹³ Майона и короля Вильгельма I, но и «евнухов дворца» [La Historia ..., 1897, с. 27], которые якобы шпионили в пользу мусульманских правителей Африки, а также командующего Сицилийским флотом евнуха Петра, который «как и все евнухи дворца, только по имени был христианин, а душой сарацин» [La Historia ..., 1897, с. 25].

«Пока это в Италии происходило, фортуна между тем в Палермо зло нового рода породило, и за отсутствием короля на Сицилии большое испытание последовало. Ибо *гаитус* евнух Мартин, которого король оставил для охраны города, а равно и дворца Палермо, когда узнал о смерти брата при взятии дворца христианами, вместо того, чтобы виновников этого происшествия разыскать, на всех христиан ожесточённо и скрытно беснуясь, всех считал в смерти брата виновными» [La Historia ..., 1897, с. 79].

«Жители Палермо, видя, что канцелярия [Стефана. — В.П.] ни уговорами, ни вознаграждениями или какой-либо милостью от справедливости отворотить нельзя, многих перед ним обвинили вероотступников из христиан сарацинами ставших, которые долго скрывались под покровительством евнухов. Из которых тот никого, кто в таком преступлении упорствовал, безнаказанным не отпустил. Этим воодушевлённые, большая часть граждан отважно поспешила обвинить Роберта Калатабойенсийского ...и были которые объявляли, что он в замке у моря на собственный счёт восстановил древнейший сарацинский храм, что ни в каких свидетелях не нуждалось, когда само дело ясно показывало» [La Historia ..., 1897, с. 115].

¹³ Высшая должность при дворе сицилийских монархов (происходит от арабского амир, «правитель», «начальник»).

«*Гаитус* Рихард также с прочими евнухами курии к нему [канцелярию Стефану] был враждебнейший за то, что Роберт Калатабойенсийский против его желанья осуждён был. И знатнейший их сарацин Сицилии и возглавлявший их Булкассим¹⁴ не менее сильную разжигал к нему ненависть среди сарацинов, когда сначала должны были бы его сильно любить. Он был возмущён тем, что канцелярий чрезвычайно по-свойски держится с богатейшим сарацином гаитусом Седиктом, с которым имел личную вражду, и казалось будто бы по его совету многое делал, вследствие чего, когда и сам ему многочисленные подарки приносил, считал себя презираемым и неспособным его милость заслужить» [La Historia ..., 1897, с. 119].

Гуго Фальканд приводит два случая взаимодействия ломбардцев с другими народами Сицилии под норманнским господством: «Рожер Славянин¹⁵ с Танкредом, сыном герцога, и многими другими, которые накануне отделились от Матео Бонелля, когда увидели его несправедливость по отношению к верным союзникам, Бутерию, Плацию и прочие Ломбардские города, которые отец его (граф Симон Поликастро) держал, захватил, и у ломбардцев благодарность и желание следовать за ним встретил. И более того, они пообещали идти за ним, не смотря ни на какие опасности, и также много от себя рыцарей поставили. Первым его приказом было силой оружия сарацин уничтожить. Ломбарды же, ничего приятнее и слышать не хотели, приказ его без промедления исполнили и в соседнее место неожиданно нагрянули, и тех кто по различным городам вперемешку с христианами, или тех кто отдельно, в собственных поселениях проживали, без разбора пола и возраста, уничтожились. В тот раз их того народа столько было перебито, что сосчитать невозможно. Много было и тех, кто либо убежали, либо спрятались, или были спрятаны христианским

¹⁴ Вероятно Абу-ль-Касим.

¹⁵ Прозвище одного из знатнейших представителей знати Сицилийского королевства.

населением, по милости фортуны, в южную часть Сицилии, под защиту сарацинских городов, сумели спастись. И с тех пор страшились ломбардского племени, и не было ни одной части Сицилии, где бы они селились с ними по соседству. И даже слышав об их приближении, разбегались» [La Historia ..., 1897, с. 70].

Разумеется, такое поведение Рожера Славянина и ломбардцев было направлено не столько против мусульман, сколько против авторитета королевской власти. Обязанность, которой состояла в том, чтобы предотвращать любые этнические конфликты между своими подданными. Король Вильгельм разгромил восставшую Плацею и заставил Рожера с Ломбардами покинуть Бутерию и отправится «за море».

В данном случае ломбардцы действовали не как подданные Вильгельма, а как верные вассалы Рожера Славянина, с семьёй которого их связывали прочные узы клятвы верности. Рожер был уверен, что найдёт поддержку у ломбардов, и у него, по всей видимости, не было причин сомневаться ни в их верности, ни в военных качествах. В свою очередь, ломбарды в большей степени желали придерживаться установленных вассальных отношений и определённого между норманнами и ломбардами кодекса поведения, чем спокойная и мирная жизнь под защитой королевской власти. В данном случае взаимодействие норманнов и ломбардов имеет общий смысл для обоих субъектов.

В подтверждение вышесказанного можно привести другой пример из «Истории королевства Сицилийского» Гуго Фальканда.

«Между тем, рандацинцы, вакариенцы, капицианцы, никосианцы, манианци¹⁶ и прочие ломбардцы, которые искали возможность воздать равным образом канцелярию за оказанные им многочисленные благодеяния, не сомневаясь в зависти и преступности предателей, послов направили в Палермо, кото-

¹⁶ Жители Рандаццо, Вакариццо, Капицци, Никосии и Маниаче соответственно.

рые просили канцелярия, и всеми способами пытались его уговорить, чтобы отважно двинулся с войском против Мессенцев. Ибо ему со своей стороны [пообещали. — *В.П.*], что двадцать тысяч бойцов из областей Ломбардских городов, куда бы не приказал, ему доставлены будут. Похвалив их за верность, канцелярий установил для этого срок, и приказал, чтобы между тем о своих необходимых делах позаботились» [La Historia ..., 1897, с. 155].

Фальканд описывает какое уныние охватило мусульман после смерти короля Вильгельма I. «В течение этих трёх дней [траура по королю. — *В.П.*] знатные женщины и матроны, преимущественно сарацинки, которых со смертью короля неподдельное горе постигло, ... с распущенными волосами и днём и ночью группами ходившие, шествовавшие впереди многочисленных служанок, весь город рыданиями наполнили, биением в тимпаны жалобным пением перекликались» [La Historia ..., 1897, с. 89].

Д.М. Тимохин

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ ХОРЕЗМШАХА ‘АЛА’ АД-ДИНА ТЕКИША В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКАХ XII в.

Возвышение Хорезмийской державы и ее превращение в одну из самых могущественных мусульманских империй домонгольской эпохи обычно связывают с правлением ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220). Однако, несмотря на очевидные военные и политические успехи этого правителя Хорезма, не менее важную роль здесь сыграл его предшественник, ‘Ала’ ад-Дин Текиш (1172–1200). Именно в годы правления этого хорезмшаха мы не только наблюдаем окончательное освобождение Хорезма от сельджукского господства, но и ярко выраженное противостояние хорезмийцев и локальных правителей из рода Сельджукидов. Именно Текиш заложил основы военного могущества Хорезма, заручившись поддержкой многочисленных представителей кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака, которые не только вошли в состав его армии, но и стали занимать ключевые посты в административном аппарате Хорезмийского государства. Могущество Хорезма в годы правления Текиша достигло такого уровня, что даже халифы из династии Аббасидов были вынуждены считаться с этой молодой, но при этом чрезвычайно динамично растущей державой. Все это заставляет исследователей, начиная с классических работ В.В. Бартольда, уделять внимание реконструкции биографии этого правителя Хорезма [Бартольд В.В., 1963, с. 45–597]. В то же время следует обратить внимание на то, что особое внимание исследователей в данном случае было уделено сведениям из арабо-персидских источников

XIII в., а также и из более поздних текстов, в то время как более ранние памятники пользовались меньшим вниманием. В связи с этим главная цель этой главы — проанализировать информационный потенциал арабо-персидских исторических сочинений XII в. в отношении реконструкции биографии, военной и политической деятельности такого выдающегося правителя Хорезма, каковым по праву являлся хорезмшах 'Ала' ад-Дин Текиш. Поскольку в отношении перечисленных нами ниже памятников, в большинстве случаев, существует богатая историография [См.: Агаджанов С.Г., 1994, с. 5–14; Cahen Cl., 1962, с. 59–78; Cahen Cl., 1977, с. 37–63; Peacock A.C.S., 2014(1), с. 2–19], а также нами были предприняты собственные, пусть и весьма скромные изыскания [Тимохин Д.М., 2020, с. 98–108], мы сознательно не затрагиваем вопросы биографии автора и особенности формирования его нарратива в подобных случаях. Исключением будут являться лишь те тексты, которые относительно слабо изучены либо редко использовались исследователями для реконструкции истории Хорезма и его правителей.

Нами уже отмечался тот факт, что в составе сочинений круга «сельджукской историографии», которые были написаны в XII в., информация об относительно поздних правителях Хорезма встречается либо благодаря более поздним анонимным вставкам, либо за счет их продолжения в сочинениях авторов XIII в. Одним из наиболее ярких примеров такого рода является сочинение Захир ад-Дина Нишапури *Сельджук-намэ* [Cahen Cl., 1962, с. 73–76; Peacock A.C.S., 2014(1), с. 2–19]: этот автор, как отмечали исследователи, довел изложение событий лишь до 1177 г. [аль-Хусайни, 1980, с. 11; Cahen Cl., 1962, с. 73–76; Peacock A.C.S., 2014(1), с. 10], а следовательно, вторая половина правления 'Ала' ад-Дина Текиша не могла найти своего отражения в его тексте. Однако более поздний автор, Мухаммад ибн Ибрахим, продолжил сочинение Нишапури и довел изложение событий вплоть до 1202 г., в результате мы наблюдаем в классическом издании обоих текстов осуществленную в Тегеране в 1953 г. следу-

ющую картину. Краткое описание начала правления Текиша приводится самим Захир ад-Дином Нишапури, который упоминает хорезмшаха всего лишь как одного из локальных правителей, который сумел возвыситься на фоне гибели восточной части некогда могущественной империи Сельджукидов [Нишапури, 1953, с. 74–83]. Однако упомянутый нами продолжатель *Сельджук-намэ* вновь возвращается к правлению ‘Ала’ ад-Дина Текиша: его описание не только несколько больше по объему, но и предлагает важные подробности военной и политической деятельности хорезмшаха во второй половине его правления [Нишапури, 1953, с. 90–92].

Впрочем, сам текст *Сельджук-намэ* также не избежал позднейшей редактуры: так, например, в главе «Повествование о султানে Арслане ибн Тогруле ибн Мухаммаде» упоминаются «монголы и хитай¹⁷» [Нишапури, 1953, с. 74]. Если о последних Захир ад-Дина Нишапури мог быть осведомлен, то появление монголов произошло уже после и окончания его труда, и его собственной жизни. Возвращаясь к особенностям данного нарратива, отметим также, что и у Нишапури, и у его продолжателя правление ‘Ала’ ад-Дина Текиша описано лишь применительно к внешнеполитической деятельности, то есть из данного текста сложно почерпнуть информацию относительно внутренней политики Хорезма в этот период. Даже такой «сквозной» сюжет для «сельджукской историографии», как борьба Текиша с собственным братом, Султан-шахом Махмудом, практически не находит своего отражения в этих памятниках. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что Мухаммад ибн Ибрахим включает в состав своего продолжения *Сельджук-намэ* другой расхожий эпизод, о котором сообщают практически все памятники XII в., а именно о борьбе ‘Ала’ ад-Дина Текиша и сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула III [Нишапури, 1953, с. 90–92]. Именно гибель последнего во многом предопределила последующее доминиро-

¹⁷ Речь идет о кара-китаях. — Д.Т.

вание Хорезма в борьбе за «сельджукское наследство», а также одинаково подробно описывается и авторами XII в., и их продолжателями [См.: Ибн аль-Асир, 2006, с. 281–282].

В качестве еще одного примера источника, где правление 'Ала' ад-Дина Текиша рассматривается практически исключительно сквозь призму военных походов, можно привести сочинение 'Имад ад-Дина Исфакхани *Нусрат аль-фатра ва 'усрат аль-фитра* [Peacock A.C.S., 2014(2), с. 78; Агаджанов С.Г., 1969, с. 19]. Оно обычно используется исследователями в более поздней сокращенной версии, которая принадлежит перу аль-Фатха ибн Али аль-Бундари, автора первой половины XIII в. [Histoire ..., 1889]. Впрочем, нас в данном случае интересует тот факт, что и здесь хорезмшах упоминается в связи с описанием поражения сельджукских войск под командованием султана Рукн ад-Дина Тогрула III в 1194 г., его гибели и захвата хорезмийцами Ирака Персидского [Histoire ..., 1889, с. 302–303]. В этом описании стоит отметить два любопытных момента: во-первых, в самом тексте аль-Бундари мы не видим полного имени интересующего нас хорезмшаха — он упоминается лишь как «ас-султан хорезмшах» без какого-либо имени собственного [Histoire ..., 1889, с. 303]. В то же время в приведенном нами выше тексте Нишапури, а точнее у его продолжателя, упоминается именно «султан Текиш» или «султан Текиш хорезмшах» [Нишапури, 1953, с. 90–92]. Вторым любопытным моментом следует признать тот факт, что и у аль-Бундари в его продолжении труда Исфакхани, и у Мухаммада ибн Ибрахима отмечается один и тот же сюжет: после победы хорезмшаха над сельджукскими войсками голова убитого султана Рукн ад-Дина Тогрула III была отправлена в Багдад [Нишапури, 1953, с. 91; Histoire ..., 1889, с. 303]. Это общее место для арабо-персидских исторических сочинений XII в. при описании гибели указанного сельджукского правителя: в частности, Садр ад-Дин аль-Хусайни, о сочинении которого нами будет сказано ниже, приводит те же сведения. «Султан 'Ала' ад-Дин Текиш отправил голову султана в Багдад» [аль-Хусайни, 1980,

с. 163–164]. Перед нами проявление устойчивой историографической традиции, которая нашла свое отражение и в памятниках XIII в. Так, например, у Ибн аль-Асира мы находим тот же эпизод с отрубленной головой, которую отправили в Багдад, а там выставили ее на всеобщее обозрение. «Его (т.е. султана Тогрула. — Д.Т) окружили, сбросили с коня и убили. Это было двадцать четвертого дня месяца *раби* I. Голову его доставили к хорезмшаху, и он в тот же день отправил ее в Багдад. Она была в нем установлена на несколько дней у Нубийских ворот» [Ибн аль-Асир, 2006, с. 281–282].

Нами уже отмечалось в одной из работ, что в данный исторический период Хорезм находился в очевидном союзе с Багдадским халифом и приведенный нами рассказ арабо-персидских авторов об отправке головы султана Рукн ад-Дина Тогрула III именно в Багдад — наглядное тому подтверждение. Эти союзнические отношения были вызваны обоюдным желанием ликвидировать последние остатки сельджукидского могущества, которое проявляли и халиф, и хорезмшах. Впрочем, когда хорезмийские правители еще больше увеличат свое военное и политическое могущество, а это произойдет уже при том же 'Ала' ад-Дине Текише, они сами начнут претендовать на место Сельджукидов в политической системе исламского Востока, что и уничтожит их союз с Багдадом [The Cambridge History, 1968, с. 183]. Справедливости ради стоит отметить, что окончательный разрыв и начало открытого противостояния между Хорезмом и Багдадом произойдет все же при наследнике Текиша, 'Ала' ад-Дине Мухаммаде, о чем сообщают многочисленные арабо-персидские памятники [Târikhè ..., 1903, с. 397; Ибн аль-Асир, 2006, с. 342–343; ан-Насави, 1973, с. 64–65; ан-Насави, 1934, s. 20–21].

Возвращаясь к арабо-персидским сочинениям XII в., принадлежащим к кругу «сельджукской историографии», отметим, что и в сочинении Мухаммада ибн Али Раванди *Рахат ас-судур уа айат ас-сурур* наиболее подробно из всей истории правления 'Ала' ад-Дина Текиша также описывается лишь его проти-

востояние с Рукн ад-Дином Тогрулом III [The Ráḥat-uṣ-ṣudúr ..., 1921, с. 285–302]. Справедливости ради следует отметить, что у Раванди данный исторический сюжет представлен в исключительных подробностях, которые, очевидно, отсутствуют в приведенных выше текстах. Вероятно, это, отчасти, можно объяснить особенностями биографии этого историка: он долгое время служил вторым секретарем у самого Рукн ад-Дина Тогрула III, а после его смерти Раванди долгое время искал нового покровителя, которому мог бы посвятить свой исторический труд, в результате чего его текст заканчивается событиями не 1194, а 1199 г. [Peacock A.C.S., 2014(1), p. 10]. Однако в другом отношении сочинение *Raxat as-sudur va айат as-сурур* вполне соответствует указанным нами выше текстам, поскольку в нем практически нет никаких данных о том, что происходило во внутренней политике Хорезма в годы правления там ‘Ала’ ад-Дина Текиша. Этот автор упоминает в своем труде, помимо обозначенного исторического эпизода, лишь отдельные военные кампании хорезмшаха, однако сведений о них он приводит немного, и никакой целостной картины событий по данному поводу на основании лишь данных *Raxat as-sudur* составить, разумеется, нельзя [The Ráḥat-uṣ-ṣudúr ..., 1921, с. 280–281].

Гораздо больше сведений относительно правления интересующего нас правителя Хорезма должно было бы содержаться в сочинении Садр ад-Дина аль-Хусайни *Ахбар ад-даула ас-сальджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар аль-умара уа-ль-мулук ас-сальджукиййа)*, который не только находился на службе у самого ‘Ала’ ад-Дина Текиша, но и был составителем такого сочинения, как *Тарих-и хорезмшахи*, которое, к сожалению, до нас не дошло [Бартольд В.В., 1963, с. 79; аль-Хусайни, 1980, с. 14]. Однако при внимательном чтении *Ахбар ад-даула ас-сальджукиййа* становится понятно, что, помимо упомянутого выше рассказа аль-Хусайни о поражении султана Рукн ад-Дина Тогрула III в борьбе с хорезмшахом [аль-Хусайни, 1980, с. 163–164], других сведений о правлении ‘Ала’ ад-Дина Текиша этот источник не содер-

жит. Так, аль-Хусайни упоминает эмиров сельджукского султана, которые переходили на хорезмийскую службу задолго до сражения 1194 г., а затем уже рассказывает непосредственно об этой битве в конце главы, которую он посвятил султану Рукн ад-Дину Тогрулу III [аль-Хусайни, 1980, с. 161–164]. Здесь, впрочем, стоит отметить, что, так же как и Раванди [The Ráhat-uş-şudúr ..., 1921, с. 285–302], аль-Хусайни указывает к качеству повода к войне между двумя этими правителями не хорезмийские претензии на земли Ирака Персидского, а спор между ними из-за города Рей [аль-Хусайни, 1980, с. 161–162]. Ценность сочинения аль-Хусайни заключается в данном случае в том, что он приводит текст послания, который получил Рукн ад-Дин Тогрул III до сражения с хорезмшахом от одного из чиновников ‘Ала’ ад-Дина Текиша, и которое, по-видимому, следует считать попыткой решить дело миром [аль-Хусайни, 1980, с. 162]. Вполне понятно, почему именно аль-Хусайни, с учетом особенностей его биографии, мог включить текст этого послания в свое сочинение, а также почему в других памятниках «сельджукской историографии» мы его не находим. При этом некоторые вопросы вызывает присутствие в *Ахбар ад-Даула ас-сальджукиййа* сведений о некоем военном совете, который произошел в ставке сельджукского султана накануне все того же сражения, на котором он принял решение о войне с хорезмшахом. «Султан сказал: “Это хорошее мнение. Но если мое сердце позволило мне поступить так, не думая о том, что народ скажет обо мне, мол, я бежал от этого человека [из трусости]. Кроме того, хорезмийцы войдут в Рей и станут управлять его жителями, а эти люди выказывали свою любовь и приверженность ко мне. Хорезмийцы будут властвовать там, станут притеснять их и чинить обиды. Поэтому я не поступлю так!”. Он встал и [тотчас] же выехал из Рея, а войска оставались у Хорасанских ворот. Часть войск ушла с ним» [аль-Хусайни, 1980, с. 163].

Подобного рассказа мы не находим в синхронных с текстом аль-Хусайни памятниках «сельджукской историографии», и, вероятно, данный сюжет мог быть им заимствован из неиз-

вестных нам источников. Впрочем, следует отметить и тот факт, что молчание всех этих текстов о других событиях правления ‘Ала’ ад-Дина Текиша, что неоднократно подчеркивалось нами выше, может быть вполне объяснимо особенностями формирования нарратива: главной целью, которая стояла перед всеми перечисленными нами авторами, заключается в реконструкции истории династии Сельджукидов. Следовательно, все несвязанные с этим сюжеты могли быть специально игнорируемы авторами и не найти никакого отражения в этих текстах. В свою очередь, когда деятельность такого регионального лидера, каковым до определенного момента следует считать хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Текиша, в большей или меньшей степени затрагивала историю Сельджукидов, эти сюжеты находили свое отражение на страницах упомянутых памятников. Поэтому вполне логичным выглядит включение истории противостояния хорезмшаха и Рукн ад-Дина Тогрула III в состав этих источников и полное игнорирование других фактов о правлении Текиша. Примерно то же самое можно сказать и о предшествующих хорезмшахах: например, об ‘Ала’ ад-Дине Атсызе в этих текстах присутствуют лишь сведения об его борьбе с другим сельджукским султаном, Санджаром, о других событиях не сказано практически ничего [аль-Хусайни, 1980, с. 93; Histoire ..., 1889, s. 280–281; Нишапури, 1953, с. 44–45; The Ráḥat-uṣ-ṣudúr ..., 1921, с. 174].

С текстами «сельджукской историографии», безусловно, связаны отдельные памятники, написанные в жанре «истории визирей» и посвященные первым лицам в аппарате управления державы Сельджукидов. Об одном из таких сочинений XII в., а именно о *Тарих аль-вузара (Зайль-и Нафзат аль-масдур)* Наджм ад-Дина Абу-л-Резы аль-Кумми нами было уже написано специальное исследование [Тимохин Д.М., 2020, с. 98–108], поэтому здесь обозначим лишь несколько важных деталей. *Тарих аль-вузара* является продолжением более раннего сочинения *Футур аз-заман ас-судур уа судур заман аль-футур* («Упадок времени везиров и везиры времени упадка») Ануширвана ибн

Халида Кашани, с которым связан определенный период биографии самого аль-Кумми [Reasock A.C.S., 2014(2), с. 83; См. также: аль-Кумми, 1985/1363, с. 35–46; Cahen Cl., 1962, с. 59–78; Reasock A.C.S., 2014(1), с. 9]. Любопытно, что это же сочинение Кашани станет основой и для упомянутого выше труда ‘Имад ад-Дина Исфакхани, и этот факт определенным образом связывает сразу три арабо-персидских исторических сочинения, написанных в XII в. [Reasock A.C.S., 2014(2), с. 78–91]. Возвращаясь к тексту самого аль-Кумми, отметим, что его сведения об ‘Ала’ ад-Дине Текише освещают качественно иную сторону его правления, нежели мы видим в приведенных выше источниках. Как уже отмечалось, в этих памятниках авторы обращают внимание преимущественно на борьбу Хорезма с остатками сельджукского могущества, что приводит к тому, что в них с большими или меньшими подробностями рассказывается о противостоянии ‘Ала’ ад-Дина Текиша и сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула III. В свою очередь, аль-Кумми сообщает о междоусобной борьбе за власть в Хорезме между Текишем и его братом, Султан-шахом Махмудом, а о внешней политике Хорезма в его сочинении сведений нет [аль-Кумми, 1985/1363, с. 235].

Стоит отметить в связи с этим несколько важных моментов: во-первых, аль-Кумми указывает на то, что борьба за власть разгорелась между сыновьями хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127–1156) [аль-Кумми, 1985/1363, с. 235], в то время как Текиш и Султан-шах Махмуд были сыновьями другого правителя Хорезма — Абу-л-Фатха Ил-Арслана (1156–1172) [Ибн аль-Асир, 2006, с. 270–271]. Во-вторых, в *Тарих аль-вузара* не описаны все перипетии этой междоусобицы, а лишь обозначен отдельный эпизод противостояния, которое растянулось на долгие годы: по сути, аль-Кумми описывает лишь ее начало и первое поражение Султан-шаха Махмуда, а затем отмечает в своем тексте, кто из сыновей хорезмшаха Ил-Арслана каким территориями после этого владел, то есть об окончательной победе Текиша в этом источнике информации нет [аль-Кумми, 1985/1363, с. 235].

Впрочем, сведения аль-Кумми по данному историческому эпизоду лишь в незначительных деталях отличаются от описаний более поздних авторов и в целом не противоречат сложившейся средневековой историографии истории Хорезма в домонгольский период [Ибн аль-Асир, 2006, с. 270–271]. Важно подчеркнуть, что эта часть текста аль-Кумми — одно из наиболее ранних упоминаний о войне между сыновьями хорезмшаха Абу-л-Фатха Ил-Арслана, о которой, как уже нами говорилось, молчат памятники круга «сельджукской историографии». Также стоит отметить, что в *Тарих аль-вузара* мы не только находим сведения о том, какие территории контролировали братья-соперники в начале войны друг с другом, но и о поддержке ‘Ала’ ад-Дина Текиша со стороны кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака [аль-Кумми, 1985/1363, с. 235]. Как уже отмечалось нами, это также одно из первых свидетельств в арабо-персидских сочинениях XII в. о союзнических отношениях между правителями Хорезма и кочевниками этого региона [Тимохин Д.М., 2020, с. 98–108].

Если говорить об описании правления ‘Ала’ ад-Дина Текиша в арабо-персидских исторических сочинениях XII в., написанных в жанре «всеобщих историй», а также тех, которые представляют собой наоборот «локальные истории» или «региональные хроники», то можно прийти к достаточно любопытному выводу. В составе так называемых «больших нарративов» XII в. сведения об интересующем нас хорезмшахе практически не встречаются: здесь можно привести в качестве примера сочинение Абу-л-Фараджа Ибн аль-Джаузи *аль-Мунтазам фи тарих аль-мулук уа-ль-умам*, где есть упоминания лишь о хорезмшахе ‘Ала’ ад-Дине Атсызе [аль-Мунтазам ..., 1992, т. 17, с. 17, 284]. В данном случае стоит, пожалуй, вновь подчеркнуть тот факт, что и этого историка правители Хорезма интересовали лишь в связи с событиями, так или иначе связанными с сельджукскими правителями. Тот же Атсыз у Ибн аль-Джаузи фигурирует только тогда, когда речь заходит о правлении сельд-

жукского султана Му‘изз ад-Дина Абу-л-Хариса Ахмада Санджара, при котором этот хорезмшах сумел добиться независимости и стать одним из самых могущественных региональных лидеров. Что касается «локальных историй» или «региональных хроник», то здесь, на первый взгляд, имя ‘Ала’ ад-Дина Текиша встречается несколько чаще. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что речь идет либо о сочинениях, написанных уже в начале XIII в., либо о поздних дополнениях или продолжениях арабо-персидских сочинений XII в.

Для того, чтобы наглядно проиллюстрировать первый случай, достаточно вспомнить написанное в 1216/1217 г. сочинение Ибн Исфандийара *Тарих-и-Табаристан* [Буниятов З.М., 1978, с. 8; Viran M., 2005, с. 69]. Этот автор достаточно подробно описывает военные кампании ‘Ала’ ад-Дина Текиша, которые были связаны не с борьбой за Ирак Персидский против Рукн ад-Дина Тогрула III, а с Табаристаном, истории которого и было посвящено упомянутое сочинение [An abridged translation ..., 1905, с. 67, 204, 255–258; Тарих ..., 1941, т. 1, с. 275; т. 2, с. 109]. В этом тексте можно найти отдельные сведения о борьбе за престол между Текишем и его братом, Султан-шахом Махмудом: «Когда умер хорезмшах Ил-Арслан (568 г. х. = 1172 н.э.), и его сын Тукуш отвоевал себе престол Хорезма у своего брата Султан-шаха Махмуда, последний вместе со своей матерью укрылись у испахада¹⁸, который пришел к Тамиша, чтобы встретить их, и послал перед собой своих наместников и командующих из Гиляна и областей города Рей с подарками, в то время как сам в долине Ганджина, которая расположена на расстоянии фарсаха от места называемого Испид Даристан, устроил для них такой праздник, каковой еще не устраивал ни один человек ни до, ни после него» [An abridged translation ..., 1905, с. 67]. Это сообщение Ибн Исфандийара наглядно демонстрирует причину, по которой война между сыновьями хорезмшаха Абу-л-Фатха

¹⁸ Речь идет об испахаде ‘Ала’ ад-Дине Хасане ибн Рустаме ибн ‘Али. — Д.Т.

Ил-Арслана продлилась более двадцати лет. Несмотря на победу в самом начале этой войны и захват Гурганджа, столицы Хорезма, 'Ала' ад-Дином Текишем, многие региональные лидеры по тем или иным причинам продолжали поддерживать его брата и тем самым способствовали продолжению конфликта. Пример этому из всех упомянутых сочинений XII в. приводит лишь аль-Кумми в *Тарих аль-вузара*, когда, описывая начало противостояния между братьями, упоминает о поддержке Султан-шаха Махмуда со стороны одного из региональных правителей — владетеля Нишапура Муиз ад-Дина Ай-Абы (Му'айида ад-Даулы Ай-Абы) [аль-Кумми, 1985, с. 235].

Справедливости ради стоит отметить, что этот сюжет из *Тарих аль-вузара* нашел свое отражение в более позднем труде Ибн аль-Асира, однако с гораздо большими подробностями, нежели позволил себе аль-Кумми. «...тогда Султан-шах с матерью ушел к аль-Му'айиду, принес ему огромные подарки и обещал ему богатства и сокровища Хорезма. Тот был ослеплен его словами, собрал свои войска и выступил с ним. Он достиг Субурны, городка в двадцати фарсах от [столицы] Хорезма, а Текеш уже расположился лагерем поблизости оттуда и выступил против него. Когда оба войска увидели друг друга, войско аль-Му'айида бежало, он был разбит, взят в плен и приведен к хорезмшаху Текешу. Тот приказал убить его, и он был убит на его глазах связанным» [Ибн аль-Асир, 2006, с. 271]. Важно отметить тот факт, что упомянутое сообщение Ибн Исфандийара не дублируется в более поздних текстах, так что о поддержке правителя Табаристана, которая была оказана Султан-шаху Махмуду, ничего не сказано, например, у того же Ибн аль-Асира [Ибн аль-Асир, 2006, с. 270–277]. Возвращаясь к тексту *Тарих-и Табаристан*, стоит отметить, что дальнейшие упоминания об 'Ала' ад-Дине Текише здесь касаются тех или иных военных или политических успехов этого хорезмшаха, уже прямо связанных с землями Табаристана [An abridged translation ..., 1905, с. 204, 255]. При этом за счет более поздних вставок в этом источнике появ-

ляются сведения о таких представителях династии Ануштегинидов, как, например, Джалал ад-Дин Манкбурны [An abridged translation ..., 1905, с. 256–258].

Наиболее ярким примером «локальной истории» XIII в., в состав которой были включены сведения о хорезмшахе 'Ала' ад-Дине Текише благодаря поздним дополнениям или дошедшую до нас в виде гораздо более позднего продолжения, следует признать сочинения такого автора XII в., как Афзал ад-Дина Кермани [Cahen Cl., 1977, с. 60; A History ..., 2012, с. 153–154]. Нам известно как минимум о четырех крупных работах, принадлежащих перу этого ученого, поэта и историка, одна из которых представляет собой трактат о медицине, а еще одна написана как наставление для молодого правителя и посвящена преимущественно вопросам государственного управления и нравственного облика «идеального правителя» [Bastani Parizi M.E., 1985, с. 599; A History ..., 2012, с. 153]. Однако для нашего исследования наибольшее значение имеют два других сочинения Афзал ад-Дина Кермани: принадлежащая ему «региональная хроника» Бада'и' аль-азман фи уака'и' Карман, в которой исторические события излагаются вплоть до 1088 г., и ее продолжение, где изложение событий продолжается вплоть до 613/1216 г. [Bastani Parizi M.E., 1985, с. 599]. С текстом первой из упомянутых нами «региональных хроник» мы можем познакомиться лишь благодаря ее позднему компилятору, Мухаммаду ибн Ибрахиму, сочинение которого было опубликовано М.Т. Хоутсмой уже в 1886 г. [Recueil ..., 1886]. В этом сочинении мы находим упоминание о подчинении Кермана 'Ала' ад-Дину Текишу, войска которого вторглись туда из пределов Систана, который был захвачен хорезмийцами ранее [Recueil ..., 1886, с. 136]. Также указывается на то, что в пределах Кермана были поставлены хорезмийские наместники, однако при этом бывшие локальные правители сумели сохранить свое положение [Recueil ..., 1886, с. 136]. Второй раз имя этого хорезмшаха встречается в самом конце сочинения Мухаммада ибн Ибрахима наряду с более поздними правителями Хорезма, 'Ала' ад-Дином

Мухаммадом и Джалал ад-Дином Манкбурны [Recueil ..., 1886, с. 201]. В обоих случаях, разумеется, мы имеем дело с более поздней припиской к тексту Афзал ад-Дина Кермани, принадлежащей его компилятору, Мухаммаду ибн Ибрахиму. Что же касается указанного продолжения Бада'и' аль-азман фи уака'и' Карман, то его рукопись была опубликована в 1952 г. А. Экбалем Аштиани, однако не содержит при этом никаких решительно новых сведений об 'Ала' ад-Дине Текише по сравнению с более ранним текстом [Bastani Parizi M.E., 1985, с. 599].

Как видно из приведенных нами примеров, с учетом более позднего происхождения нарратива сложно выявить среди «локальных историй» сведения об интересующем нас правителе, которые можно было бы достоверно отнести именно к XII в. Впрочем, сведения о нем из такого рода текстов либо касаются отдельных эпизодов правления 'Ала' ад-Дина Текиша, либо описывают подчинение хорезмийцам того или иного региона, но при этом, разумеется, целостного представления об этом правителе на их основании составить нельзя. Здесь хотелось бы вспомнить еще одного составителя «локальной истории», к труду которого достаточно часто обращаются и исследователи истории Сельджукидов, и авторы, которые пытались реконструировать историю Хорезма в годы правления династии Ануштегинидов. Речь о сочинении *Тарих-и Бейхак*, которое было завершено в 1168 г. Абу-л-Хасаном Бейхаки, более известным современным исследователям как Ибн Фундук. В данном случае вполне резонным выглядело бы замечание о том, что в этом тексте не могло быть сведений об 'Ала' ад-Дине Текише, который начнет править в Хорезме лишь в 1172 г., и действительно — данный текст содержит сведения лишь о более ранних правителях Хорезма [Байхаки, 1938]. Однако именно перу Ибн Фундука принадлежало вероятно самое подробное описание истории династии Ануштегинидов среди всех авторов XII в.: речь идет о сочинении, которое носило название *Машариб ат-таджариб ва гауариб аль-гара'иб*

[Бартольд В.В., 1900, с. 32–33; Агаджанов С.Г., 1969, с. 16; Бартольд В.В., 1973, с. 586]. Важно подчеркнуть, что, как и *Тарих-и хорезмшахи* Садр ад-Дина аль-Хусайни, само это сочинение Ибн Фундука до нас не дошло, однако, в отличие от первого, было многократно цитируемо более поздними авторами. Важный момент заключается в том, что именно на основании сочинения *Машариб ат-таджариб ва гауариб аль-гара'иб* базировали свой рассказ о ранних правителях Хорезма, в том числе об 'Ала' ад-Дине Текише, такие авторы XIII в., как Ибн аль-Асир и Джувейни. Последний в своем *Тарих-и Джахан-гошай* прямо указывает свои источники, на которые он опирался в рассказе о династии Ануштегинидов, уже в самом начале главы о хорезмшахах: «О том записано в *Машариб ат-Таджариб* Ибн Фундука аль-Байхаки, что является продолжением *Таджариб аль-Умам*¹⁹, а также упоминается в разделе истории *Джауами' аль-улум* Рази — а эта последняя работа написана для султана Текиша, — что некий Бильге-Тегин был главным чиновником дома Сельджуков, как при Саманидах Алп-Тегин был главнокомандующим армии Хорасана. Этот Бильге-Тегин купил в Гарчистане раба-тюрка по имени Нуш-Тегин Гарча, который благодаря своему уму и благоразумию постепенно возвышался до великих чинов, пока не стал важным лицом в дома Сельджуков, как Себук-Тегин в последние дни Саманидов, и не получил должности смотрителя умывальни» [Джувейни, 2004, с. 191].

У Ибн аль-Асира мы находим указания на заимствования из *Машариб ат-таджариб ва гауариб аль-гара'иб*, в том числе при описании правления 'Ала' ад-Дина Текиша: в частности, этот историк приводит два рассказа о борьбе этого хорезмшаха с собственным братом, Султан-шахом Махмудом, один из которых заимствован из труда Ибн Фундука. Здесь мы приведем лишь небольшой отрывок из той части текста *аль-Камиль фи-т-тарих*, которую Ибн аль-Асир, по его собственным словам, заимство-

¹⁹ Речь идет об известном сочинении Ибн Мискавейха (932/936–1030). — Д.Т.

вал из указанного нами более раннего источника. «Менгли-тегин²⁰ скверно обращался с подданными, забирал их имущество и убил некоторых эмиров. Хорезмшах услышал об этом, выступил против него и осадил его в Нишапуре в месяце раби‘ аль-аввал пятьсот восемьдесят второго года. Он осаждал [Нишапур] два месяца, но не смог его взять и вернулся в Хорезм. Затем он снова пришел в пятьсот восемьдесят третьем году к Нишапуру и осадил его. [Оборонявшиеся] просили у него безопасности, он обещали им ее, и они сдали ему город. Он убил Менгли-тегина, захватил Синдjar-шаха, почтил его, поселил в Хорезме и хорошо обращался с ним, но тот послал кого-то в Нишапур, чтобы склонить жителей к тому, что он вернется туда. Хорезмшах услышал об этом, арестовал Синдjar-шаха и ослепил его, а перед тем он [хорезмшах] женился на его матери и женил его на своей дочери; она умерла, и он женил его на своей сестре. Синдjar-шах оставался у него, пока не умер в пятьсот девяносто пятом году. Это рассказывает Абу-л-Хасан ибн Абу-л-Касим аль-Байхаки в книге *Машириб ат-таджариб*, а другой ученый [в области] истории рассказывает об этом с противоречием в некоторых вещах и перестановкой во времени. Мы приведем и этот [рассказ]» [Ибн аль-Асир, 2006, с. 273].

Ибн аль-Асир нигде не указывает имени второго из своих информаторов, отмечая лишь тот факт, что рассказ Ибн Фундука и анонимного автора существенно противоречат друг другу, поэтому арабский историк решил привести в *аль-Камиль фи-т-тарих* оба этих сообщения. «То, что приведено в этом рассказе, противоречит тому, что сказано перед тем. Если бы можно было соединить эти два рассказа, то я бы сделал это, но один из них относит к более раннему времени то, что другой — к более позднему, и поэтому мы привели целиком то, что оба они говорят. Из-за отдаленности же той страны от нас мы не знаем, какой из рассказов вернее, чтобы привести его и отбросить дру-

²⁰ Бывший гулям, захвативший власть в Нишапуре и фактически отстранивший от управления владельца этого города, Сандjar-шаха. — *Д.Т.*

гой. Я привел их в одном месте только потому, что правление Султан-шаха не продолжалось долго, и у него не было потомков, чтобы можно было распределить сведения [о нем] по годам. Поэтому я и привел все это последовательно!» [Ибн аль-Асир, 2006, с. 279]. Вероятно, перед Ибн аль-Асиром было два ранних памятника, содержащих противоречащие друг другу сведения, но можно предположить, что большее доверие у него вызвал текст Ибн Фундука, чье имя он привел. Справедливости ради стоит отметить, что рассказ второго анонимного информатора не был востребован и современными исследователями, которым был хорошо знаком текст *аль-Камиль фи-т-тарих*: в частности, приводимые им детали борьбы между ‘Ала’ ад-Дином Текишем и Султан-шахом Махмудом не нашли никакого отражения, например, в классическом исследовании истории Хорезма, написанном З.М. Буниятовым [Буниятов З.М., 1986, с. 38–45].

Для нас важно еще раз подчеркнуть два момента: во-первых, несмотря на то, что текст *Машариб ат-таджариб ва гауариб аль-гара’иб* Ибн Фундука до нас не дошел, его можно частично реконструировать благодаря более поздним памятникам, которые включали в себя цитаты из него. Во-вторых, по всей видимости, именно это сочинение представляло собой наиболее подробный рассказ о династии Ануштегинидов, в связи с чем и было востребовано авторами XIII в., в частности Ибн аль-Асиром и Джувейни. Последний также упоминает еще одно сочинение XII в. известного ученого и богослова Фахр ад-Дина ар-Рази *Джами’ аль-улум* [Агаджанов С.Г., 1969, с. 21], которое нельзя назвать собственно историческим сочинением, поскольку оно в большей степени представляет собой энциклопедию различных наук. Уже жанровая особенность этого исторического источника заставляет нас предполагать, что в нем вряд ли стоит искать подробный рассказ о правлении в Хорезме династии Ануштегинидов, хотя сам автор служил, в том числе, и хорезмийским правителям. Однако при ближайшем рассмотрении стоит отметить, что из всех хорезмшахов Фахр ад-Дин ар-Рази

удостоил своим вниманием и посвятил отдельный раздел своего сочинения лишь 'Ала' ад-Дину Текишу [ар-Рази, 1988, с. 127–128]. Однако данный раздел содержит мало фактологии относительно правления этого хорезмшаха, и скорее похож на восхваления того, кому автор хотел посвятить этот труд. Впрочем, и здесь можно найти ценные сведения: так, в самом начале этого раздела Фахр ад-Дин ар-Рази приводит полное титулование хорезмшаха, чего в приведенных выше текстах мы не находим — «Повелитель мира 'Ала' ад-Дин Полус Ислама и верующих Абу аль-Музаффар Тегиш²¹ ибн Хорезмшах помощник Эмира Верующих» [ар-Рази, 1988, с. 127].

Здесь следует подчеркнуть несколько важных моментов, которые связаны с этим сообщением из *Джами' аль-'улум*: прежде всего, в рассматриваемых нами исторических нарративах авторы употребляют лишь имя *Текиш* и не приводят полного титулования этого правителя Хорезма [Нишапури, 1953, с. 91–92; аль-Хусайни, 1980, с. 163–164; аль-Кумми, 1985/1363, с. 235; *An abridged translation*, 1905, с. 256–258]. В некоторых случаях мы можем наблюдать и вовсе отсутствие имени собственного в тексте того или иного автора XII в., а вместо этого в повествовании фигурирует лишь один титул — «хорезмшах» или «султан хорезмшах» [*Histoire ...*, 1889, с. 278, 302–303; *The Rāḥat-uṣ-ṣudūr ...*, 1921, с. 370–371]. В связи с этим сообщение Фахр ад-Дин Рази имеет для нас, безусловно, огромное значение и поэтому необходимо еще раз внимательно проанализировать приведенное им полное титулование хорезмшаха Текиша. Здесь бросается в глаза *лакаб* (почётный эпитет) *'Ала' ад-Дин*, который является сокращенной версией известного *лакаб*-а *'Ала' ад-Дунийа уа-д-Дин*, и он был не просто распространен внутри династии Ануштегинидов, но и являлся маркером старшего в роду и правящего на данный момент хорезмшаха. Есть несколько примеров того,

²¹ В тексте Фахр ад-Дина Рази вместо привычного в других текстах XII в. написания имени этого правителя Хорезма как «Текиш» (Т.к.ш.) мы видим лишь «Тегиш» (Т.г.и.ш.). — Д.Т.

что наследник престола до смерти своего отца носил другой лакаб, чаще всего *Кутб ад-Дин*, который менялся на *'Ала' ад-Дин* после занятия им престола. В частности, сразу два сочинение XIII в. фиксируют подобную традицию: в частности ан-Насави в *Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурни* пишет о правлении хорезмшаха *'Ала' ад-Дина Мухаммада* следующее. «В числе их [мер султана] было и то, что он разделил государство между сыновьями и назначил каждому из них страну. Право на Хорезм, Хорасан и Мазандаран он предоставил своему престолонаследнику *Кутб ад-Дину Узлаг-шаху* и для его указов (*тауки*) избрал формулу, не включавшую *лакаб-ов*, а именно: “Султан Абу-л-Музаффар Узлаг-шах сын султана Санджара, помощника Эмира верующих”. По их обычаю лакаб наследника в тугре не писался вовсе, пока сын не занимал место отца после него и тогда получал такой же лакаб, как и отец» [ан-Насави, 1973, с. 70]. Упомянутый нами в этой главе Ибн аль-Асир сообщает тот же факт и о периоде правления самого *'Ала' ад-Дина Текиша*: «В этом году двадцатого рамазана в Шахристане, находящемся между Нишапуром и Хорезмом, скончался хорезмшах *Текеш ибн Арслан*, владетель Хорезма, части Хорасана, Рея и других [городов] *Джибала*. Он отправился из Хорезма в Хорасан, будучи больным ангиной. Врачи советовали ему не двигаться, но он не согласился и выступил в поход. Когда он достиг Шахристана, болезнь его усугубилась, и он умер. После того, как болезнь его усилилась, послали к его сыну *Кутб ад-Дину Мухаммаду*, вызывая его и сообщая о тяжелом положении отца. Он отправился к ним, но его отец уже умер. После него к власти пришел он и [его] стали называть *'Ала' ад-дин-ом*, как и его отца, а до этого его [почетным] прозвищем было *Кутб ад-дин*» [Ибн аль-Асир, 2006, с. 287].

У *Фахр ад-Дина ар-Рази* хорезмшах *Текиш* именуется в том числе и как «помощник Эмира Верующих», то есть багдадского халифа, а с этим также связана определенная традиция титулования правителей Хорезма. Уже *З.М. Буниятов* отметил, что первый, пусть и не совсем самостоятельный правитель Хорезма

из династии Ануштегинидов, Кутб ад-Дин Мухаммад, именовался не иначе как *падишах Кутб ад-Дунийя ва-д-Дин Абу-л-Фатх Муьин Амир аль-Мумин* («падишах, полюс сего мира и веры, отец веры, помощник эмира верующих») [Буниятов З.М., 1986, с. 7]. Впрочем, уже в упомянутом нами сочинении ан-Насави написано, что наследник хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада также носил это почетное прозвище: «Султан Абу-л-Музаффар Узлаг-шах сын султана Санджара, помощник Эмира верующих» [ан-Насави, 1973, с. 70]. Безусловно, эта часть титула отражает союзнические отношения между представителями династии Ануштегинидов и халифами из династии Аббасидов, которые выстраивались уже первыми хорезмшахами и не потеряли своей актуальности вплоть до монгольского нашествия. Здесь, конечно, не стоит забывать, что в годы правления 'Ала' ад-Дина Мухаммада между ним и халифом ан-Насиром началось настоящее противостояние, приведшее даже к походу хорезмшаха на Багдад в 1217 г., но даже это, по-видимому, не сказалось на традиции титулования наследников престола. Впрочем, в годы правления 'Ала' ад-Дина Текиша отношения между Хорезмом и Багдадом были достаточно теплые и именно по этой причине, а также из-за общего желания покончить с остатками сельджукского могущества: именно в Багдад была отправлена голова сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула III, разбитого хорезмшахом, как нами и было отмечено выше [Нишапури, 1953, с. 91; Histoire ..., 1889, s. 303; аль-Хусайни, 1980, с. 163–164; Ибн аль-Асир, 2006, с. 281–282].

Стоит отметить, что титулатура хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Текиша неоднократно упоминается в сочинении Баха ад-Дина Мухаммада аль-Багдади *ат-Тауассуль ила ат-Тарассуль* [аль-Багдади, 1937]. Этот памятник также не является историческим сочинением, а представляет собой сборник образцов переписки и государственных указов хорезмийских правителей, при дворе которых и служил сам автор [Агаджанов С.Г., 1994, с. 5–14]. О других сборниках подобного рода нами будет сказано ниже,

а здесь отметим, что аль-Багдади приводит титул 'Ала' ад-Дина Текиша, который отличается от того, который мы видим в труде Фахр ад-Дин ар-Рази: «Повелитель мира Великий султан Текиш хорезмшах Ил-Арслан от Аллаха Всевышнего поддержка» [аль-Багдади, 1937, с. 144]. Безусловно, помимо приведенной титулатуры *ат-Тауассуль ила ат-Тарассуль* имеет некоторое значение и для реконструкции дипломатических отношений, а также отдельных аспектов внутренней политики Хорезмийской державы в годы правления 'Ала' ад-Дина Текиша [аль-Багдади, 1937, с. 158]. Сведений подобного рода мы не находим в памятниках XII в., которые имеют иную жанровую принадлежность и, как уже было отмечено выше, в основном упоминают этого правителя в связи с теми или иными завоеваниями, а также войной с собственным братом за господство в Хорезме.

Огромное значение для реконструкции истории Хорезмийской державы имеют чуть более ранние, но сходные по структуре и замыслу написания сочинения Рашид ад-Дина Ватвата [Ватват, 1960] и Мунтаджаб ад-Дина аль-Джувайни [аль-Джувайни, 1985]. Однако последний содержит в себе документы, которые могут быть полезны лишь для реконструкции истории правления более раннего хорезмшаха, 'Ала' ад-Дина Атсыза, особенно его борьбы с сельджукским султаном Санджаром. В свою очередь у Рашид ад-Дина Ватвата мы находим относительно небольшой рассказ о войне между 'Ала' ад-Дином Текишем и Султан-шахом Махмудом. Здесь так же, как и в сочинении аль-Кумми, упомянут тот факт, что накануне начала этого противостояния Текиш базировался в Дженде [Ватват, 1960, с. 175]. Есть, впрочем, и любопытная деталь — мать Султан-шаха Махмуда именуется у Рашид ад-Дина Ватвата как «Малика Туркан», в то время как в более поздних памятниках ее называют «Теркен-хатун». «В этом году умер хорезмшах Иль-Арслан ибн Атсыз ибн Мухаммад ибн Ануш-тегин. Он вернулся с войны с хитаями больным и скончался. После него стал править сын его Султан-шах Махмуд, а делами государства и войск стала рас-

поряжаться его мать [Туркан]. Старший же сын его [Иль-Арслана] 'Ала' ад-Дин Текеш находился в Джанде, который отец дал ему в надел» [Ибн аль-Асир, 2006, с. 270]. Вероятно, более устойчивым вариантом следует признать все-таки «Теркен-хатун», поскольку это почетное имя носили и жены сельджукских правителей [аль-Хусайни, 1980, с. 77, 78, 91, 92], и жена самого Текиша, мать 'Ала' ад-Дина Мухаммада [Ан-Насави 25: 85; Тимохин Д.М., Тишин В.В., 2018(2), с. 83–103].

Подводя итоги этого исследования, хотелось бы обратить внимание на следующие сюжеты: в отношении правления хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Текиша арабо-персидские источники XII в. преимущественно содержат сведения о его завоевательных походах. Наибольший массив информации в этих текстах связан с противостоянием этого правителя Хорезма и сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула III, закончившемся поражением и гибелью последнего в 1194 г. С учетом количества упоминаний об этом событии и повторении некоторых деталей можно смело говорить об определенной историографической традиции описания данного сражения и его последствий в сочинениях XII в. На примере некоторых текстов первой половины XIII в. следует подчеркнуть, что эта традиция была продолжена и в этих памятниках. Вторым по частоте упоминания и подробности описания следует признать сюжет о борьбе за власть в Хорезме между сыновьями хорезмшаха Абу-л-Фатха Ил-Арслана, Текишем и Султан-шахом Махмудом. Стоит отметить, что даже в собственно исторических сочинениях XII в. мы не находим описания всех деталей этого конфликта: арабо-персидские авторы зачастую останавливаются на начале этого противостояния и упоминают первое поражение Султан-шаха Махмуда, а также его бегство из Хорезма. Любопытно, что этот же сюжет упоминается с разной степенью подробности в арабо-персидских памятниках различной жанровой принадлежности: и в «локальных историях», и в сборниках писем и документов XII в.

Кроме упомянутых фактов из истории правления ‘Ала’ ад-Дина Текиша арабо-персидские источники этого периода упоминают изредка отдельные сюжеты, прежде всего касающиеся внешней политики, которую проводит этот правитель, а также некоторые авторы приводят его полную или сокращенную титулатуру. Таким образом, на основании приведенных нами в этой главе сочинений можно сделать вывод о том, что арабо-персидские тексты XII в. совершенно не освещают внутреннюю политику Хорезма в годы правления Текиша. Даже приводимые в сборниках статей и документов официальные бумаги, подписанные этим хорезмшахом, касаются преимущественно вопросов дипломатии и военных завоеваний. Таким образом, наиболее подробное освещение внутренних преобразований в годы правления ‘Ала’ ад-Дина Текиша можно найти лишь в составе сочинений XIII в. Поскольку у отдельных авторов, таких как Ибн аль-Асир и Джувейни, описание истории Хорезма при Текише базируется на одном и том же раннем сочинении Ибн Фундука *Машариб ат-таджариб уа гавариб аль-гара’иб*, то логично предположить, что из всех памятников XII в. именно оно содержало наибольшей массив информации о внешней и внутренней политике этого хорезмшаха. Поскольку его текст до нас дошел лишь в цитатах из более поздних памятников, видится весьма актуальной научной проблемой выделение всех отрывков из данного источника, которые дошли до нас пусть и в таком виде. Это, вероятно, позволит еще лучше понять значение этого исторического сочинения для реконструкции истории Хорезма, а также лишний раз подчеркнуть тот факт, что анализ формирования этой державы и биографии ее правителей, в том числе и ‘Ала’ ад-Дина Текиша, приходится воссоздавать, опираясь на памятники монгольской эпохи.

Последнее замечание в качестве гипотезы приводилось нами в самом начале этой главы, и представленный за этим обзор арабо-персидских текстов и содержащейся в них информации позволил продемонстрировать развернутое доказательство

этому. Все это нисколько не снижает значение арабо-персидских сочинений XII в. уже по той причине, что определенные события правления 'Ала' ад-Дина Текиша нашли в них отражение и стали основой для более поздних авторов: речь идет не только о борьбе с остатками сельджукского могущества или конфликте за власть в Хорезме с Султан-шахом Махмудом, но и о других сюжетах. В частности, сведения о тесных взаимоотношениях между Текишем и кочевыми тюркскими племенами восточного Дешт-и Кыпчака впервые отмечается у аль-Кумми и у Баха ад-Дина Мухаммада аль-Багдади, а в более поздних текстах, в том числе и в собственно исторических сочинениях, к этому добавляется дополнительная фактология, что и позволило исследователям сделать вывод о том, что военное могущество Хорезма базировалась именно на этом союзе [См.: Агаджанов С.Г., 1969; Ахинжанов С.М., 1995; Буниятов З.М., 1986; Тимохин Д.М., Тишин В.В., 2018(1)]. Как нам кажется, дополнительное внимание исследователей истории Хорезма в домонгольский период к указанным нами памятникам позволит еще лучше понимать определенные лакуны в истории этой державы, равно как и в деятельности ее правителей. Надеемся, что эта глава поспособствует новой волне интереса, как к этой научной проблематике, так и к самим арабо-персидским источникам XII в., упомянутым нами здесь.

М.Ю. Илюшина

Глава 4

РЕКОНФИГУРАЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ГОСУДАРСТВЕ МАМЛЮКОВ БУРДЖИ (1382–1517): АТАБЕК И ДАВАДАР

В середине XIII в. на месте некогда могущественной державы Аййюбидов (1171–1250) был образован Султанат мамлюков (1250–1517), история которого делится на два периода — бахритский (1250–1382) и бурджитский (1382–1517). В бахритский период, после гибели наследников одного из первых султанов, Байбарса (1260–1277), к власти пришел Калаун (1279–1290), основавший собственную династию (1279–1382). При Бурджитах политическая система Султаната мамлюков претерпела существенные изменения, которые привели к отказу от принципов управления государством, основанных на династическом идеале верховной власти. Авторитет султана зависел от поддержки и признания наиболее влиятельных эмиров, каждый из которых, в свою очередь, был потенциальным претендентом на трон. Принадлежность к семье, клану или «дому» султана перестала быть необходимым и тем более единственным условием участия в управлении государством [Зеленев Е.И., 2007, с. 138, 144]. Военно-административная система, во многом унаследованная мамлюками от Аййюбидов, при султанах-Бурджитах носила более подвижный характер, чем в предшествующий, бахритский, период. Центральное место в этой системе занимали мамлюкские офицеры, служившие при дворе султана, — военно-политическая элита.

Краткую характеристику системы соподчинения эмиров высшего звена представил в своем трактате о государстве мамлюков

Халиль б. Шахин аз-Захири (1410–1468), который был выходцем из семьи мамлюкского эмира, сам служил в мамлюкской администрации, в том числе и в Каире, и был хорошо знаком со структурой управления Султанатом [Zoubdat ..., 1894; Семенова Л.А., 1966, с. 16; ас-Сахауи, 1992, т. 3, с. 174–176]. Военную элиту, как указывает аз-Захири, составляли эмиры сотни — командиры тысячи, т.е. эмиры, в подчинении которых находилось до ста мамлюков и более, а на поле боя они командовали подразделением в тысячу воинов²². Именно эти эмиры занимали ключевые посты в военно-административной системе Султаната. Весьма почетной, но носившей временный характер была должность эмира хаджжа, под защитой которого находился караван паломников. Следующую ступень в военно-политической иерархии, согласно аз-Захири, занимал казначей султана. Выше по положению считался главный церемониймейстер (*хаджиб аль-худжжаб*). Затем в мамлюкской «табели о рангах» значился командир вахты (*рас науба ан-нууб*). Еще более высокой была должность главного конюшего (*амир ахур*). Следующую ступень в мамлюкской иерархии занимал главный хранитель чернильницы (*амир давадар*), который ведал всей перепиской султана. Стабильно высокой была позиция эмира совета (*амир аль-маджлис*), в обязанности которого входило распределение мест среди присутствующих на аудиенции у султана и соблюдение протокола. Еще выше было положение эмира оружия (*амир силах*, ведал оружейными запасами и исполнял почетную обязанность оруженосца султана во время официальных церемоний). Возглавлял эту иерархию главный эмир, или атабек (*аль-амир аль-кабир, атабак*) [Zoubdat ..., 1894, с. 113–114]. Представленная в трактате аз-Захири иерархия отражала, вероятно, существовавшее, по крайней мере в первой половине XV в., традиционное представление о статусе эмиров, но не являлась догмой или неизмен-

²² Имеются в виду воины *халка* — так называли тех, кто служил в мамлюкской армии, но не был мамлюком в строгом смысле этого слова (например, потомки мамлюков). О *халка* см. [Ayalon D., 1953, с. 448–59].

ным правилом, которому следовали мамлюки в течение всего периода правления бурджитских султанов. Тем не менее, как бы не изменялось соотношение между различными позициями в мамлюкской военно-политической элите, до конца XV в. возглавлял ее именно атабек.

Если при Бахритах атабек нередко держал в своих руках бразды правления государством при номинально занимавшем трон юном или безвольном султани, то в бурджитский период атабек, как правило, уже не довольствовался ролью регента и смещал малолетнего наследника престола, либо стремился занять трон после смерти очередного султана. Именно так складывалась карьера первого бурджитского султана аз-Захира Баркука (1382–1399). В 1377 г. он получил должность главного конюшего и через несколько месяцев, в 1378 г., стал атабеком при аль-Мансуре 'Али (1377–1381), который был посажен на трон в возрасте семи или восьми лет [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 11, с. 119]. Затем Баркук добился положения регента. В 1381 г. аль-Мансур 'Али умер и султаном стал его брат, девятилетний ас-Салих Хаджжи (1381–1382)²³. В следующем году Баркук отстранил от власти ас-Салиха Хаджжи и сам занял мамлюкский трон [Northrup L.S., 1998, с. 288].

Должность атабека была последней перед вступлением на престол в политической карьере еще девяти из шестнадцати бурджитских султанов, которые, как и Баркук, получили трон не по наследству, а по решению совета наиболее влиятельных эмиров. По сути, это означало, что эмиры по тем или иным причинам отказываются, по крайней мере на время, от намерения бороться за верховную власть и готовы стать опорой избранному султани. Взамен они получали престижные, влиятельные должности и защиту собственных интересов со стороны избранного ими султана. Нарушение обязательств с той или другой стороны приводило к конфликтам разного масштаба, а иногда и

²³ Некоторые источники указывают возраст шесть или одиннадцать лет. См. [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 11, с. 169].

к смене правителя. Поскольку решение совета эмиров отражало текущее соотношение сил, которое могло измениться с течением времени, практически любой влиятельный эмир рассматривался как потенциальный соперник, конкурент султана.

Действительно, энергичный, целеустремленный эмир имел реальную возможность стать султаном, и первым претендентом на престол на протяжении почти всего периода правления Бурджигов был именно атабек. Тем не менее должность атабека не была гарантией получения мамлюкского трона. Так, согласно завещанию аль-Му'айяда Шайха (1412–1421) управление делами государства до тех пор, пока его сын аль-Музаффар Ахмад²⁴ не достигнет совершеннолетия, должно было находиться в руках атабека Алтунбуги (ум. в 1421 г.). Однако, молодой и энергичный Татар (ум. в 1421 г.), в то время занимавший должность эмира совета, т.е. находившийся в мамлюкской иерархии на одну ступень ниже атабека, заручился поддержкой большинства эмиров, сделал все, чтобы избавиться от потенциальных соперников, и был официально наделен полномочиями верховной власти. Атабек Алтунбуга потерпел поражение, был арестован и казнен. Татар взял в жены вдову аль-Му'айяда Шайха — мать Ахмада — и по закону стал воспитателем и опекуном мальчика. Затем он сместил Ахмада и занял его место на троне [Ибн Тагри Бирди, 1984–2009, т. 3, с. 62–66].

Султаны стремились назначить на пост атабека не только самого авторитетного, но и самого преданного эмира, того, кому они могли доверять: атабек должен был стать опорой правителя, а его функции прежде всего были связаны с армией — краеугольным камнем в основании власти и авторитета мамлюков. Атабек назначался командиром войска во время походов, особенно если эти походы носили важный и масштабный характер. Он выступал советником султана в подборе эмиров и состава отрядов [Die Chronik ..., 1936, т. 3, с. 214, 215; аль-Бусрауи, 1988, с. 35–36; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 318, т. 7, с. 424–425]. Ата-

²⁴ Был возведен на трон 14 января 1421 г., смещен — 29 августа 1421 г.

беку — отцу-командиру²⁵ — нередко приходилось разрешать конфликты, возникавшие между мамлюками, эмирами и султаном [аль-Бусрауи, 1988, с. 214]. Так, например, когда в 1486 г. мамлюки, недовольные размером вознаграждения, которое они получили после очередного пограничного рейда, подняли смуту, именно атабек Азбек (ум. в 1499 г.) смог уговорить аль-Ашрафа Каитбая (1468–1496) пойти на уступки и урегулировал ситуацию [Die Chronik ..., 1936, т. 3, с. 228–231].

Атабеки при бурджитских султанах обычно исполняли дополнительные, весьма почетные обязанности. При Баркуке атабек Айтамуш аль-Баджаси (ум. в 1400 г.) был назначен смотрителем Бимаристана (*назир аль-бимаристан*) — больничного комплекса, выстроенного по приказу султана Калауна в Каире. С тех пор каждый, кто становился атабеком, получал это почетное назначение [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 12, с. 65, т. 16, с. 321]. Если по какой-либо причине султан не хотел или был не в состоянии возглавить процессию, которая отправлялась к Нилу, чтобы торжественно открыть плотину во время ежегодного разлива, эту миссию исполнял атабек. Упомянутый выше эмир Азбек в течение многих лет возглавлял такую процессию при стареющем султани Каитбае [Die Chronik ..., 1936, т. 3, с. 214, 261, 277, 289; Ибн аль-Химси, 2000, с. 277]. Еще одним свидетельством высокого положения атабека в политической системе Султаната мамлюков была его роль в процессах по делам *мазалим*²⁶. Согласно

²⁵ О значении термина «атабек» и становлении института атабеков на Ближнем Востоке см. [Гусейнов Р.А., 1966].

²⁶ Институт *мазалим* как структура, предназначенная для прямого и непосредственного вершения правосудия правителем, был продолжением древней традиции, существовавшей в различных формах в Византии, Сасанидском Иране и доисламской Аравии, а также в ранний период истории халифата. Согласно некоторым источникам первым халифом, регулярно разбиравшим дела о притеснениях на специальных судебных заседаниях, — *мазалим* — был 'Абд аль-Малик (685–705), но, вероятнее всего, становление института *мазалим* относится к Аббасидской эпохе. Суд *мазалим*, в основном, рассматривал жалобы на насилие и притеснение со стороны властей и

стандартной процедуре атабек имел право принимать или отклонять жалобы, предназначенные для рассмотрения в этом суде [Fuess A., 2009, с. 131].

Помимо главного атабека, были и атабеки в крупных городах — центрах провинций, таких как Дамаск, Алеппо, Триполи, Сафад. Атабек в Дамаске мог отвечать на жалобы и решать споры между судьями, т.е. отчасти выполнять функции султана на локальном уровне [Ибн Тулун, 1998, с. 39; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 320].

С вступлением на престол аль-Ашрафа Каитбая в Султанате мамлюков началось перераспределение доходов казны и реконструкция налоговой системы²⁷. Растущее политическое влияние приобрели эмиры-администраторы, различного рода управляющие, в ведении которых находились имущество и финансы султана. В конце XV в. эмиры, занимавшие пост атабека, постепенно утратили лидирующую роль в мамлюкской политической иерархии. После смерти Каитабая и гибели его сына, ан-Насира Мухаммада (1496–1498), только один из претендентов на престол, добившихся успеха, занимал пост атабека²⁸. Четверо остальных перед вступлением на трон занимали должность давадара, одновременно контролируя деятельность ведомств вазира и устадара (управляющего резиденцией султана).

Должность давадара — «хранителя чернильницы» в административной системе средневековых мусульманских государств

апелляции на решения судей, причем обратиться к султану за защитой мог любой его подданный, в том числе и зиммий, т.е. христианин или иудей [Ибн аль-Химси, 2000, с. 161; Fuess A., 2009].

²⁷ О финансовых реформах аль-Ашрафа Каитбая см. [Igarashi D., 2009].

²⁸ Довольно ярко иллюстрирует изменения в положении атабека в Султанате мамлюков следующий пример. Если в предшествующий период каждый новый султан после вступления на престол в первую очередь отдавал приказание о том, кто из эмиров будет назначен атабеком, то Кансух аль-Гури только через месяц, после того как стал султаном, принял решение о назначении атабека: все это время пост оставался не занятым [Die Chronik ..., 1934, т. 4, с. 8].

появилась при Сельджуках. Давадар ведал султанской перепиской, передавал султану корреспонденцию и документы на подпись. Обычно эту должность занимали «люди пера», но аз-Захир Байбарс (1260–1277) назначил давадаром одного из своих эмиров. При султанах-бахритах давадарми становились эмиры невысокого ранга. При бурджитах была введена должность главного давадара, ему подчинялись младшие давадары — служащие его ведомства. Обычно это были мамлюки султана, не имевшие еще звания эмира [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 309]. Своих давадаров имели наместники крупных городов и многие эмиры. В Дамаске, как и в Каире, главный давадар управлял собственным ведомством, в котором служили второй давадар и многочисленные младшие давадары [аль-Бусрауи, 1988, с. 215]. Давадар эмира составлял необходимые документы и письма и мог получить поручение доставить послание эмира султану. Давадаром эмира мог быть и немамлюк. Так, у наместника Сирии Кансуха аль-Йахауи (ум. в 1497 г.) служил давадаром получивший образование выходец из семьи феллахов [Ибн аль-Химси, 2000, с. 155; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 22, 405, 437, т. 7, с. 77, 182, 342].

К середине XV в. ведомство главного давадара было расширено, а его роль в государстве стала более весомой. Заметной становится позиция второго давадара, появляется должность третьего давадара. Повышение статуса главного давадара и особое значение, которое стало занимать его ведомство в укреплении центральной власти, повлекло за собой расширение штата подчиненных ему офицеров. В последней трети XV в. в Сирию стали направлять специального представителя этого ведомства — давадара султана в Дамаске. Эмир, занимавший эту должность, входил в число самых высокопоставленных лиц главного города Сирии [аль-Бусрауи, 1988, с. 200, 214, 218].

Функции давадара не были четко определены и изменялись в зависимости от обстоятельств и воли султана. Важно было то, что постепенно главному давадару передавался контроль над имуществом и доходами султана. При этом главного давадара

и второго давадара, наряду с другими эмирами высшего звена, назначали командовать военными экспедициями и походами [Ибн Тагри Бирди, 1984–2009, т. 12, с. 264; Дахман М.А., 1986, с. 237; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 392]. Давадар регулярно отправлялся в Верхний Египет, а иногда и в другие районы, для сбора налогов [Die Chronik ..., 1936, т. 3, с. 287, 294; Ayalon D., 1954, с. 62–63; Ayalon D., 1991, с. 172]. Эмиры, занимавшие должности главного и второго давадара, назначались управляющими крупных вакфов и могли иметь звание эмира сотни и командира тысячи [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 12, с. 269, т. 16, с. 341, 344].

Должность давадара нередко занимали эмиры, связанные матримониальными узами с семьей одного из султанов. Ан-Насир Фарадж (1399–1412) назначил главным давадаром мужа своей сестры. Аль-Ашраф Инал (1453–1461) после вступления на престол выдал свою дочь, Фатиму, за эмира Йуниса (ум. в 1461 г.), которого за два месяца до этого назначил главным давадаром [Ибн Тагри Бирди, 1984–2009, т. 6, с. 125, т. 12, с. 269]. Вторым давадаром служил еще один зять Инала, Бурдабек (ум. в 1464 г.). Он входил в ближайшее окружение султана, и его положение при дворе было гораздо выше, чем предполагала его довольно скромная должность [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 108].

При аз-Захире Хушкадаме (1461–1467) главным давадаром стал Йашбек аль-Факих (ум. в 1473 г.), который в свое время был женат на дочери султана аль-Му'айяда Шайха, а вторым давадаром с присвоением звания эмира сотни и командира тысячи — Джанибек аз-Зариф (ум. в 1465/66 г.) — он был женат на дочери аз-Захира Джакмака (1438–1453). После смерти Джанибека аз-Зарифа пост второго давадара получил эмир Хайрбек аз-Захири (ум. в 1474 г.), женатый на внучатой племяннице супруги Джакмака. При султানে аз-Захире Тамурбуге (1467–1468) вторым давадаром также был назначен член семьи — эмир Касбай (ум. в 1477 г.), брат жены Тамурбуги [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 307–308; ас-Сахауи, 1992, т. 3, с. 53, т. 9, с. 208–209, т. 12, с. 3, 90–91; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 170].

При аль-Ашрафе Каитбае была продолжена практика назначения в ведомство давадара тех, кто связан матримониальными узами с семьей султана или одного из его предшественников на троне. Должность второго давадара получил эмир Танибек Кара (ум. в 1500 г.), женатый на внучке аль-Ашрафа Инала. Главный давадар Каитбая Йашбек мин Махди (ум. в 1480 г.) в 1469 г. женился на другой внучке султана Инала [Reinfandt L., 2001, s. 276; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 393]. Назначенный главным давадаром после смерти Йашбека Акбирди (ум. в 1499 г.) женился на сестре супруги Каитбая [ас-Сахауи, 1995, т. 3, с. 930]. Наличие матримониальных связей между эмиром, занимавшим пост давадара, и «домом» султана все чаще прослеживается в середине — второй половине XV в., когда давадар начинает активно включаться в политическую борьбу и соперничать с другими эмирами высшего звена в схватке за трон.

Укрепление позиций давадара при дворе становится заметным при султанине Джакмаке. Его второй давадар Тамурбуга (ум. в 1475 г.) и главный давадар Инал (ум. в 1461 г.) впоследствии стали султанами. Инал с должности главного давадара был сразу переведен на пост атабека, обойдя, таким образом, трех эмиров, которые в соответствии с мамлюкской военной иерархией имели больше прав на то, чтобы занять это место. Это были эмиры оружия, совета и конюшни, все трое — ветераны, мамлюки Баркука [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 15, с. 125].

Тамурбуга, второй давадар, тоже пользовался большим влиянием при Джакмаке. Когда трон перешел по наследству сыну Джакмака аль-Мансуру 'Усману (правил с 1 февраля по 16 марта 1461 г.), Тамурбуга стал регентом и занял должность главного давадара [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 338]. Этот случай особенно показателен в отношении перемен, которые наметились в середине XV в. в мамлюкской политической иерархии, поскольку ранее в большинстве случаев регентом становился самый старший из эмиров — атабек.

Аль-Ашраф Инал в первый год своего вступления на престол пожаловал главному давадару звание и икта́ командира тысячи. Позднее он отправил давадара во главе мамлюкской флотилии на Кипр, а после этого наградил шелковым платьем и накидкой, расшитой золотом. Такую награду обычно получал только атабек [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 130, 138]. Состоявшаяся церемония награждения демонстрировала, таким образом, изменение той позиции, которую давадар занимал в мамлюкской военно-политической иерархии.

Одним из наиболее ярких представителей мамлюкской элиты середины XV в., главным давадаром при султানে аз-Захире Хуш-кадаме был Джанибек аз-Захири (ум. в 1463 г.). Его карьера весьма показательна в отношении того, как в мамлюкской военно-политической иерархии повышался статус эмиров-администраторов, все более решительно и энергично вступавших в борьбу за верховную власть [Ayalon, 1991, с. 172]. Важным этапом в продвижении по службе была деятельность Джанибека в Джидде, где он с 1445 г. занимался сбором налогов и пошлин при султানে аз-Захире Джакмаке. В 1449 г. на основании доноса он был снят с этой должности и оштрафован более чем на тридцать тысяч динаров, но уже в следующем году снова назначен инспектором в Джидде, после того как занимавший это место эмир бежал с казенными деньгами. Джанибек смог вернуть большую часть похищенного и с тех пор стал пользоваться особенным доверием султана и именовался уже не инспектором, а наместником Джидды. Когда на престол вступил сын Джакмака, аль-Мансур 'Усман, Джанибек был назначен устадаром. Затем Джанибек примкнул к сторонникам Инала, и после свержения аль-Мансура 'Усмана сохранил свою новую должность. Однако для него, эмира из фракции Джакмака, оставаться в Каире, да еще и нести ответственность за обеспечение собственных мамлюков нового султана было слишком рискованно. Расчетливый Джанибек подал прошение о переводе его в Джидду, инспектором порта. Эта служба была ему уже хорошо известна, сулила и почет, и хороший доход.

Несмотря на то, что, казалось бы, это был шаг назад в карьере, дальнейшие события показали, что Джанибек принял верное и дальновидное решение. Несмотря на скромную должность инспектора, его положение и полномочия в Хиджазе на практике соответствовали положению заместителя султана. Джанибек существенно приумножил свое состояние, смог приобрести земли в Египте и Сирии и предусмотрительно перевел их в вакф. На собственные средства он отреставрировал мечеть в Джидде, в Мекке соорудил общественный фонтан, выстроил док для купеческих кораблей на Ниле. В Каире Джанибек возвел собственный мавзолей, к которому примыкал большой религиозный комплекс, включающий медресе, ханаку, школу для сирот. Комплекс был обеспечен щедрыми вакуфными пожертвованиями, ежемесячные поступления от которых составляли более тридцати тысяч дирхамов. Все это еще больше укрепляло авторитет Джанибека и его репутацию благочестивого мусульманина, которая особенно была важна для представителя султана в Хиджазе [Ибн Тагри Бирди, 1984–2009, т. 4, с. 243–248; ас-Сахауи, 1992, т. 3, с. 57–59; Mortel R.T., 1996, с. 438, 440, 443–450]. К началу правления сына Инала, аль-Му'айяда Ахмада Джанибек стал признанным лидером фракции захиритов (мамлюков Джакмака) и принял активное участие в событиях, связанных с возведением на престол султана Хушкадама, кандидатуру которого, собственно, и предложил, более того, сумел отстоять, несмотря на возражения представителей других фракций. На четвертый день своего правления Хушкадам назначил Джанибека главным давадаром.

Джанибек принимал деятельное участие в изыскании средств, необходимых для раздачи денежного вознаграждения эмирам и мамлюкам по случаю вступления Хушкадама на престол. На посту главного давадара он умело использовал связи и опыт, приобретенные за время службы в Джидде. Фактически в его руках была вся дипломатическая переписка. Он получал послания от правителей Индии, Йемена, Хиджаза. Вместе с письмами гонцы доставляли Джанибеку богатые подарки, которыми он

щедро делился со своими «однополчанами» — мамлюками Джакмака, укрепляя таким образом и фракцию захиритов, и свое лидирующее в ней положение. Джанибек использовал все свое влияние при дворе, чтобы упрочить позиции захиритов, в том числе и в материальном плане. Так, он передавал своим «однополчанам» недвижимость в Каире, ранее находившуюся во владении других египетских эмиров [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 289; Mortel R.T., 1996, с. 438]. Джанибек обладал неоспоримым авторитетом, что, вероятно, и подтолкнуло Хушкадама к решению убить этого своего потенциального соперника: главный давадар приобрел слишком большое влияние, сравнимое с тем, которое ранее имели атабеки — ближайшие помощники, но одновременно и конкуренты султана. Джанибек погиб, а Хушкадам оставался на троне еще в течение четырех лет.

В период политической нестабильности, охватившей Султанат после смерти Хушкадама, давадары энергично включились в борьбу за власть — фракцию му'айядитов, выступивших на защиту султана аз-Захира Йалбая (правил с 9 октября по 3 декабря 1467 г.), возглавил главный давадар Йашбек аль-Факих (ум. в 1473 г.), а лидером бывших мамлюков Хушкадама стал второй давадар Хайрбек аз-Захири (ум. в 1474 г.). При пожилom и безвольном Йалбае Хайрбек полностью взял управление султанатом в свои руки [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 329–331].

В конце краткого периода правления Тамурбути тоже сложилась ситуация, в которой главный и второй давадар были наиболее активными политическими соперниками: Хайрбек был переведен на должность главного давадара, сумел отеснить второго давадара, Касбая, который был зятем Тамурбути, затем он сместил самого Тамурбути и даже на одну ночь занял трон²⁹. Изменение положения давадара в мамлюкской политической иерархии становилось все более очевидным. О том, какие материальные блага могла принести

²⁹ Церемония присяги не проводилась, большинство эмиров перешло на сторону Каитбая, который и стал следующим султаном. Когда Каитбай пришел к власти, Хайрбек был арестован [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 340–356].

эта должность, свидетельствует размер конфискованного впоследствии у Хайрбека имущества — около шестидесяти тысяч динаров, не считая оружия, верховых животных и мамлюков [ас-Сахауи, 1992, т. 3, с. 209; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 310, 312].

В первые месяцы правления Каитбая, в сложный переходный период укрепления власти нового султана, его ближайшим доверенным помощником стал главный давадар Йашбек мин Махди. В октябре 1468 г. султан назначил его в дополнение к должности главного давадара вазиром и главным управляющим египетских провинций. Через несколько месяцев, в 1469 г. Йашбек получил еще одну должность — усадара³⁰ — и сосредоточил в своих руках управление сразу тремя ключевыми финансовыми ведомствами, одно из которых занималось обеспечением султанских мамлюков, другое — землями, доходы от которых предназначались на это обеспечение, а третье — сбором налогов [Ayalon D., 1991, с. 172]. Таким образом, главный давадар получил возможность распоряжаться или, по крайней мере, самым активным образом влиять на распределение основных доходов и расходов и личной казны султана, и казны государственной.

Йашбек был не только одним из самых влиятельных, но и одним из самых богатых эмиров Египта. Он активно выступал на дипломатическом поприще, контролировал управление личной собственностью султана, смог обеспечить себе юридическую поддержку, а также авторитет в кругах египетских улемов. Во время военного похода против Шах-Сувары (1467–1472), правителя эмирата Дулкадир (1337–1522), располагавшегося в Восточной Анатолии, Йашбек, назначенный главнокомандующим, получил неограниченные полномочия в Сирии. Он мог смещать и назначать наместников

³⁰ В период правления аз-Захира Баркука эмир Куркмас совмещал должность давадара и усадара султана. Это было первое объединение двух «офисов», которые в поздний период правления Бурджитов приобретут решающее значение в управлении финансами, но Куркмас занимал эти должности всего не более трех месяцев — до своей смерти в 1390 г. [Ибн Хаджар аль-‘Аскалани, 1969–1998, т. 1, с. 395].

и эмиров, более того, вмешиваться в работу судебной системы [аль-Малати, 2002, т. 6, с. 327, т. 7, с. 11–12; Igarashi D., 2009, с. 34, 36, 38]. После гибели Йашбека пост давадара занял эмир Акбирди. При сыне Каитбая ан-Насире Мухаммаде он занял почти такое положение в администрации султана, как и в свое время Йашбек, — он был назначен главным давадаром, главным устадаром, вазиром, эмиром совета и главным управляющим египетских провинций [аль-Бусрауи, 1988, с. 210]. Акбирди активно включился в борьбу за власть, смог одержать победу над атабеком Кансухом Хамсуми'а (ум. в 1497 г.)³¹, но не стал султаном, скоропостижно скончавшись во время подготовки к мятежу [Die Chronik ..., 1936, т. 3, с. 349–417]. Трон получил сменивший его на посту главного давадара аз-Захир Кансух (1498–1500). Последние мамлюкские султаны аль-'Адилъ Туманбай (1501), аль-Ашраф Кансух аль-Гури (1501–1516), аль-Ашраф Туманбай (1516–1517) также перед вступлением на престол занимали должность главного давадара.

Глубинные причины качественных сдвигов в структуре военно-политической элиты государства мамлюков были связаны с формированием нединастийной системы престолонаследия. Дело в том, что в условиях ненаследственной передачи власти особое значение для победы над соперниками и конкурентами и для последующего укрепления власти султана имело подразделение тех мамлюков, которые были куплены и воспитаны им самим, в отличие от тех, кто вступил в отряд султанских мамлюков при прежних правителях. Для покупки, воспитания, обучения, содержания собственных мамлюков, для удовлетворения их растущих требований, а также для того, чтобы обеспечить поддержку со стороны влиятельных эмиров из других фракций, каждому новому султану требовались большие финансовые средства. Во второй половине XV в. заметной становится тенденция перевода государственных доходов в личную казну султана. Управление своим имуществом и финансами султан стал доверять узкому кругу при-

³¹ Кансух Хамсуми'а сумел на несколько дней (с 1 по 4 февраля 1497 г.) занять трон, но затем бежал из Каира под натиском мамлюков Акбирди.

ближенных, в число которых нередко входили члены его семьи. Основным принципом отбора кадров становилось не столько профессиональное соответствие и личные заслуги, сколько личная преданность, а деятельность мамлюкских эмиров выходила за пределы традиционной для «людей меча» сферы, распространялась в административном и финансовом секторе. Эмиры начали занимать должности, которые считались прерогативой «людей пера», более того, мамлюки-администраторы приобрели политическое влияние и вошли в число первых претендентов на престол.

Своего рода катализатором назревавших в течение нескольких десятилетий перемен в статусе атабека и давадара, а также в составе ближайшего окружения султана в целом, стали длительные, истощавшие казну войны в период правления султана аль-Ашрафа Каитбая, мрачным эпилогом к которым стала тяжелая эпидемия чумы³². Опыт объединения полномочий давадара, устадара и вазира в руках одного наиболее авторитетного и влиятельного эмира, предпринятый Каитбаем, показал, что это действенный способ пополнить доходы казны и сократить ее расходы. А эта задача стала самой важной для главы Султаната мамлюков в условиях постоянной военной угрозы и финансового кризиса. Поскольку значительная часть войска получала жалованье, а фонд икта³ существенно сократился, именно тот, кто контролировал сбор налогов и распределение денежных выплат, становился ключевой фигурой в государстве. После смерти Каитбая практика совмещения должностей давадара, устадара и вазира приобрела устойчивый характер. Постепенное реформирование финансовой системы Султаната привело к реконфигурации мамлюкской военно-политической элиты: наиболее значимое положение занимает давадар, основная задача которого — пополнение казны султана, а атабек — командующий армией — сдает свои позиции главного эмира, первого помощника и опоры властителя.

³² О военных конфликтах в период правления аль-Ашрафа Каитбая см. [Har-El S., 1995]. О размахе эпидемии, вспыхнувшей в 1492 г. см. [Зеленев Е.И., 2007, с. 151; Petry C., 1994, с. 19].

ЧАСТЬ II

ПРАВО

Глава 1

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД В ДОИСЛАМСКОЙ АРАВИИ

Суд как средство разрешения споров известен уже на ранних этапах истории человеческого общества. Его достоинства были очевидны тогда и остаются таковыми и теперь: передача спора на рассмотрение нейтрального человека, мнение которого авторитетно для обеих сторон, по крайней мере в идеале позволяет найти справедливое и взаимоприемлемое, а значит — исключающее дальнейшее противоборство, решение. О том, какое распространение приобрёл суд уже в весьма отдалённые времена, свидетельствует хотя бы то, сколько приходилось трудиться пророку Моисею, когда он выступал в качестве судьи:

«На другой день сел Моисей судить народ, и стоял народ пред Моисеем с утра до вечера. И видел [Иофор,] тесть Моисеев, всё, что он делает с народом, и сказал: что это такое делаешь ты с народом? Для чего ты сидишь один, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера? И сказал Моисей тестю своему: народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим и объявляю [им] уставы Божии и законы Его» [Исх., 18, 13–16].

В доисламской Аравии суд тоже применялся как средство разрешения споров. Историческая память арабов сохранила имена многих людей, выступавших в качестве судей; отметим, что они принадлежали к разным племенам и объединениям — курайш, тамим, кайс [Маджма' ..., 1955, ч. 1, с. 39; Масалиб ..., 1998, с. 31]. Среди них подчас встречаются люди, появление которых в этом качестве могло бы показаться нам неожиданным. Например, тамимит аль-Акра' Ибн Хабис, о котором сообщается, что

он был судьёй на знаменитой ярмарке в Указе [аль-Ауаиль ..., 1987, с. 87; Китаб..., 1996, с. 387]³³, причисляется в источниках к зороастрийцам. Называются в источниках и женщины, выступавшие в качестве судей [Маджма' ..., 1955, ч. 1, с. 39].

Упомянув здесь об источниках, мы должны сказать о них несколько подробнее. Обычно исследования, посвящённые средневековому судопроизводству, основаны на сохранившихся постановлениях, протоколах и прочих записях. Для данной темы таких документов нет, к сожалению, в нашем распоряжении. До нас дошли лишь рассказы об отдельных тяжбах, записанные много позже самих событий, а также стихи, посвящённые не столько самим разбирательствам, сколько отношениям их участников в целом. До начала исследования нельзя не задаться вопросом, можно ли на основании таких материалов делать научные выводы. Разумеется, нельзя поручиться за достоверность каждого рассказа. Но при рассмотрении этих сообщений нельзя не отметить, что события развиваются в них очень похо-

³³ Следует отметить, что в отношении того, кем был аль-Акра', сведения средневековых авторов несколько расходятся. В названных выше источниках, аль-Акра' называется только судьёй. Абу-ль-Мунзир, то есть известный средневековый знаток древностей Хишам аль-Кальби (род. ок. 737 г., ум. в 819 или 821 г.), сообщение которого во фрагменте, на который в тексте сделана ссылка, пересказывает аль-Марзуки (ум. в 1030 г.), уточняет, что аль-Акра' был только судьёй, но не распорядителем ярмарки во время её проведения (*маусим*). Между тем поэт аль-Фараздак (ум. ок. 728–730 гг.), перечисляя в одном из стихов выдающихся людей из числа своих предков, говорит: «а дядя мой по отцу, которого избрали ма'аддиты управлять (*хукуманан*), прибыв вместе в Указ — аль-Акра' Добрый (*аль-хайр*)...» [аль-хауи И., 1983, ч. 2, с. 43]. Отдать предпочтение одной из этих версий сложно. В пользу аль-Фараздака говорит то, что он — более ранний автор и к тому же соплеменник аль-Акра'а (оба принадлежат к тамимитам). Можно предполагать, что аль-Фараздак, который, заметим, не раз упоминает аль-Акра'а в своих стихах, основывался на оригинальных племенных сказаниях. В то же время в рассматриваемом стихе аль-Фараздак восхваляет выдающихся соплеменников; может быть, он несколько преувеличивает их высокое положение и заслуги. Впрочем, это расхождение касается того, был ли аль-Акра' распорядителем; оснований оспаривать его положение судьбы не имеется.

жим образом. Это невозможно объяснить простым совпадением рассказов; наоборот, представляется, что существовали определённые закономерности, по которым развивалась ситуация. Выявление этих закономерностей и составляет задачу настоящего исследования.

В дошедших до нас источниках судья именуется *хаким* (мн. число — *хуккам*). От того же корня, то есть *ха* — *каф* — *мим*, происходит и часто встречающееся выражение *тахакاما* или с последующим указанием судьи; оно значит «обратиться к такому-то за суждением». Если же автор указывает на противоположную сторону процесса («судиться с таким-то»), обычно использовался глагол *нафара* в III модели, означающий тяжбу. Разница в корнях не должна создавать впечатление, будто имеется какая-то смысловозначительная разница. Отглагольное существительное от данного корня (*нун* — *фа'* — *ра'*) — *муна-фара*; так в источниках обычно называется тяжба. Это слово считалось синонимом образованного по той же модели отглагольного существительного от корня *ха'* — *каф* — *мим*, т.е. *муха-кама* с тем же значением [Китаб ..., 1985, с. 268].

В истории доисламского периода аль-Йа'куби (ум. в 897/98 г. или после 905 г.) мы читаем, что к судьям «приходили с тяжбами и по вопросам наследства, вод и крови, ибо [у арабов] не существовало тогда религии, к установлениям которой можно было бы обратиться» [Тарих ..., 1964, ч. 1, с. 227]. Это утверждение в принципе соответствует тем выводам, которые можно сделать из прочтения сохранившихся рассказов о тяжбах. Далее полезно дать краткий обзор наиболее ясных сообщений.

По одному краткому упоминанию, восходящему к Хишаму аль-Кальби, 'Абд аль-Мутталиб ибн Хашим судился с Харбом ибн Умайей у Нуфайля ибн 'Абд аль-'Узза, который решил дело в пользу первого из них. Суть дела не излагается, однако это можно восполнить по другому рассказу о тех же событиях. Согласно ему у 'Абд аль-Мутталиба был источник воды в Таифе. Люди из племени бану Сакиф раскопали его — видимо, чтобы

превратить в колодец. ‘Абд аль-Мутталиб судился с ними у Гани ибн Саламы, считавшегося провидцем (*кахин*), или у того же Нуфайля. На стороне бану Сакиф выступал и упомянутый выше Харб ибн Умайя. К сожалению, рассказчик, которому принадлежит данное известие, уделяет основное внимание подробностям явно легендарного характера, за которыми суть спора теряется. Можно понять лишь то, что стороны изложили суть дела судье, и он вынес решение, с которым они (видимо, ‘Абд аль-Мутталиб и Харб) вернулись в Мекку [Маджма’ ..., 1955, ч. 1, с. 45–46]. Судя по первому известию, это решение было в пользу ‘Абд аль-Мутталиба, однако неизвестно, в чём именно оно заключалось.

Если рассмотренный выше случай касался, говоря словами аль-Йа‘куби, вод, то другой известный нам спор имел отношение к «кровям» (ар. *димá*). Этот буквальный перевод не вполне верен, потому что имеется в виду скорее плата за кровь (в смысле — за убитого), то есть вира. До нас дошли два рассказа о том, как один человек из мединского племени аус убил клиента (*маула*) вождя другого мединского племени, хазрадж, по имени Малик ибн ‘Аджлан. По обычаям доисламской Аравии клиент находился под покровительством своего патрона, который имел право мстить за него. Малик потребовал выдачи убийцы, на что аус ответили контрпредложением, заключавшимся в уплате виры. Именно здесь и возник спор: аус предлагали выкуп за клиента или союзника (*дийат аль-маула* или *дийат аль-халиф* соответственно), составлявший согласно одному рассказу пять верблюдов, тогда как Малик требовал виры как за убитого соплеменника (*дийат ас-сарих* или *дийат ан-насиб*), вдвое большей по размеру. Дело было не столько в размере виры, сколько в принципе: аус считали для себя унижительным платить больший выкуп, чем полагалось по обычаям. Для них согласие на уплату виры в повышенном объёме означало признание превосходства хазраджитов, что в условиях и без того напряжённых отношений между двумя племенами было совершенно неприемлемо. Начались стычки между ауситами и хазраджи-

тами. Наконец ауситы предложили Малику обратиться к третейскому судье — некоему ‘Амру ибн Имри’-иль-кайсу. Это предложение было принято, но ‘Амр разрешил спор в пользу ауситов, постановив, что Малик имеет право только на виру за клиента. Малик отказался признавать это решение, и вражда возобновилась. Наконец был найден другой третейский судья; по одной версии им стал аль-Мунзир ибн Харам, дед знаменитого поэта раннеисламской эпохи Хассана ибн Сабита, по другой — отец последнего Сабит. Эти версии различаются и в описании решения. По первой из них аль-Мунзир постановил, что вира должна быть уплачена в том объёме, который требовал Малик, но, что называется, в порядке исключения: в дальнейшем следовало вернуться к прежним установлениям, по которым за клиента платили половинный выкуп. Решение аль-Мунзира было выполнено, хотя вражда между племенами осталась [аль-Камиль ..., 1987, т. 1, с. 519]. По другой версии Сабит тоже вынес решение в пользу Малика, однако говорили, что аус отказались платить присуждённую виру, а предводитель хазраджитов не соглашался на меньшее; в конце концов судья покрыл разницу за собственный счёт [Хизанат ..., 1997, ч. 4, с. 279–282].

В другом случае судья решал вопрос о *дийе*, но иного рода: это слово обозначало также выкуп, который человек, так или иначе попавший в плен, давал за то, чтобы его отпустили. В сообщениях о «втором сражении при Заруде» мы читаем, что некий Хазима ибн Тарик ат-Таглиби напал на племя бану Йарбу’, принадлежавшее к объединению тамим. Этот набег кончился неудачей: йарбу’иты одержали победу над таглибитами, а Хузайма попал в плен. Два человека, Унайф ибн Джабала ад-Дабби и Асид ибн Хиннаа ас-Салити, спорили, кто именно пленил Хузайму, что на практике означало: кто имеет право на выкуп. Соперники отдали дело на рассмотрение аль-Харису ибн Кураду ар-Рийахи. Последний вынес решение, которое в источниках передаётся по-разному. По одной версии аль-Харис рассудил, что *насийа*, то есть чёлка, прядь волос, которую символически отрезали

у пленного для подтверждения факта пленения, должна отойти Асиду; Унайфу же причиталось тридцать молодых верблюдиц [Диуан ..., 1986, с. 59]. В другом рассказе всё почти точно наоборот: по решению судьи чёлка подлежала передаче Унайфу, но он должен был отдать Асиду сотню верблюдов. В итоге Хузайма выкупился, отдав за своё освобождение сто верблюдов и коня [Нихайат ..., 1949, с. 383].

Что касается споров о наследстве, автору этих строк пока не удалось найти в источниках показательного примера — за исключением явно легендарного рассказа о том, как сыновья Мудара, одного из прародителей «северных» арабов-‘аднанитов, делили его наследство с помощью мудреца аль-Аф‘а, который указал каждому его долю³⁴. Вместе с тем известен случай, когда речь шла о борьбе за политическое наследие. Согласно источникам, когда вождь крупного племени бану ‘Амир по имени ‘Амир ибн Малик, известный также как «Играющий с наконечниками копий» (*Мула‘иб аль-асинна*) состарился, за положение, которое он занимал, началась борьба между его племянником ‘Амиром ибн ат-Туфайлем и ‘Алькамой ибн Уласой. Хотя в некоторых рассказах конфликт между ‘Амиром и ‘Алькамой носит личный характер, очевидно, что причины противостояния были глубже и коренились, в частности, в соперничестве родов, к которым они принадлежали. В любом случае, однако, спор заключался не в том, кто имеет больше прав на что-то определённое, а в том, кто является более достойным человеком в принципе. Насколько можно судить, ‘Алькама строил свою позицию на том, что вождями племени были два его предка по прямой линии, а ‘Амир ибн Малик получил власть в порядке исключения, благодаря личным заслугам; теперь же положение вождя должно было вернуться к роду, которому принадлежало.

³⁴ Наиболее полные передачи этой легенды — у аль-Муфаддала ибн Саламы (род. между 825 и 836 гг., ум. в 912/13 г.), ат-Табари (838/839–923) и аль-Мас‘уди (ум. в 956 г.) [Maçoudi, 1864, с. 229–236; *Annales* ..., 1882–1885, с. 1108–1110; аль-Фахир ..., 1974, с. 189–191].

‘Амир ибн ат-Туфайль, пользовавшийся славой доблестного воителя, выдвигал в качестве аргумента свои собственные заслуги. Сказать, чем закончилась тяжба, трудно. По одному рассказу судья, в качестве которого выступал Харим ибн Кутба аль-Фазари, не назвал победителя, сказав, что каждый из них — благородный вождь (*саййид карим*) [Хизанат ..., 1997, ч. 8, с. 257–259; Диуан ..., 2010, с. 355–363]. Согласно другой версии победа была присуждена ‘Амиру [Сарх ..., 1963/64, с. 162–165]. Однако этот вывод сделан поздним мусульманским автором на основании стиха поэта Маймуна Подслеповатого, который, как мы увидим далее, принимал участие в тяжбе на стороне ‘Амира. Стих представляет собой резкий полемический выпад против ‘Алькамы, и по нему, строго говоря, трудно сказать, кто одержал победу. Из рассматриваемого ниже фрагмента, в котором судья принимает решение под влиянием выступления поэта, можно заключить, что дело закончилось благоприятно для ‘Амира, однако насколько благоприятно, не уточняется. Более веским доводом в пользу данной версии можно считать два стиха самого ‘Амира или, возможно, две разные передачи одного и того же его стиха, где он говорит:

«Хотя я — сын вождя (*саййид-а*) бану ‘Амир и всадник среди них, которого они зовут во всякий выезд, не за то, что я — чей-то родственник, сделали они меня своим вождём (*саййид-ом*)».

«А меня — хоть я и всадник из бану ‘Амир и чистокровный ‘амирит — сделали ‘амириты вождём (*саййид-ом*) не в порядке наследования» [Диуан ..., 1979, с. 13, 28].

Правда, и против этого можно найти возражения: стихи могут отражать не столько реальное положение дел, сколько претензии ‘Амира ибн ат-Туфайля, или даже не иметь прямого отношения к тяжбе. Кроме того, до нас дошёл один стих и из лагеря противников ‘Амира. Поэт Джаруаль ибн Аус, более известный под уничижительным прозвищем *аль-Хутай’а*, что можно перевести как «Уродец», выступал на стороне ‘Алькамы и составил стих с его восхвалением, где есть, в частности, такой фрагмент:

«Унаследовал ты (Алькама. — Д.М.) то, что осталось от двух Ахуасов, и не было это потеряно в пользу сыновей Туфайля — Малика и 'Акиля» [Диуан ..., 1958, с. 9]³⁵.

Смысл стиха очевиден: положение вождя, наследственное достояние рода Ахуаса, к которому принадлежал 'Алькама, осталось у него и не перешло к 'Амиру ибн ат-Туфайлю и его роду. По-видимому, решение судьи действительно было двусмысленным, и каждая из сторон считала победительницей себя.

В источниках сохранились рассказы о некоторых других тяжбах, суть которых была аналогичной: от судьи требовалось назвать более достойного. По одному сообщению, когда курейшит и предок Мухаммада Хашим ибн 'Абд Манаф совершил своё самое известное деяние — в голодное время доставил из Сирии хлеб и, велел бросить его мелкими кусочками в мясной отвар, кормил получившейся таким образом болтушкой людей, Умаййа ибн 'Абд Шамс позавидовал ему и взялся сделать так же, но не смог. Реакция людей была такова, что Умаййа, истолковав её как злорадство, вызвал Хашима на суд. Однако судья — им был не названный по имени провидец (*кахин*) из племени хуза'а — вынес решение в пользу Хашима [ат-Табакат ..., 1990, ч. 1, с. 62].

Другой случай — судья по упоминанию в нём ан-Ну'мана, то есть, вероятно, лахмидского царя ан-Ну'мана III — должен относиться ко времени его правления, т.е. к периоду 579 — 601 гг. Об этом эпизоде нам известно по двум рассказам, которые не полностью соответствуют друг другу и дают возможность воссоздать развитие событий только в общих чертах. Некий Ма'бад ибн Надла выяснял отношения с 'Аббадом ибн Анф аль-Кальбом по одному из этих рассказов или с Халидом ибн Уахбом — по другому. В обеих версиях друг другу противостоят роды бану Фак'ас (к которому принадлежал Ма'бад) и бану-с-Сайда' из племени бану Асад. О сути спора можно судить только по тому, что избранный сторонами судья, тамимит Дамра ибн Дамра, согласно

³⁵ Под «двумя Ахуасами», очевидно, понимаются предки 'Алькамы, бывшие вождями. Малик и 'Акиль — братья 'Амира ибн ат-Туфайля.

одному из рассказов, объявляет Халида достойнейшим из людей [Шарх ..., 1939, ч. 1, с. 234; Хизанат ..., 1997, ч. 9, с. 509].

Ещё один похожий эпизод имел место, насколько это видно по упоминанию об аль-Акра'е ибн Хабисе, в самом конце доисламской эпохи. Случилось так, что на рынке Указа столкнулись представители враждовавших между собой племён — баджила, принадлежавших к «южным» арабам-кахтанитам, и бану Кальб из объединения куда'а. Некий кальбит захватил в плен одного человека из баджила, сказав при этом, что, будь у него соплеменники, они защитили бы его. Тогда баджила напали на палатки кальбитов в Указе и отбили пленника. Кальбиты заявили, что потерпели неудачу потому, что большей части их соплеменников не было рядом. Тогда стороны договорились встретиться в Указе через год. По прошествии года они вновь сошлись в Указе и обратились к аль-Акра'у ибн Хабису, который, как мы помним, был судьёй. Тот вынес решение в пользу баджила [Китаб ..., 1981, с. 107–112; Хизанат ..., 1997, ч. 8, с. 20], хотя непонятно, какие именно требования стороны выдвигали друг к другу.

То, что значительную дошедших до нас известий составляют именно рассказы о состязаниях в достоинствах, следует, очевидно, объяснять большим интересом в обществе к таким спорам между известными людьми. Неудивительно, что с течением времени понятие *мунафара* стало ассоциироваться именно с такими состязаниями. В некоторых источниках оно объясняется как состязание в личных достоинствах перед судьёй [Сарх ..., 1963/64, с. 162; Хизанат ..., 1997, ч. 8, с. 257].

До настоящего времени наше внимание было сосредоточено на сути споров, т.е., выражаясь юридическим языком наших дней, на материально-правовых аспектах тяжб. Однако не менее интересными были процессуальные аспекты, в которых можно проследить аналогии и с нынешней эпохой. В племенном обществе доисламской Аравии, не объединённом ещё под властью единого государства, не было постоянно действовавших судов или судей, как, например, в Византии или Сасанидской дер-

жаве. Процесс носил характер третейского разбирательства, при котором судью или, вернее, арбитра назначали своим соглашением стороны. Последние, насколько можно судить, стремились к тому, чтобы судья был нейтральным; это лучше всего видно на примере случая, когда спор между курейшитами Хашимом и Умайей было доверено решить хуза'иту. Определиться с кандидатурой судьи было мало; следовало ещё уговорить человека выступить в этом качестве. Тот, кому предлагали стать арбитром, понимал, что его решение может не понравиться одной из сторон или даже обеим, а это, в свою очередь, вело к новому конфликту, потенциально опасному уже лично для него. Почти во всех рассказах о тяжбе 'Амира с 'Алькамой мы читаем, что несколько человек один за другим отказались выступать в качестве судей, причём первый из них, Абу Суфйан ибн Харб, сделал это из-за того высокого положения в обществе, которое занимали соперники [Сарх ..., 1963/64, с. 164; ат-Тазкира ..., 1996, с. 401; Диуан ..., 2010. С. 358]. Можно предполагать, что частью соглашения между соперниками и судьёй были гарантии безопасности последнему.

Другое условие, которое выдвигал потенциальный судья, заключалось в обязательстве сторон признать его решение. Это имело немалое значение и для судьи, так как означало, что его слово имеет вес; это укрепляло его репутацию. Харим ибн Кутба, соглашаясь рассудить 'Амира и 'Алькаму, обусловил это признанием обоими его решения [Сарх ..., 1963/64, с. 164; ат-Тазкира ..., 1996, с. 401; Хизанат ..., 1997, ч. 8, с. 259; Диуан ..., 2010, с. 359]. Ещё более показательно описание действий Сабита ибн аль-Мунзира (в том рассказе о тяжбе между Маликом ибн аль-'Аджланом и ауситами, где судьёй выступает он): он поначалу отказался судить, сказав, что соперники могут отвергнуть его решение, как прежде отвергли решение Амра ибн Имри'-иль-Кайса, и согласился только после того, как стороны заверили его, что примут его суждение [Хизанат ..., 1997, ч. 4, с. 281–282]. Заметим, что и стороны, рассчитывая на успех, стремились получить надёжные

гарантии. В рассказе о тяжбе между баджила и кальбитами их вожди сначала заявляют, что гаранты исполнения будут традиционные божества доисламских арабских верований, а затем предоставляют друг другу заложников [Китаб ..., 1981, с. 109]. 'Амир и 'Алькама дали заложников из числа своих сыновей. Эти заложники были помещены на временное содержание к одному человеку, о кандидатуре которого тоже договорились стороны [Диуан ..., 2010, с. 357–358].

Эти характерные черты доисламского процесса аналогичны тому, что существует и в наши дни. И теперь компании, заключая договор, указывают, на рассмотрение какого суда отдадут возможные разногласия в будущем, признают, что решение этого суда будет для них обязательным. Однако в одном такие досудебные договорённости доисламских арабов сильно отличались от современных нам. Если сейчас проигравшая сторона удовлетворяет те требования победившей, которые признал справедливыми суд, то в рассматриваемую эпоху стороны заранее делали ставку. Хашим согласился судиться с Умайей на том условии, что проигравший зарежет пятьдесят верблюдиц (очевидно, чтобы угощать их мясом людей) и в течение десяти лет не будет появляться в Мекке; судя по дальнейшему рассказу, соперники так и договорились [ат-Табакат ..., 1990, ч. 1, с. 62]. 'Амир и 'Алькама установили ставку в сто верблюдов с каждой стороны, которых по одним сведениям должен был получить судья [Хизанат ..., 1997, ч. 8, с. 258; Диуан ..., 2010. С. 357], а по другим — победитель, но от судьи [Сарх ..., 1963/64, с. 163]. Ставка в сто верблюдов фигурирует и в рассказе о тяжбе Ма'бада с 'Аббадом или Халидом [Шарх ..., 1939, ч. 1, с. 234; Хизанат ..., 1997, ч. 9, с. 509]. Если верить рассказу о тяжбе между кальбитами и баджила, предводитель первых, Халид ибн Артат, предложил ставку в тысячу верблюдиц. В ответ вождь баджила Джарир ибн 'Абд Аллах сделал контрпредложение: по тысяче девственных наложниц, а если кальбитам угодно — то по тысяче унций золота [Китаб ..., 1981, с. 108]. Поскольку трудно сказать, кому именно — судье или

победителю — должна была отойти ставка, трудно рассуждать о её природе. Она могла быть и гонораром судьи, и платой проигравшего, как, например, при проведении пари. Нельзя исключать, что каких-либо обычаев или правил не было, и вопрос каждый раз решался так, как договаривались соперники.

Сам суд проходил по нашим меркам вполне обычно. В назначенное время соперники встречались у судьи. В некоторых случаях судьи использовали некоторые внешние атрибуты своего положения. Например, о тамимите Мухашине ибн Му'ауийи сообщается, что он восседал на особом деревянном кресле [Тарих ..., 1964, ч. 1, с. 227]. Рассмотрение дела, судя по имеющимся рассказам, заключалось в ответах сторон на вопросы судьи, что одновременно являлось и прениями; такие разговоры могли вестись и в присутствии всех, и только между судьёй и одним из соперников. Насколько можно судить, в этих препирательствах принимали участие не только сами соперники, но и люди, выступавшие на их стороне. Большим подспорьем было участие поэта, который, как мастер слова, мог и подчеркнуть достоинства того, на чьей стороне он выступал, и эффектно выставить в неприглядном свете противника. Тяжба между 'Алькамой и 'Амиром ибн ат-Туфайлем снискала, как представляется, широкую известность не в последнюю очередь потому, что в ней приняли участие известные поэты той эпохи: Джаруаль Уродец и ас-Сандари ибн Шурайх поддерживали первого, Маймун Подслеповатый — второго. Поддержать 'Амира призывали и другого известного поэта, Лабида ибн Раби'у. Последний, согласно одному рассказу, принял участие в тяжбе [Диуан ..., 2010, с. 355, 360]. Между тем по стихам Лабида видно, что он, будучи на стороне 'Амира, отказался участвовать в тяжбе, так как не желал полемизировать с ас-Сандари и тем самым признавать его равным себе [Шарх ..., 1962, с. 286, 334]. Что касается Маймуна, то, согласно одному рассказу, его привело в лагерь сторонников 'Амира то, что последний предоставил ему покровительство (*джиуар*) на более выгодных условиях, чем 'Алькама. Получив такое покровительство, Май-

мун начал сочинять стихи в поддержку 'Амира против 'Алькамы [Хизанат ..., 1997, ч. 3, с. 399–400]. Вот, например, как он пытается представить в смешном свете главный довод 'Алькамы — высокое положение его предков:

«Не глупи, 'Алькама, и не выпячивай перед каждым встречным достоинства предков твоих» [Gedichte ..., 1928, с. 106].

Далее в том же стихе Маймун приписывает решающую роль в том, что он сам и другие сторонники 'Амира считали победой, своему выступлению:

«Сказал я слово, и он (судья. — *Д.М.*) рассудил между вами, разобравшись, кто выиграл, а кто проиграл» [Gedichte ..., 1928, с. 106].

При всей важности удачного выступления в прениях победа в тяжбе зависела не только от него. Над судьёй, как и тогда, когда он только соглашался им стать, довлела перспектива конфликта с проигравшей стороной. Поэтому судьи, как показывают представленные выше случаи, тяготели к компромиссным решениям, приемлемым для обеих сторон. Если же судья явно принимал сторону одного из соперников, другой мог отказаться признавать вынесенное решение. Из случаев, рассмотренных выше, об этом говорит пример Малика ибн аль-'Аджлана, который отверг решение 'Амра ибн Имри'-иль-кайса и продолжил борьбу с ауситами. Другой пример даёт тяжба Ма'бада с 'Аббадом или Халидом. По сообщениям источников оппонент Ма'бада договорился с судьёй Дамрой ибн Дамрой, дав ему по одной из версий взятку — сотню верблюдов, и тот вынес решение в его пользу. Согласно тому же повествованию Ма'бад расценил это как такое нарушение соглашения между сторонами спора и судьёй, после которого оно утратило силу, и угнал верблюдов, составлявших его долю в ставке. В другом рассказе этих подробностей нет, но сообщается, что ан-Ну'ман III, в резиденции которого проходило разбирательство, взял сына Ма'бада по имени Кайс в заложники за верблюдов. Это имело бы смысл, только если бы Ма'бад действительно угнал животных и потому был обязан вернуть их

назад. Как отмечено выше, невыполнение решения судьи было для него крайне нежелательным результатом, так как подрывало его репутацию. Однако для Дамры неприятности на этом не кончились. Впоследствии соперники искали суда у лахмидского царя ан-Ну‘мана III, который отослал их к смотрителю святилища богини аль-‘Уззы; последний не только не утвердил решение Дамры, но и наложил на него штраф в сотню верблюдов [Шарх ..., 1939, ч. 1, с. 234; Маджма‘ ..., 1955, ч. 1, с. 39; Хизанат ..., 1997, ч. 9, с. 509–510]. Более того, поэт Сабра ибн ‘Амр сочинил стих с резким порицанием Дамры; он начинается словами:

«Дамра — да потеряет сына мать твоя! — как судил ты?
За суждение отвечает тот, кто задумал его» [Диуан ..., 1999, т. 2, с. 61].

В свете сделанных выше наблюдений интересно обратиться к рассмотрению одного эпизода, который хотя и не называется словом *мунафара*, но фактически ей являлся, — разбирательства между вождями племён бакр и таглиб перед лахмидским царём ‘Амром III (554–569). Он достаточно хорошо известен по источникам — главным образом благодаря тому, что в ходе разбирательства бакритский поэт аль-Харис ибн Хиллиза продекламировал перед собравшимися свою поэму, вошедшую в число классических стихотворных произведений доисламской Аравии — *му‘аллак*. До нас дошли два рассказа, в целом схожих, но различающихся между собой описанием конфликта между племенами. Согласно одному таглибиты просили у бакритов питьевой воды, но те из-за вражды между этими племенами изгнали их. Семьдесят таглибитов погибли от жажды. Их соплеменники, считая виновниками бакритов, стали готовиться к войне. Однако незадолго до этого закончилась другая война между бакритами и таглибитами, оставшаяся в памяти арабов как кровавая межплеменная резня, — «война из-за верблюдицы аль-Басус». Не желая вновь начинать масштабный конфликт, вожди обоих племён договорились о том, чтобы их рассудил ‘Амр III. По другому рассказу ‘Амр III в начале своего правления взял заложников от бакритов

и таглибитов (оба племени были у него в подчинении). По лахмидскому обычаю заложники сопровождали царя в выездах и походах. Случилось так, что в одном из выездов царский кортеж накрыл самум. Заложники-таглибиты погибли, тогда как бакриты остались живы. Таглибиты — видимо, считая, что вина в произошедшем лежит на бакритах, — потребовали от них уплаты виры. Бакриты отказались, что в конечном счёте и привело к разбирательству у лахмидского царя. Эти различия вызваны, кажется, тем, что авторы исходных сообщений начали следить за событиями только с самого разбирательства, а о его причинах ходили разные известия.

В описании разбирательства оба рассказа сходятся. В назначенный день перед ‘Амром собралась знать обоих племён. Тамимитов возглавлял племенной вождь и поэт ‘Амр ибн Кульсум, которому было суждено в 569 г. убить ‘Амра III на пиру; тогда, однако, он стоял перед царём в положении защитника своего племени. Представитель бакритов назван только во второй версии: им был ан-Ну‘ман ибн Харим из племени бану Йашкур, входившего в состав бакр. Согласно обоим рассказам ‘Амр III первоначально был явно настроен против бакритов, однако затем аль-Харис прочитал свою поэму. Она произвела на царя такое впечатление, что он отнёсся милостиво и к поэту, и к его соплеменникам [Китаб ..., 1905, ч. 9, 171; Хизанат ..., 1997, ч. 1, с. 325–326, ч. 3, с. 181–183; Шарх ..., 1993, с. 370–371, 431–432].

Некоторые сообщаемые в источниках подробности особенно интересны именно в рамках настоящего исследования. Согласно первому из выделенных выше рассказов ‘Амр заявил, что не станет судить, пока ему не доставят семьдесят заложников-бакритов (очевидно, по одному за каждого таглибита); он отдаст их другой стороне, если их племя окажется виновным, и отпустит в противоположном случае. Примерно так же вели себя в рассмотренных выше случаях и третейские судьи, стремившиеся заранее создать механизм выполнения своих решений. В данном случае этот механизм сработал: заложники были представлены,

а ‘Амр, приняв решение, объявил их своими пленниками и, получив таким образом власть над ними, отдал их аль-Харису. Разбирательство фактически свелось к выяснению того, какое из двух племён ценнее для царя; об этом можно судить по решающему аргументу в полемике, поэме аль-Хариса ибн Хиллизы, которая представляет собой стихотворное описание заслуг бакритов перед лахмидами. Как и в некоторых других случаях, решающее значение имело то, какая из сторон благодаря своему красноречию одержала верх в полемике.

Сделанные выше наблюдения говорят в пользу того, что в доисламской Аравии третейский суд если и не был широко распространён (известные нам примеры касаются главным образом племенной знати, которая могла позволить себе, например, поставить на кон сотню верблюдов), то во всяком случае считался частью общественной культуры. К третейскому судье обращаются в легендарном рассказе родоначальники арабских племенных объединений; это повествование не могло бы быть таким, если бы подобные действия не считались нормальными. Эта правовая культура естественным образом росла и развивалась вместе с обществом, отражая его характерные черты и потребности. Поэтому некоторые черты арабского третейского суда той эпохи — например, выбор судьи по соглашению сторон, обеспечение исполнения судебного решения, порядок проведения процесса — напоминают третейские суды наших дней, которые точно так же являются продуктом общественного развития. С другой стороны, арабский суд доисламской эпохи, будучи в общественном сознании институтом, не являлся учреждением. Судья был скорее мудрецом, мнение которого признавали обе стороны. Дамра ибн Дамра, о котором речь шла выше, вошёл в историю как мудрец и оратор [Нашуат ..., 1982, с. 455]. Поэтому круг вопросов, по которому могли обратиться к судье, включал в себя не только практические дела, но и спор о том, кто достойнее или доблестнее, что трудно представить себе в современном обществе.

Глава 2

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НОТАРИАЛЬНЫЕ АКТЫ (УАСИКА) ИСПАНСКИХ МУСУЛЬМАН

В истории мусульманского права исследования по средневековому нотариату занимают маргинальное положение. Общепринятое объяснение этого факта можно найти почти во всех работах, посвященных письменной фиксации юридических фактов на арабском языке: в исламе превалирует устный способ передачи значимой информации и слово произнесенное ценится выше слова записанного, поэтому в праве письменная фиксация фактов играла якобы исключительно вспомогательную роль — записи для памяти: «Документы (*уасика*) игнорируются в теории права, несмотря на то, что судья хранит записи протоколов. Но не существует юридических актов, которые следует фиксировать в форме документов. Записи используются только для напоминания, их содержание можно принять в качестве аргумента, только если оно подтверждено устным свидетельством» [Schacht J., 1964, с. 193]. Эту точку зрения, хотя и с некоторыми оговорками, разделяли даже те исследователи, которые изучали историю исламского нотариата [Туан Е., 1945; Wakin J., 1972]. Они считали, что документальные записи в юридической практике стали регулярно использовать не ранее XI в.

Но в конце 90-х годов прошлого века появились работы, ставившие под сомнение эти выводы. Б. Йохансен опубликовал серию статей, в которых постарался показать, что письменные документы постоянно представляли в качестве доказательства в суде, и это отнюдь не противоречило доктрине в отношении подлинности и истинности письменных свидетельств, развивав-

шейся в рамках ханифитского и маликитского мазхабов. Исследователь считает, что правила оформления документов сложились к концу VIII в. [Johansen B., 1990, с. 5–17; 1995, с. 135–156; 1997, с. 333–376]³⁶. В настоящее время продолжается активное изучение как актового материала, судебных документов и сборников формул [From al-Andalus ..., 2006, с. 3–38, 115–130, 153–186, 201–218], так и института исламского нотариата³⁷ в социально-правовом контексте [Buskens L., 1995, с. 137–145; From al-Andalus ..., 2006, с. 59–77; Zomeño A., 2017, с. 109–128].

В средневековом мусульманском праве практика письменной фиксации сделок была распространена повсеместно. Некоторые особенности ее распространения зависели от домусульманского периода в истории отдельных областей, в частности от уровня развития местного права. Другим важным фактором был принятый в них мазхаб. В двух из четырех самых распространенных — в шафиитском и ханбалитском — ученые-правоведы практически не уделяли внимания ни правилам оформления документов, ни теоретическому их обоснованию, ни использованию их в судебной практике. Это не привело к исчезновению документов, но вывело их за рамки ученой традиции права и снизило их действенность как правового инструмента. В ханифитском и маликитском мазхабах, напротив, письменная фиксация сделок и ее правила стали темой целого комплекса научных трактатов юристов, где в равной степени отражены теория и практика оформления документов, которое было возведено в ранг науки — *‘ильм аш-шурут* [Wakin J. A., 1970, с. 347–354; 1972, с. 1–72].

³⁶ Были опубликованы несколько средневековых сборников формул. Вышли: Мухаммад б. Ахмад б. аль-‘Аттар. *Аль-уасаик уа-с-сиджиллат* [Formulario..., 1983]; ‘Али б. Йахйа аль-Хазири. *Аль-Максад аль-махмуд фи талкис аль-‘укуд* [‘Alī b. Yaḥyā al-Ḥazīrī, 1998]; аль-Гарнати Абу Исхак. *аль-Уаса’ик аль-мухтасара ли-ль кади Аби Исхак аль-Гарнати* [аль-Гарнати, 1988].

³⁷ Обычно функции нотариев выполняли профессиональные свидетели — *‘удул*.

Сущность этой науки определялась следующим образом: «Это наука, устанавливающая, как следует утверждать правомочность зафиксированного в записях и документах, которые имеют полную силу в суде. Ее предмет — законный способ составлять записи. Основания, на которых держится эта наука, происходят из науки права и из искусства составления и композиции [записей], которые в свою очередь зиждутся на авторитете обычая, на образцах того, как уже писали, и на обоснованных суждениях. Среди ветвей права положение [этой науки] определяется ее целью, которая состоит в том, чтобы сделать более ясным и доходчивым предпринятое; а по отношению к литературному искусству — в использовании ясного и правильного языка» [Aḥmad b. Muḡīt al-Ṭūlayṭulī, 1994, с. 11–12].

В Аль-Андалусе, где самым влиятельным мазхабом был маликизм, многие ученые, сведущие в юридических науках, а также те, кому приходилось применять знание права на практике, в первую очередь судьи, слыли знатоками «науки соглашений». Некоторые из них создали руководства по составлению документов. Известно как минимум о восьми таких трактатах, написанных в Аль-Андалусе: три в XI в., четыре в XII в. и один в XIV в. Помимо них имели хождение также и те, что были созданы на Востоке.

Среди специалистов по истории Аль-Андалуса уже давно утвердилось мнение, что эти трактаты представляют интерес не только с точки зрения истории права, но и для исследования социально-экономической сферы [Lévi-Provençal E., 1957, с. 135], прежде всего потому, что сохранилось очень мало мусульманских частноправовых документов. В публикациях последних двух десятилетий обсуждались причины такой плохой сохранности именно документальных свидетельств, особенно в сравнении с западно-европейской традицией. Объяснение, основанное на идее тотального господства в исламе устного способа передачи информации, больше нельзя считать достаточным, о чем уже шла речь выше. Несколько факторов могли привести, по мнению исследователей,

к такому результату. Во-первых, политическая нестабильность и частые военные столкновения на Ближнем Востоке и в Северной Африке приводили к гибели архивов. Это могло быть следствием военных действий, или умышленного уничтожения документов, связанных с предшествующим политическим режимом, или утраты ими правовой силы. Другим немаловажным обстоятельством была организация хранения письменных свидетельств в целом и документов в частности. Если в Западной Европе целый ряд институтов, как церковных, так и светских, рассматривали документ, наряду с нарративными текстами, как свидетельство своей древности и легитимности, то в исламском мире такая идея не возникла. Документы обеспечивали именно повседневное функционирование социального порядка, были, так сказать, постоянно возобновляемым ресурсом и не рассматривались как обеспечение долговременности существования того или иного института или сообщества [From al-Andalus ..., 2006, с. xxiii-xxvii; El-Leuthy T., 2011, с. 389–434].

Формулы, разработанные знатоками «науки соглашений», оказались настолько универсальными, что их применение на практике было возможно в разных правовых системах. В 50-е гг. XI века в крупнейшем центре севера Аль-Андалуса — в Толедо — был создан один из известных нам восьми трактатов о «науке соглашений» — *аль-Мукни' фи 'ильм аль-шурут*, а полвека спустя, после установления в городе власти короля Леона и Кастилии Альфонсо VI (1072–1109), христиане, жившие в Толедо и его округе, продолжали использовать тексты формул, включенные в это сочинение, при составлении частноправовых документов. Формулы применялись в неизменном виде до начала XIV в.

На связь между этими источниками историки обратили внимание давно [González Palencia A., 1930, Vol. preliminar, с. 360], прежде всего, как на наглядное доказательство межкультурной коммуникации. Однако особенности восприятия и применения мусульманских формул христианами до сих пор исследовались мало [Попова Г.А., 2008, с. 175–179].

Автор упомянутого трактата *аль-Мукни‘ фи ‘ильм аль-шурут*, правовед Абу Джа‘фар Ахмад ибн Мухаммад ибн Мугис ас-Садали аль-Тулайтули (1015–1067) происходил из благородного толедского рода Бану Мугис, который, вероятно, находился в родственных связях с одноименной семьей кордовских правоведов. Сведения о его жизни можно найти в нескольких сборниках биографий XII в., в его собственном сочинении также упоминаются некоторые факты биографического характера. Он начал свое образование, в том числе и в области правоведения, в родном городе. Его учителями были известнейшие в Толедо и за его пределами факихи, в том числе, видимо, и его родной брат Мухаммад ибн Мугис. В начале 40-х годов Ибн Мугис совершил хадж. В Мекке, а затем в Кайруане он продолжил свое образование, посещая лекции знаменитых хафизов и правоведов — Абу Зарра аль-Харауи, Абу Бакра ибн ‘Абд ар-Рахмана аль-Карауи.

После возвращения в Толедо Ибн Мугис приобрел славу авторитетного хафиза и факиха. Его приглашали в качестве эксперта на судебные заседания, и до 1064 г. он входил в состав судебного совета при кади Толедо Зейде ал-Хашша³⁸. К Ибн Мугису обращались, когда возникала необходимость произвести расчеты при разделе наследства, или для письменного оформления сделок и соглашений. Он имел также немало учеников, среди которых были и прославившиеся впоследствии правоведы — кади Гранады Мухаммад ибн Фатух, кордовский факих Абу Мухаммад ‘Абд ар-Рахман б. Мухаммад б. Аттаб б. Мухсин.

Как видно из фактов биографии, Ибн Мугис был человеком разносторонним и мог бы составлять трактаты по разным темам, но он выбрал ту область, в которой неизменно условием было сочетание обширных теоретических познаний и тонкостей их применения на практике. Очевидно, что мы не располагаем достаточной информацией, чтобы строить гипотезы

³⁸ Известно о его участии в разбирательстве по обвинению аль-Азди аль-Тулайтули в безбожии [Aḥmad b. Muḡit al-Ṭūlayṭulī, 1994, с. 20].

относительно мотивов такого выбора. С другой стороны, Ибн Мугис в кратком вступлении к своему трактату объяснил, какие цели он преследовал, выстраивая структуру книги и подбирая материал. Простудировав труды своих предшественников, Ибн Мугис нашел, что они полны сведений, которые могут быть полезны судьям и факихам. Поэтому он решил сделать подборку из образцов наиболее распространенных актов, снабдив их юридическими комментариями, в которых особое внимание уделено необычным ситуациям и способам их разрешения в рамках права [Aḥmad b. Muḡīt al-Ṭūlayṭulī, 1994, с. 7–8].

Труд Ибн Мугиса имеет следующую структуру — он разделен на шесть глав (*аль-фасл*), в каждую из которых входят модели документов (*аль-уаса'ик*) общим числом 262 и юридические комментарии (*аль-фикх*), объясняющие смысл и последовательность формул, а также основания для решения трудных казусов. Эти комментарии содержат ссылки на Коран, хадисы, сочинения авторитетных правоведов. Первая глава содержит общую информацию о деятельности мусульманских нотариев, в основном о ее теоретических основаниях, а не о практике, вторая глава посвящена документам, связанным с браком, — брачным контрактам, актам о разводе и о разделе имущества между супругами. Вторая глава содержит сведения о различных видах имущественных сделок — в частности, образцы актов купли-продажи, сдачи участков в аренду, аренды вещей и транспорта, свидетельств о нанесении ущерба и убытков в процессе использования чужого имущества, долговых документов. В четвертой главе рассматривается порядок ведения судебной документации и ее образцы, в пятой дано описание оформления актов об освобождении рабов, наконец, шестая глава посвящена документам по уголовным делам, в первую очередь по делам об убийстве.

Издатель *аль-Мукни' фи 'ильм аш-шурут* Ф.Х. Агирре Садаба полагает, что трактат Ибн Мугиса обладал чертами, отличавшими его от других сочинений на эту же тему. Он был обширнее и подробнее, и одновременно в нем четко соблюдалось разде-

ление теоретической и практической частей, и это значительно облегчало нахождение нужного материала. Кроме того, он по сути был промежуточным звеном между трактатами, написанными в эпоху халифата кордовскими правоведами, воплощавшими общее «классическое» направление «науки соглашений», и теми, которые были созданы позже, после распада единого государства, когда во всех сферах знания, в том числе и в праве, стали заметнее локальные особенности. Возможно, именно эти факторы способствовали тому, что труд Ибн Мугиса о «науке соглашений» первым дошел до нас полностью — более ранние известны по упоминаниям и цитатам — и в двух разновременных рукописях XII в.³⁹ и XIV в.⁴⁰ В первом из этих манускриптов на полях и между строк содержатся многочисленные исправления и добавления, свидетельствующие о существовании и других рукописей трактата. Кроме того, на него неоднократно ссылаются авторы более поздних сочинений. Известность труда Ибн Мугиса подтверждает и следующий документ — несколько страниц из манускрипта XVI в.⁴¹ содержат записи Мусы б. ‘Али ал-Кураши, который в 1498 г. начал изучение книги Ибн Мугиса под руководством наставника и составил глоссарий первых трех глав, добавляя к арабским словам их вариант на альхамии.

В обеих рукописях можно найти свидетельства того, что их читали и работали с ними. Помимо уже упомянутых исправлений, рукопись XII в. содержит более поздние маргиналии, представляющие собой 93 образца документов иногда с короткими комментариями. Они расположены в соответствии с делением по темам основного текста. Ф.Х. Агирре Садаба полагает, что это фрагменты из трактата Ибн аль-Аттара [Aḥmad b. Muḡīṭ al-Ṭūlayṭūlī, 1994, с. 42]. На первом листе рукописи (1r) восемь

³⁹ Рукопись: *Китаб аль-уасā’ик*. Biblioteca de la Real Academia de la Historia. Colección Gayangos. N. XLIV; a. 1143.

⁴⁰ Рукопись: аль-Мукни’. Colegiata del Sacramonte, Granada. Colección de manuscritos árabes. N. XI; a.1383.

⁴¹ Рукопись: Biblioteca Nacional de España. Mss. 5452/13.

владельческих записей, в некоторых из них упомянут способ передачи рукописи (дарение). В рукописи XIV в. маргиналии менее обширны — помимо небольших исправлений встречаются пометки на полях⁴², призванные привлечь особое внимание к тому или иному пассажи. На последнем листе (101r) есть одна владельческая запись о покупке этой рукописи.

Ибн Мугису удалось создать трактат, который ценили его современники и потомки, и он действительно был интересен тем, кому был в первую очередь адресован, — факихам и судьям (*кади*). Но помимо этого «наука соглашений», так подробно изложенная в труде Ибн Мугиса, оказалась полезной и тем, на кого она не была рассчитана, — писцам-христианам, оформлявшим сделки своих единоверцев [Попова Г.А., 2008, Кто говорил..., с. 169–173]. В нескольких церковных архивах Толедо сохранился довольно обширный комплекс арабоязычных документов (около 1200 грамот)⁴³, среди которых мы находим самые разнообразные типы актов — купля-продажа, обмен, долговые расписки, завещания, соглашения и др. Обращает на себя внимание не только количество грамот, но и длительность сохранения этой традиции у толедских христиан — с конца XI в. до начала XIV в., последний известный нам документ датируется 1315 г. Есть все основания полагать, что примерно до сер. XIII в. в Толедо оформляли больше документов на арабском, чем на латыни и романсе [Olstein D.A., 2006, с. 61–68]. Это объясняется не столько языковой ситуацией на землях Толедского королевства, сколько превосходством арабоязычного формуляра над современным ему на латыни и романсе, а также уровнем организации работы нотариев [Попова Г.А., 2008, Кто говорил..., с. 171–175]. Мы можем рассматривать пример арабоязычных актов христиан как подтверждение идей Б. Йохансен, Э. Мансано Морено, Т. Эль-Лейти и других исследователей, которые полагали, что использо-

⁴² Используется слово *унзур*, «Смотри!».

⁴³ Бóльшая часть коллекции была издана в 1928–1930 гг. испанским арабистом А. Гонсалесом Паленсия [González Palencia A., 1928–1930].

вание письменных документов в исламском праве было широко распространено и достигло высокого уровня формализации уже в IX в. Специфика дошедшего до нас корпуса документальных источников Средневековья зависела во многом от подходов к хранению такого материала и организации архивов.

Кроме того, наблюдения за практикой средневекового нотариата в исламском и христианском сообществах и их сравнение позволяют сделать вывод относительно эволюции права. Практически в любой правовой системе, где существует письменная фиксация сделок, она реализуется в виде формализованных документов, и в любом праве основное назначение таких документов одинаково — закреплять факт сделки и удостоверить ее законность. Формула, как важнейшая составная часть таких записей, используется во всех практиках документирования и даже, в отдельных случаях, может функционировать за рамками той системы права, в которой она сложилась, не теряя при этом своего первоначального смысла.

И.И. Варьяш

Глава 3

ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ЛИ МУСУЛЬМАНЕ ПРАВОМ ХРИСТИАН?⁴⁴

В настоящем исследовании будет затронут вопрос об использовании мусульманами права христиан в средние века. Для тех мусульман, которые на Пиренейском полуострове волею истории оказались в результате Реконкисты под властью христианских государей, этот вопрос был самым что ни на есть живым. Мусульмане принимали подданство, подписывая с христианами двусторонние договоры и обмениваясь клятвами, брали на себя всю полноту обязательств верных вассалов. Очевидно, что после этого они оказывались инкорпорированы в христианское общество и систему управления. Христианский король становился для них верховным правителем, назначал своей властью высших должностных лиц мусульманских общин королевства, жаловал привилегии и прощал фискальные платежи; а суд христианского монарха представлял для сарацин верховную судебную инстанцию, где, как минимум, разбирались особо тяжкие преступления и куда подавались апелляции. В этой ситуации, о которой лучше всего известно благодаря сохранности королевской документации, относящейся к XIV столетию и сарацинским общинам на землях Арагонской Короны, вопрос о том, мог ли иноверец

⁴⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07549 «Человеческий капитал Средневековья: типология, структуры, стратегии приращения (Западная Европа, Византия, Ближний Восток)». Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07549 «Human capital of the Middle Ages: typology, structures, strategies of its increment (Western Europe, Byzantium, Middle East)».

сослаться на правовую норму или документ, созданные в христианской правовой системе, и защитить тем самым свои интересы, имеет важнейшее значение.

Следует заметить, что в XIV веке в рамках исламской доктрины правоведами, прежде всего теми из них, кто жил и творил в Дар-аль-Ислам, уже было сформулировано мнение о правовом положении тех мусульман, которые оставались жить под иноверческой властью. Это мнение юристов состояло в том, что такие мусульмане оказывались в правовом отношении уязвимы, поскольку были лишены возможности обеспечивать свои интересы и интересы своих женщин в рамках шариата [Verskin A. *Islamic Law*, 2015]. Для того, чтобы выяснить, действительно ли это было так на практике, насколько сарацины, подданные арагонских королей, были ограничены в реальной способности пользоваться шариатом, я исследовала ссылку мусульман на нормы мусульманского права, которые фиксировались в королевских актах, составлявшихся в курии по конкретным судебным делам или прошениям общин. Найденный мною материал обсуждался в докладах и публиковался, так что я не буду останавливаться на нем подробно [Варьяш И.И. *Сарацины*, 2016; Варьяш И.И. *Соединить невозможное*, 2016; Варьяш И.И. *Мусульманская Европа*, 2020; Варьяш И.И. *Нормы*, 2020]. Достаточно будет сказать, что в результате проведенного анализа стало понятно: сарацины Арагонской Короны в XIV в. спокойно ссылались на нормы шариата в королевской курии, а монархи и их советники такую юридическую аргументацию принимали и учитывали при вынесении распоряжений или судебных решений.

Однако, «комфортность» правового положения мусульман в христианском королевстве была амбивалентной. Не только практическая возможность жить по своему закону и судиться по нормам своего права, но и практическая возможность пользоваться правом победителей иноверцев обеспечивала реальную и полную правоспособность, пусть и понимавшуюся, разумеется, средневековым способом как элемент иерархически устроен-

ного правового пространства, в котором мусульмане занимали политически подчиненное положение. Не могло ли сложиться так, что сарацины только на шариат и ссылались? — а право христиан не знали, игнорировали или намеренно отторгали? Не было ли здесь проявлений консервативности и изоляционизма, которые, к слову, нередко находят в правоведческих трактатах андалусских маликитов? Этот момент представляется нам в высшей степени существенным: если мусульмане продолжали «видеть» только свое право, были готовы аргументировать свои действия и требования, ссылаясь исключительно на шариат и сунну, их способность защищать себя рано или поздно оказалась бы эфемерной. Для того, чтобы понять, насколько правоспособными были сарацины в христианском королевстве, следует выяснить, были ли они знакомы с правом новой власти, считали ли необходимым и возможным прибегать к нему, умели ли им пользоваться и делали ли это на практике.

Хорошо известно, что источников внутреннего происхождения по истории права мусульманских общин Пиренейского полуострова почти не сохранилось. Из этого следует, что исследователь ограничен в своем поиске комплексом документов, которые составлялись христианами в связи с запросами или делами мусульман. Единственной возможностью в известном смысле скорректировать картину является совмещение данных документации, по происхождению христианской, с материалом «Книги сунны и шариата мавров», составленной в небольшой валенсийской сеньории в XV в. и отразившей в том числе некоторые юридические привычки и нормы, характерные для сеньориальных мусульман [Un tratado, 1989]. Есть основания полагать, что часть отраженных в «Книге» положений записывалась если не самими мусульманами, то с их голоса. Кроме того, «Книга» была создана для нужд повседневного управления местными мусульманскими общинами, а не в ответ на прошения, подававшиеся в высшую инстанцию, королевскую курию, лидерами общин заведомо в связи с конфликтными или сложными ситуациями.

Впрочем, основным источником сведений, тем не менее, остаются грамоты XIV века из Архива Арагонской Короны, самого богатого и представительного светского собрания средневековой Европы [Basañez Villaluenga B., *La aljama*, 1989; Ferrer i Mallol M. T. *Els sarraïns*, 1987; Ferrer i Mallol M. T. *La frontera*, 1988; Ferrer i Mallol M. T. *Les aljames*, 1988; Mutgé i Vives J. *L'aljama*, 1992]. Очевидно, что происхождение источников из королевского собрания определяет множество их специфических особенностей. Прежде всего, следует учитывать, что далеко не все дела сарацин, подданных короля, попадали в королевскую курию и имели шанс в той или иной форме оставить след в архиве. Для мусульман королевская курия, как уже было отмечено, представляла собой высшую инстанцию политической и судебной власти, так что они обращались сюда в случаях, обладавших для них действительной важностью. Эта важность определялась, безусловно, в том числе и субъективным мнением акторов, но проходных или случайных прошений в курию не было. Более того, петиции или заявления составлялись со всем тщанием, с соблюдением юридических правил того времени и по статусу просителя бывали двух видов: коллективными, от имени общины или многих общин, и частными. В настоящей главе мы остановимся на первом виде прошений. В связи со сказанным вполне ожидаемо, что сарацины, обращаясь к королю, должны были ссылаться на нормы королевского права или на королевские распоряжения в первую очередь, если только они сознательно не избегали подобной аргументации.

Итак, для того чтобы составить мнение по интересующему нас вопросу, следовало бы, как казалось, просмотреть документы и выявить тексты мусульманских петиций, особо обращая внимание на те из них, в которых присутствуют ссылки на нормы права христиан. Однако и здесь существует сложность: до нас не дошли оригинальные тексты петиций арагонских мусульман — прошения мы реконструируем из королевских документов, составленных в канцелярии куриальными писцами. При-

нято считать, что писцы если отражали в итоговом акте текст прошения, то делали это аккуратно и, скорее всего, дословно, соблюдая требование максимально точной передачи исходного юридического текста в итоговом и по сути ответном тексте короля. Во всяком случае, материала актов, созданных куриалами, явно достаточно для исследования темы настоящей главы. Христианские писцы и составители королевских документов не прибавляли юридические аргументы за просителей и вряд ли считали возможным выкидывать или опускать ссылки.

Из всех доступных мне актов были специально выделены те, в которых куриальными писцами были развернуто отражены прошения мусульман и содержались сделанные ими самими ссылки на право христиан. В результате в нашем распоряжении оказался очень разный по типу нормативный материал. Однако, даже бегло просматривая полученный комплекс текстов, можно легко убедиться в том, что аргументация через правовые установления христиан встречается в петициях арагонских мусульман самым естественным образом. Более того, значительно чаще, чем ссылки на шариат или сунну. Такую ситуацию следует считать естественной применительно к королевскому собранию документов. Здесь можно встретить: ссылки на указы и распоряжения королей и членов королевской семьи, на постановления кортесов, одобренные королями, ссылки общего характера на законы королевства, фуэро Арагона или Установления Каталонии, на королевские ордонансы, на постановления пап, церковных соборов и распоряжения духовных лиц (епископов или магистров орденов) и проч. Тут же можно увидеть упоминания о привилегиях, пожалованиях должностей или налоговых льгот, о подтверждениях дарованных ранее прав или о королевских распоряжениях, сделанных по текущим вопросам внутреннего управления. Особый тип документов представляют собой королевские судебные решения, но они заслуживают особого исследования.

Например, в 1388 г. мусульманская община крупного и богатого города Льейды обратилась к королю Жоану I (1387–1395)

с петицией в ответ на его требование выплатить 200 флоринов золотом, что нарушало привилегию, пожалованную альхаме королем Пере Церемонным (1336–1387) в 1350 году. Текст этой привилегии был, вероятно, процитирован в прошении альхамы, а затем переписан куриальным писцом в итоговую королевскую грамоту, подтверждавшую право сарацин Льеиды платить налоги совместно с соседями-христианами. В королевской грамоте было прописано, что «посланниками альхамы было представлено нижайшее прошение», в котором указывалось на то, что «светлейшим господином Пере, родителем короля, в грамоте привилегий его величества, с висячей печатью, <...> было пожаловано, чтобы все и каждый сарацин названной альхамы обоих полов, ныне живущие и будущие потом, были бы жителями (vicini) названного города и считались бы сообща вместе с жителями этого города, и чтобы ни королю, ни его наследникам не обязаны были бы платить, если только не таким же образом, как обязаны прочие жители города». Далее в привилегии было прописано, что государь «этой грамотой по особой милости освобождает сарацин, <...> объединяя альхаму с прочими жителями». Городская община Льеиды, по мнению сарацин, облагалась выплатой в 230 солидов, о чем свидетельствовала королевская грамота от 1353 г., также процитированная и в петиции, и в итоговом документе. [«Nostram adientes presenciam adelantati seu nuncii aliame sarracenorum Ilerde, ad nos per dictam aliamam destinati, sua humili suplicacione coram nobis reverenter proposuerunt quod, quamquam per illustrissimum dominum Petrum, memorie recolende genitorem nostrum, cum carta sui privilegii magestatis, suo sigillo pendenti munita, data Perpiniiani, nono kalendas decembris, anno a nativitate Domini MCCC quinquagesimo, paciariis et probis hominibus dicte civitatis indultum fuerit et eorum respectu dicte aliame sarracenorum et omnibus singularibus eiusdem, habitantibus et habitaturis in civitate eadem, concessum quod omnes et singuli sarraceni dicte aliame utriusque sexus, tunc presentes et deinde futuri, essent vicini civitatis iamdicte et inter vicinos ipsius civitatis omnimode computarentur et

cum eadem ut vicini dicte civitatis in omnibus contribuerent, quodque sibi vel successoribus suis ipsa seu ipsius singulares non tenerentur dare cenam, tributum, questiam aut alium exactionem quamcumque, nisi si et prout alii vicini dicte civitatis tenentur et non aliter quovis modo...»] [Mutgé i Vives J. L'aljama, 1992, doc. 192].

Не менее показательны грамоты, составлявшиеся для мусульманской общины столичного города Уэска. В 1336, 1378 и 1398 годах мусульмане Уэски испрашивали у королей подтверждение привилегий, ссылаясь на пожалованные прежде грамоты и желая вновь получить: «привилегии, обычаи, свободы, вольности и обыкновения» (1336 г.); «все и каждую свободы, иммунитеты и привилегии и добрые обычаи» (1378 г.); «все и каждую привилегии, вольности, свободы и иммунитеты», а кроме того, «все добрые обычаи и добрые обыкновения» (1398 г.). [«nos, Petrus, Dei gratia rex predictus, supplicationem eorum (aliame sarracenorum Osce) benigne admissa, per nos et nostros laudamus, approbamus et confirmamus vobis dicte aliame, privilegia, usus, franquitates, libertates et consuetudines vobis per predecessores nostros facta...» H. 58: «Pateat universis quod nos, infans Iohannes *et cetera*, ad supplicationem... aliame sarracenorum civitatis Osce de hiis suppliciter nobis factam, omnes et singulas franquitates, immunitates et privilegia... et vestros quoslibet bonos usus, tenore presentis carte nostre, ratificamus et approbamus, laudamus et etiam confirmamus, prout eis melius usi hactenus exististis...»] [Basañez Villaluenga B., La aljama, 1989, doc. 23].

Как правило, документы с такого рода отсылками к праву христиан и указаниями на сохранившиеся или имевшиеся королевские грамоты составлялись мусульманскими правоведами и подавались в курию от имени городской общины или общин королевства. Весьма активными в этом плане были общины королевства Валенсия, входившего в состав Арагонской Короны и обладавшего многочисленным мусульманским населением. Ответственными за появление подобного рода ссылок были мусульманские судьи и знатоки права, та новая элита, которая

приняла на себя обязанности по управлению общинами после отвоения христианами мусульманских территорий, спровоцировавшего исход в земли ислама старой элиты. Замечательная книга К. Миллер «Стражи ислама», посвященная мусульманским факихам и кади в Испании XV в., их образованию, полномочиям и практическим возможностям в отпращивании должности, избавляет меня от необходимости специально и подробно останавливаться на этом вопросе [Miller K. Guardians, 2008]. Отмечу только, что лидеры мусульманских общин, факихи, кади и аламины, были теми людьми, кто обеспечивал коммуникацию с христианской администрацией — сеньориальной, городской, королевской. От их подготовленности, знаний и гибкости зависела судьба общин. Материал, представленный К. Миллер, и материал использованных нами источников позволяет утверждать, что испано-мусульманские правоведа XIV–XV вв. были высокообразованными людьми, профессионально владевшими традицией и обладавшими всеми необходимыми для коммуникации с властью навыками.

Из куриальной документации известно, что мусульманские общины чаще всего обращались к нормативному материалу христиан и ссылались на королевские акты в тех случаях, когда они стремились защитить себя от королевских официалов на местах или от городских советов. Поскольку ситуаций, в которых мусульмане считали необходимым, отстаивая свои права и свои интересы, прибегнуть к ссылкам на право христиан, столь много и они столь разнообразны, что описывать их последовательно не представляется возможным, в настоящей статье будет предпринята попытка дать их типологию.

Анализ документов, составленных в королевской курии в ответ на петиции мусульманских общин, в которых присутствуют ссылки на христианский нормативный материал, позволяет прийти к заключению, что все случаи, в которых такие петиции подавались, могут быть поделены на три большие группы. Первую группу составляют прошения мусульманских

общин, желавших подтвердить свои привилегии — чаще всего в сфере податей и разнообразных выплат. Замечательным примером здесь может служить грамота привилегии, составленная по приказу короля Жауме Справедливого (1291–1327) в 1296 г. после того, как под власть арагонского монарха перешел город Эльче [Ibarra i Ruiz P. Historia, 1895; Gozávez Pérez V. La ciudad, 1976; Ferrer i Mallol M.T. Les aljames, 1988, с. 11–13, 50–52, 64–65, 85–91]. Король Жауме в ответ «на нижайшее прошение верных наших сарацин подтвердил всем сарацинам местечка Эльче и его округа навечно привилегии, свободы, вольности, пожалования, милости, добрые обычаи и обыкновения... так, чтобы названными привилегиями, свободами, вольностями, пожалованиями, милостями, добрыми обычаями и обыкновениями вы и ваши пользовались бы согласно тому, что из них до сих пор вы лучше использовали...» [«Noverint universi quod nos, Jacobus, et cetera, ad humilem supplicacionem per vos, fideles nostros sarracenos de Eltx et terminorum suorum, nobis factam, per nos et nostros confirmamus vobis, predictis sarracenis ville de Eltx, terminorum eius et vestris, perpetuo omnia privilegia, franchitates, libertates, donaciones, mercedes, gracias, bonos usus et consuetudines... ita quod predictis vestris privilegiis, franchitatibus, libertatibus, donacionibus, graciis et mercedibus, bonis usibus et consuetudinibus utamini vos et vestri secundum quod ex ipsis melius hactenus usi estis...»] [Ferrer i Mallol M. T. Les aljames, 1988, doc. 18]. В 1303 г. эта привилегия была подтверждена, вновь по просьбе сарацин Эльче, и адресована уже не всем подданным короля, а официальным королевства Мурсия, дабы прекратить притеснения, на которые указывали сарацины [Ferrer i Mallol M. T. Les aljames, 1988, doc. 20]. Для мусульманских общин сама подача прошения в королевскую курию о даровании привилегии или подтверждении привилегии и, что очень важно, о документе, который бы фиксировал этот акт, была принципиально важным юридическим инструментом, обеспечивавшим сохранность правового статуса и полноту прав.

Вторая группа представлена петициями, при помощи которых общины стремились решить новые для них вопросы, которые, с одной стороны, касались их внутренней жизни, а с другой стороны, возникали в результате взаимодействия мусульман с христианским миром, который то производил новые законы, то вдруг пересматривал юрисдикции или вмешивался в конкретные житейские ситуации. Петиции такого рода могли быть вызваны правотворческой деятельностью короны, — например, при издании королевской властью ограничительных законов (которые предписывали ношение отличительного знака на одежде или запрещали мусульманам жить рядом с христианами и проч.) и при воплощении их на местах официалами или городскими советами. Известно, что в XIV веке на землях Арагонской Короны вводились различного рода ограничительные законы, касавшиеся иноверцев. Среди них был закон о запрете на публичное возгласение имени Мухаммада, что автоматически означало ограничение права публичного призыва на молитву. В 1318 году корона ввела такую норму, ссылаясь на декреты папы Климента V и установив в качестве наказания за нарушение запрета смертную казнь. Мусульманские альхамы согласились принять это ограничение, понимая неизбежность универсального для западно-христианского мира установления. Однако через двадцать лет делегация от мусульманских общин королевства Валенсия, воспользовавшись пребыванием короля Пере Церемонного в Валенсии, на аудиенции просила монарха смягчить наказание, установленное его дедом, королем Жауме Справедливым. Мусульманские правоведы были хорошо осведомлены о законе и упоминали его в своем прошении, надеясь добиться введения новой нормы. [«prout, antequam dictus dominus avus noster mandatum predictum fecisset, extiterat usitatum centum quinquaginta açoti sive flagella, prout dari assueta sunt»] [Ferrer i Mallol M. T. Els sarraïns, 1987, Doc. 44]⁴⁵.

⁴⁵ Об «обычае», на который ссылались мусульмане, сообщить что-то определенное затруднительно: пока не известно о существовании такой нормы, о том, когда и кем она могла быть введена, или какое установление или прак-

В то же время петиции второго типа могли быть спровоцированы вмешательством местных властей во внутренние дела общины. Например, в 1335 г. льейдская община мусульман обратилась к инфанту Пере, настаивая на том, что по «старинной привилегии», пожалованной им его предшественниками, они «всегда имели обыкновение оформлять» документы перед королевским официалом, байлом города, его заместителем или перед своим судьей, кади альхамы, и находиться именно под их судебной юрисдикцией. [*licet sarraceni iamdicti, per privilegia antiqua eis per predecessores nostros indulta, semper consueverint firmare ius de diricto in posse baiuli dicte civitatis vel eius locumtenentis vel alcadi dicte aliame et subire eorum iudicium...*] [Mutgé i Vives J. L'aljama, 1992, doc. 118]. Это право было нарушено, как указывали сарацины, поскольку городские власти Льейды стали вторгаться в юрисдикцию байла и кади — «против содержания привилегий и их (сарацин) обычаев», принуждая мусульман оформлять документы перед собой, «без учета сунны и арабского права, к безмерному ущербу и очевидному убытку названных сарацин». [*vos, ab aliquo tempore citra, contra tenores dictorum privilegiorum et usum eorum, compellititis dictos sarracenos ad firmandum de diricto coram vobis, non attenda çuna nec iuris arabico, in dampnum non modicum dictorum sarracenorum et preiudicium manifestum*] [Mutgé i Vives J. L'aljama, 1992, doc. 118].

Отвечая на это прошение, инфант Пере направил грамоту городскому совету, присяжным и викарию Льейды, распорядившись следующим образом: «Мы же, приняв названное прошение, поскольку не хотим, чтобы названные сарацины терпели ущерб в долгах, работах или расходах, <...> говорим и повелеваем, чтобы вы названных сарацин к соглашению перед вами или к оформлению права из-за каких-либо тяжб или жалоб, против содержания названных привилегий и старых обычаев, до сих пор

тика могли быть положены в основу аргументации мусульманских общин в диалоге с короной. Нам не известно об аналогах материалу этого документа, с которыми можно было бы его сопоставить.

соблюдавшихся, и против сунны и арабского права не принуждали <...>, поскольку мы не хотим, чтобы названные сарацины против содержания названных привилегий и их обычаев в какой-либо мере притеснялись». [«Nos, vero, dicta supplicacione admissa, cum nolimus quod dicti sarraceni oprimantur in debitis, laboribus seu expensis, idcirco, vobis dicimus et mandamus quatenus dictos sarracenos ad comparandum coram vobis vel firmandum de directo pro aliquibus querelis vel questionibus, contra tenorem dictorum privilegiorum et usum antiquitus et hactenus observatum et contra cunnam et ius arabicum minime compellatis... cum nolimus dictos sarracenos contra tenorem dictorum privilegiorum et usum eorum aliquatenus agravari»] [Mutgé i Vives J. L'aljama, 1992, doc. 118].

Не менее показательным является дело, затеянное в 1358 году аделантадо мусульманской альхамы Льейды, Али Абенферре и Сулема Абенийумем⁴⁶, которые подали в королевскую курию прошение, подняв незадолго до того ставшую актуальной для общины тему обращения мусульман в иудаизм [Варьяш И.И. Сарацины, 2016, с. 258–261]. Это прошение открывается ссылкой на право христиан, на котором затем выстраивается вся аргументация мусульман: «...по неким общим установлениям Каталонии, некогда в городе Таррагоне изданным или совершенным, никакой сарацин и никакая сарацинка не имеет права и не может каким-либо образом переходить в иудейский закон, и если противное будет каким-либо сарацином или сарацинкой совершено, то подлежат такому телесному и имущественному наказанию <...>. Однако недавно некая сарацинка из местечка Бельшит перешла в еврейский закон, за что должна была бы быть наказана по ранее упомянутому установлению, но благодаря полученному от вас прощению наказана не была, что ведет к ущербу альхамы и умалению названного установления...» [«licet iuxta quamdam constitutionem generalem Catalonie dudum in civitate Terracone editam sive factam, nullus sarracenus nec nulla sarracena

⁴⁶ Салема Абенийумем и Али Абенферре в разное время затем были кади общины.

valeat seu presumat quovis modo ad legem iudaycam se transferre, et si contrarium per aliquem sarracenum vel sarracenam fit, quod incurrat ille talis penam corporis et bonorum [...] Verumtamen, non est diu, quedam sarracena loci de Belxit se transtulit ad legem ebraycam, que obstante quadam remissione per vos inde sibi facta, non extitit punita, prout puniri debebat, iuxta constitutionem antefatam, quod in preiudicium dicte aliame et dicte constitutionis lesionem, ut asseritur, noscitur redundare»] [Mutgé i Vives J. L'Aljama, 1992, doc. 148].

От имени мусульманской общины аделантадо просили короля «всего лишь повелеть соблюдать указанное установление», то есть юридический документ христиан, чтобы в дальнейшем альхама могла избежать урона. Документ, составленный мусульманами, был рассмотрен куриальным аудитором, после чего от имени короля Пере Церемонного байлу Льейды была выслана грамота, предписывавшая соблюдать установления, на которые ссылались мусульмане. [«Quapropter, per eosdem adelantatos, nomine dicte aliame, fuit nobis humiliter suplicatum ut ad tolendum omnem preiudicium quod ipsi aliame et eius singularibus posset, propterea, in futurum de facili evenire, dignaremur predictam constitutionem omnino facere observari»] [Mutgé i Vives J. L'Aljama, 1992, doc. 148]. Аделантадо сарацин никак не упоминали о шариате и о нормах мусульманского права, трактующих случаи вероотступничества, тем самым словно бы отказавшись обсуждать этот сюжет изнутри своего права и желая представить его в курии как принадлежащий правовой традиции самих христиан. Они четырежды упомянули об установлении 1235 г., содержание которого было им без всякого сомнения хорошо известно и послужило единственным юридическим аргументом: именно его положения не соблюдались, и именно это установление умалялось самими христианами.

Наконец, третья группа обращений мусульманских общин в королевскую курию связана с их потребностью в дополнительной регламентации со стороны высшей власти: альхамы про-

сили о налоговых льготах, о даровании фуэро, о санкционировании внутреннего права, обычая или распорядка, который не был регламентирован ранее. Такого рода прошения далеко не всегда были связаны с насущной потребностью общины защитить свое право или интересы от чьих-то нападков. Составление новой привилегии являлось способом получить льготы, санкционирование капитул или пожалование фуэро позволяло зафиксировать правовой статус, круг прав и обязанностей. Таким образом собственный обычай общины, определенный ходом жизни, или классическая норма мусульманского права реактуализировались в правовом пространстве христианского королевства, приобретали здесь новые координаты. В этом смысле принципиальное значение имело желание общины непременно обзавестись грамотой, в которой были бы письменно изложены и скреплены печатью, а иногда и клятвой, санкционированные королевской властью права, капитулы или фуэро сарацин. В документах особо оговаривалось право мусульманских общин бесплатно получить королевский акт с печатью, где было бы прописано установленное монархом. [«demanen que·ls sien donades totes les cartes e letres que per virtut de aquests capítols a ells són o seran otorgades franques de dret de segell», «que de les dites franquees e gràcies hajen carta del senyor rey franchament, sens que no·ls cost res la carta ni lo segell»] [Ferrer i Mallol M. T. La frontera, 1988, doc. 96–99]. Очевидно, что королевский документ требовался для того, чтобы при необходимости предъявлять его официалам, ссылаться на него в курии. Этот тип прошений отличается от первого, хотя они и похожи между собой, поскольку здесь речь шла о весьма широком спектре юридических вопросов и фиксировались многочисленные права сарацин: от права судиться по своим законам до права принимать переселенцев, совершать азан или самостоятельно выбирать судью общины. В известном смысле третий тип прошений представляет собой «инвестицию в будущее» или «инвестицию в воображаемое юридическое», что дополнительно подчеркивает высокое значение христианских юридиче-

ских инструментов в правовой культуре мусульман подданных арагонских королей.

Разумеется, предложенная типология имеет инструментальный характер. Нетрудно заметить, что некоторые петиции могут быть отнесены одновременно к двум группам. Например, мусульмане могли апеллировать к старым королевским привилегиям, стремясь подтвердить их, чтобы защититься от введения новоизобретенных на местах поборов, могли просить о даровании новых пожалований, аргументируя свой запрос тем, что старых привилегий было недостаточно для регулирования тех или иных отношений. В то же время такой подход к материалу мусульманских прошений позволяет увидеть, как мусульманская правовая традиция, преследуя разные цели, заимствовала у правовой системы христиан легитимирующую силу. Легитимирующая сила права христиан становится отчетливо видна в ситуациях, когда мусульмане стремились подтвердить имеющиеся у них права и привилегии, были намерены защищать свои права от посягательств со стороны официалов или городских советов, желали приобрести новые права или новые документы, санкционирующие их традиционные права.

Разумеется, подобные интенции мусульманской стороны представляли собой ответную реакцию на политическое доминирование христиан, что хорошо прослеживается на материале валенсийской «Книги сунны и шариата мавров», которая, по всей видимости, была создана в Сумакарселе, владениях семьи Креспи де Вайдаура, в конце XV столетия. «Книга» содержала 316 статей, в четырех из которых упоминались правовые тексты христиан. Дважды это были ссылки на королевские привилегии, дважды — на Фуэро Валенсии и один раз — на Обычай Испании.

Текст «Книги» представляет собой перевод с арабского языка на валенсийский диалект старокаталанского языка, осуществленный в конце XIV века. Такого мнения придерживаются К. Барселло и В. Понс Алос [Un tratado, 1989; Garcia Edo V., Pons Alós V.

Suna e Xara, 2009]. Однако единственная известная сегодня рукопись «Книги» не является валенсийской редакцией XIV века, а представляет собой довольно грубую копию, снабженную писцом датой (с опiskой): 3 марта 1408 года — и это время создания копии с каталаноязычной редакции. В рукописи нет никаких помет ни о ее составителе, ни о переписчике. Предполагается, что с оригинальным арабским текстом работал тот же человек, кто затем перевел его и добавил положения о христианских законах, касавшихся сарацин. К. Барсело предполагает, что им мог быть кади Хативы или Альсиры [Un tratado, 1989, p. XIV–XVI]. Как бы мы ни оценивали происхождение этого сложного по своей структуре памятника с до конца не проясненной генеалогией, его данные важны для темы настоящего исследования, поскольку дают представление об общем для христиан и мусульман, управлявших жизнью мусульманской общины, находившейся на землях светского сеньора, горизонте знания: в том числе знания христианских нормативных текстов, которые следовало иметь в виду в связи с иноверцами в деле практического регулирования отношений, а не отвлеченных теорий или законодательных деклараций. Следовательно, материал «Книги» в этом смысле близок документальному, хотя это и не вполне очевидно на первый взгляд.

133 статья «Книги» объясняла, почему в некоторых случаях наследством не оставивших наследников мусульман, которое обычно передавалось в публичную кассу общины, следовало распоряжаться христианским сеньорам сарацин, но исходя не из Суны, а из Обычая Испании. Король или сеньор сарацин брал это имущество, дабы из него обеспечить погребение неимущих, а именно устроить похороны и могилу бедным почившим сарацинам, как то требовалось по сунне. [«Perquè los senyors crestians prenen los béns, segons Costum d'Espanya. Jatsia, segons que dessus sia dit, que ls béns se deuen partir e donar als sarrahins pobres qui són appellats “Casa de Déu” segons Çuna, en los altres casos dessus dits los crestians senyors de aquells prenen los dits béns, emperò, segons

Costum d'Espanya no Çuna, mas [a] ferm [en] los dits béns pertanyer a ells, car en la terra dels sarrahins lo Rei e lo senyor de aquells sien appellats "Casa de Déu", com lo dit Rei o senyors dels sarrahins dels béns de aquells los sarrahins pobres morts que no han alguns béns los deuen provehir en la mort; ço és, fer les mortalles e donar la sepultura als sarrahins morts e pobres, segons Çuna»] [Un tratado, 1989, Ch. 133]. В 272 статье утверждалось, что по королевской привилегии дознанием в делах знатных и благородных сарацин должны были заниматься главный байл королевства, короля и орденов и прокуратор королевства Валенсия. [«Per privilegi real lo Batle General del Regne, del senyor Rei e dells Òrdens e lo Procurador del Regne de València deu[en] conèxer del[s] sarrahins dells nobles e dells cavallers»] [Un tratado, 1989, Ch. 272]. В 275 статье было прописано со ссылкой на Новое Фуэро Валенсии, что все штрафы, взимавшиеся с сарацин и превышавшие сумму, эквивалентную сотне ударов плетей, принадлежали местным владетельным сеньорам. Особо оговаривалось, что такая норма была принята господином королем в отношении тех, кто присягал Фуэро Валенсии и желал его соблюдать. [«Segons los Furs Nous, totes les calònies e penes dels sarrahins són dels senyors del loch tro a suma de cent açots... E totes les dites coses són atorgades per lo dit senyor Rei a aquells qui hauran jurat Fur de València e.l volran observar»] [Un tratado, 1989, Ch. 275]. Наконец, в 297 статье трактовался вопрос о смешанном судебном процессе между христианином и мусульманином. Сначала подробно излагалась норма из того же Фуэро Валенсии о праве христианина во всяком деле против сарацина привести в качестве свидетелей христианина и мусульманина. Затем указывалось, что по привилегии господина короля всякий сарацин за любой проступок против христианина должен был быть наказан по нормам Фуэро Валенсии, если это наказание было тяжелее, чем наказание по сунне. Далее со ссылкой на королевскую привилегию, принятую на Кортесах, было означено, что в смешанном уголовном процессе оба свидетеля со стороны христианина против мусульманина могли быть

христианами. [«Per Fur de València lo cristià pot provar contra lo sarrahí, ab cristià e ab sarrahí, en tots pleits qui seran entre lo cristià e [l]o sarrahí. Per privilegi del senyor Rei tot sarrahí deu ésser punit per qualsevol excés, dins lo terme de Fur de València e si la pena del Fur és major que la de la Çuna, de feits que sien entre cristià e sarrahí. Semblant[ment] per privilegi del senyor Rei atorgat en Cort General, dos cristians covinents poden fer testimoni contra sarrahí en tot cas tant solament criminal que sia entre cristià e sarrahí»] [Un tratado, 1989, Ch. 297].

«Книга сунны и шариата мавров» показывает, что не только мусульманские общины, искавшие поддержки при королевском дворе, были знакомы с нормами права христиан и видели необходимость ссылаться на них. Если права издательница валенсийского кодекса К. Барсело, и его автором действительно был кади Хативы или Альсиры, то мусульманский правовед посчитал необходимым включить положения Обычая Испании, королевских привилегий и Фуэро Валенсии в компендиум, посвященный праву сарацин и созданный для нужд сеньориального управления.

Таким образом, отвечая на поставленный в этой главе вопрос: пользовались ли мусульмане правом христиан, отстаивая свои интересы? — мы можем с уверенностью сказать, что пользовались. В их правовом поведении не было стремления игнорировать или агрессивно отторгать право христиан. Более того, лидеры мусульманских общин проявляли готовность осваивать язык делопроизводства христиан, тексты постановлений короны, кортесов и соборов и пользоваться в диалоге с властью аргументацией, заимствованной у права победителей. Конечно, подчинение мусульман нормам права христиан было на Пиренейском полуострове в XIV–XV столетиях вынужденным с точки зрения ислама. Подчас новая для мусульман власть требовала от них или ожидала обращения к своему собственному праву. В то же время бывали ситуа-

ции, как мы стремились продемонстрировать, когда мусульмане сами испытывали потребность в отсылке к праву христиан. В этом, собственно, и выразалось живое, не заданное а priori и не придуманное юристами-теоретиками, взаимодействие между двумя правовыми культурами. В основе этого взаимодействия в рамках латинской традиции находилось сеньориальное право: короля, владетельного сеньора светского или церковного (епископа, духовно-рыцарского ордена). В исламской правовой доктрине такое взаимодействие определялось как возможное при заключении двустороннего договора между мусульманами и христианами.

Следовательно, важно заметить и другое: обращение мусульман к праву христиан было в правовом пространстве христианского королевства возможно, то есть допускалось обеими правовыми структурами — мусульманской и христианской. Такая конфигурация правового пространства требовала от мусульман знания о праве христиан и коммуникации с христианскими правовыми институтами. И в королевской курии, и в городском совете, и даже в практике кади ссылки на правовые тексты христиан не были чем-то удивительным, редким или непринятым. Мусульманские правоведы, кади, аделантадо сарацинских общин апеллировали здесь к нормам или документам христиан со знанием дела. При необходимости нужные тексты постановлений специально изучались, а аргументация выстраивалась с расчетом на восприятие материала в рамках христианской правовой традиции. При этом факихи и кади знали не только нормы местного значения и частные королевские распоряжения, которые касались непосредственно их собственных общин, но, как было указано, и постановления кортесов, соборов, и общекоролевские нормативные тексты.

Более того, мусульмане использовали (пусть и вынужденно) право христиан для того, чтобы придать легитимность своему праву при новом режиме, тем самым происходила реак-

туализация мусульманского права. Притом реактуализация обладала амбивалентностью: она происходила и в правовой культуре самих мусульман, и в правовом пространстве христианского королевства. С XIV века королевские официалы и должностные лица на местах имели возможность «видеть» нормы шариата и права мусульман прежде всего благодаря тому, что они были зафиксированы в королевских привилегиях и пожалованиях. Усилия лидеров мусульманских общин, их знания и уровень понимания задачи, интеллектуальный и культурный горизонт представляли собой тот человеческий ресурс, которым осуществлялась означенная реактуализация (исламской правовой культуры в структуре права христиан), которую следует рассматривать как своего рода инвестицию в будущее общины.

ЧАСТЬ III

КУЛЬТУРА

Глава 1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СИСТЕМЕ ЛУННЫХ СТОЯНОК В КОМПЛЕКСЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИХ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ОККУЛЬТНЫХ ЗНАНИЙ

Лунные стоянки (ар. *маназиль аль-камар*) — одно из наиболее малоизученных понятий средневекового арабо-мусульманского знания, как естественно-научного, так и оккультного. На протяжении долгих веков лунные стоянки оставались как бы в тени системы солнечного зодиака, при этом содержание этого термина претерпевало существенные изменения. Чаще всего под лунными стоянками понимались группы ярких звезд или отдельные звезды, возле которых можно было наблюдать луну. По мере движения луны по орбите она каждый день оказывалась в новой «стоянке», то есть наблюдатель с земли каждую ночь на протяжении лунного месяца видел ее рядом с новыми звездами, затем наступало новолуние, после чего она продолжала свой циклический путь по своим «стоянкам». Основанные на этом принципе системы «лунного зодиака» известны во многих культурах мира.

Научные споры о происхождении системы лунных стоянок включали в себя несколько противоборствующих версий. Согласно первой из них, она зародилась в Китае, после чего через Центральную Азию и Индию проникла на Ближний Восток. Вторая версия помещает происхождение лунных стоянок в Вавилон, откуда они стали известны арабам, индийцам, а через последних — и обитателям Дальнего Востока. Наконец, существует мнение о том, что лунные стоянки — индийского происхожде-

ния, и что они были заимствованы из Индии как на запад, так и на восток [Yampolsky Ph., 1950, с. 68]. Тем не менее нет никаких свидетельств о том, что жители древнего Вавилона, равно как и греки, пользовались системой лунного зодиака, который, вместе с тем, зафиксирован как в индийской, так и в китайской традиции. Арабской же системе лунных стоянок обычно приписывают индийское происхождение, при этом терминологический аппарат для ее описания был заимствован из доисламского аравийского фольклора [Varisco D., 1991, с. 6–7]. Что касается последнего, то нельзя опровергнуть его независимое возникновение именно в аравийском культурном ареале. Вообще, различные системы лунного зодиака могли возникнуть независимо в разных частях Евразии, а затем оказывать друг на друга взаимное влияние, поскольку лежащие в их основе небесные явления, а именно прохождение луны мимо ярких звезд, расположенных рядом с ее орбитой, можно наблюдать независимо из разных точек Земли, а ярких звезд возле орбиты луны находится не так много.

Индийская система лунных стоянок (*накшатра*), состоящая из 27 или 28 участков неба, соотнесенных с яркими звездами, уходит своими корнями в глубокую древность. Лунные стоянки упоминаются в Ригведе, что позволяет отнести их происхождение по крайней мере ко второму тысячелетию до нашей эры. Некоторые исследователи приписывают индийской астрономии происхождение из Хараппы, что относит ее возникновение даже к третьему тысячелетию до нашей эры [Parola A., 2014, с. 108]. Количество лунных стоянок в Древней Индии варьировалось. В системе с 28 секторами стоянка Абхиджита добавляется между стоянками Уттара-ашадха и Шравана. Деление неба на 27 стоянок использовалась для астрономических целей, в то время как ее вариант с 28 стоянками применялся преимущественно в ритуальной практике [Narahari Achar B. N., 2002, с. 187]. Каждая из стоянок, ассоциировавшихся с яркими звездами, считалась связанной с тем или иным божеством. Особое значение прида-

валось прохождению Луны через стоянки: дни нахождения ночного светила в том или ином секторе неба, отмеченном наличием ярких звезд, считалось подходящим временем для проведения ритуальных действий. Позднее, по мере формирования системы индийской астрологии (*джьотиша*) стоянки стали восприниматься как равные сектора эклиптики в сидерической системе зодиака.

Древнеарабская система лунных стоянок имеет ряд существенных отличий от индийской. Описание древнеарабской или бедуинской системы лунных стоянок приводится в ряде сочинений, относящихся уже к мусульманской эпохе и посвященных погодным приметам (ар. *нау* мн. ч. *ануа*). Большая часть написанных специально на эту тему работ утеряна, однако некоторые дошли до нашего времени в рукописях, а затем были и изданы. В их числе можно назвать такие сочинения, как *Китаб аль-ануа* («Книга примет») Ибн Кутайбы ад-Динавари (828–889), *Китаб аль-азмина уа аль-ануа* («Книга времен и примет») Ибн аль-Аждаби (ум. 1251). Даваемое в этих трудах определение лунных стоянок находится вполне в русле представлений о них, сложившихся за пределами арабийского культурного ареала, — это группы ярких звезд, через которые луна совершает свое циклическое движение. Дадим слово Ибн Кутайбе, который пишет следующее: «Стоянок Луны двадцать восемь. Каждую ночь Луна пребывает в одной из этих стоянок, от появления молодого месяца до двадцать восьмой ночи. И если [лунный] месяц длится двадцать девять ночей, то Луна скрывается на двадцать восьмую ночь, завершая месяц. А если месяц длится тридцать дней, то [Луна] скрывается на двадцать девятую ночь. И даже будучи скрытой от глаз, Луна все равно находится [в той или иной] стоянке. И когда на следующий месяц становится виден серп Луны, она восходит, успев пройти одну стоянку, будучи невидимой» [Ибн Кутайба, 1956, с. 4–5; здесь и далее перевод фрагментов Ибн Кутайбы ад-Динавари приведен по изданию: Книга лунных стоянок, 2021]. Эти лунные стоянки упомянуты и в Коране:

«И месяц Мы установили по стоянкам (*маназиль*), пока он не делается, точно старая пальмовая ветвь» (36:39).

Однако при этом необходимо отметить многозначность и сложность термина *нау*. В современных словарях арабского языка этому термину соответствуют значения «шторм», «буря», «ураган», а во множественном числе — «климатические условия». Однако значение этого термина включает в себя не только те или иные погодные или климатические условия, но и их привязку к определенным астрономическим явлениям — периодов видимого в предрассветных сумерках восхода и захода ярких звезд, лежащих на пути луны, то есть лунных стоянок. Поскольку орбита луны пролегает в непосредственной близости от эклиптики, звезды, мимо которых проходит Луна в своем циклическом движении, расположены в поясе зодиакальных созвездий или в непосредственной близости рядом с ним. Время их восхода и захода постоянно смещается вместе с годичным движением Солнца, так что в течение года непосредственно перед рассветом на восточном горизонте постоянно сменяют друг друга восходящие звезды или группы звезд. И термин *нау* обозначает именно соотношение видимого восхода ярких звезд, отмечающих лунные стоянки, с погодными условиями в определенный период года. Так, согласно Ибн Кутайбе, «значение слова *нау* — заход одной из этих [т.е. тех, к которым «привязаны» лунные стоянки] звезд на западе в момент наступления утренней зари, и восход другой, противоположной ей, на востоке в этот же час. Заход каждой из этих звезд можно наблюдать на протяжении тринадцати дней, кроме звезды Альгиеба — она наблюдается на протяжении четырнадцати дней. Таким образом, заход всех двадцати восьми звезд наблюдается в течение всего года, а затем, в начале следующего года, цикл повторяется. Арабы говорят, что у каждой звезды или планеты — свой собственный дождь, ветер, холод или жара, приписывая появление этих явлений определенной звезде» [Ибн Кутайба, 1956, с. 6–7]. Таким образом, целесообразно передавать термин *нау* в данном

контексте как «примета», поскольку под этим термином понимали заход или восход лунных стоянок не сам по себе, а в связи с сопутствующими погодными условиями.

Итак, мы видим, что древних арабов (в отличие от индийцев) интересовали не столько периоды прохождения луны через ее стоянки, сколько времена года, в которое мог наблюдаться восход и заход ярких звезд в предрассветных (или закатных) сумерках. С этими периодами был связан целый ряд примет, сформулированных рифмованной и ритмизованной прозой (*садж*). Эти приметы описывали преимущественно погодно-климатические характеристики отрезков года, а также их связь с хозяйственной деятельностью человека. Например, о восходе стоянки аш-Шаратан (соответствует звездам β и γ в созвездии Овна), который можно было наблюдать с 16 по 29 апреля, в период возвращения скотоводов с пастбищ, бедуины говорили следующее: *иза тала'а аш-Шаратан // истауа аз-заман // уа худират аль-аутан // уа тахада аль-джиран* («Когда восходит аш-Шаратан, // время уравнивается, // селения обживаются, // а соседи подарками одариваются») [Ибн Кутайба, 1956, с. 18]. С некоторыми из лунных стоянок, впрочем, были связаны и представления более абстрактного характера, касающиеся их благотворного или негативного воздействия на дела людей. Так, звезде Антарес, отмечавшей стоянку аль-Кальб («Сердце [Скорпиона]»), приписывалось зловещее влияние, что нашло отражение в арабской поэзии [Книга лунных стоянок, 2021, с. 72]. Напротив, стоянка Са'д ас-Су'уд считалась счастливой, причем, как отмечал иракский знаток генеалогий и филолог Муарридж ибн 'Амр ас-Садуси (ум. в 810 г.), эта стоянка считалась благоприятной именно из-за своего названия, а не из-за свойств ее приметы [Ибн Кутайба, 1956, с. 79]. Положительные ассоциации были связаны и со стоянкой аль-Гафр. Ибн Кутайба упоминает, что «арабы говорят, что именно под стоянкой аль-Гафр были рождены пророки, мир им, и считают, что “лучшее

из мест на небе — между Клешнями (Скорпиона) и Денебойлой», поскольку ни Клешни, ни Денебола не оказывают на это место своего зловредного влияния» [Ибн Кутайба, 1956, с. 68]. Это свидетельствует о начале формирования у доисламских арабов собственно астрологических представлений на основе астральных примет, пусть эти представления и не образовывали стройную систему, сравнимую с астрологическими знаниями древних индийцев, вавилонян, греков эллинистического периода или же народов Дальнего Востока.

После начала проповеди Мухаммада ко многим арабским гадательным практикам, включая и предсказания погоды по приметам, начали относиться с осуждением, в лучшем случае — с подозрением. Причиной этого стала их тесная связь с языческими религиозными воззрениями и практиками доисламского «времени невежества» или *Джахилийи*. Широко известен хадис, согласно которому пророк Мухаммад осудил три вещи, как относящиеся к ней: опорочивание родословной других людей, громкое оплакивание на похоронах и веру в то, что звезды могут вызывать дождь [Varisco D., 1991, с. 22]. Впрочем, основанный на восходе и заходе звезд народный календарь сохранился среди сельского населения Аравии и прилегающих к ней культурных ареалов, дожив вплоть до наших дней. При этом форма и содержание современных фольклорных текстов находятся в русле этой древней традиции. Ярким примером могут служить фольклорные тексты из Йемена. Например, в середине марта в предрассветных сумерках наблюдается восход стоянки Са'д ас-Су'уд, и про это время говорят: *са'д ас-су'уд // йудаффи кулли мабруд // у-йунбит кулли 'уд* («Са'д ас-Су'уд // согреет любого замерзшего // и прорастит любой ствол») [Суворов М.Н., 2001, с. 55, 130]. О времени восхода Канопуса (ар. *Сухайль*), приходящегося на начало августа, когда раньше обычно заканчивались запасы из предыдущего урожая, говорят: *иза джаа сухейль // у-ма'ака бугейль // ф-анта гель бин гейль* («Если пришел Сухайль, а у тебя есть хоть какая-то

мелочь из овощей, ты — князь, сын князя») [Суворов М.Н., 2001, с. 52, 128]. При этом в трудовых песнях йеменских крестьян, призывающих дождь, до сих пор помимо обращения к Аллаху можно услышать и воззвания к небесным телам — Плеядам, звездам, месяцу, а также к дождю, тучам и даже к календарным сезонам [Суворов М.Н., 2001, с. 63].

Когда арабы познакомились с культурными и цивилизационными достижениями покоренных народов, их внимание привлекла в том числе и астрология, достигшая до этого в Сасанидском Иране небывалого расцвета и пользовавшаяся покровительством правителей и элиты. Образованные и влиятельные слои арабского общества, испытывавшего как теоретический, так и практический интерес к «иностранным» наукам, щедро спонсировали переводы астрологических, медицинских, философских текстов с языков покоренных народов, в первую очередь — с древнегреческого и среднеперсидского. В это же время, начало которого можно отсчитывать от трудов аль-Кинди, «философа арабов» (801–873), начинается расцвет арабо-мусульманской науки, в том числе астрологии. При этом арабские авторы (и в еще большей степени — пишущие по-арабски, но являющиеся представителями завоеванных народов) выступили в качестве продолжателей трудов своих греческих и персидских предшественников. Поскольку классическая античная астрология, получившая затем развитие в Сасанидском Иране, не оперировала, как это было уже отмечено, лунными стоянками, последние как бы исчезли из поля зрения искушенных в науках арабских астрологов. Можно сказать, что солнечный зодиак затмил лунные стоянки — у классиков арабо-мусульманской средневековой астрологии мы встречаем довольно мало сведений о них.

Представление о лунных стоянках также менялось под влиянием господствующей концепции солнечного зодиака. Например, аль-Бируни (973–1050?) в своей «Книге вразумления начаткам науки о звездах» уделяет довольно мало внимания

лунным стоянкам, помещая за пределами раздела, посвященного собственно астрологии, то есть предсказаниям, основанным на положении звезд и планет. Аль-Бируни рассказывает о них в той части своего сочинения, где он описывает движение небесных тел как таковое. Более того, он дает следующее определение лунных стоянок: «Подобно тому, как эклиптика делится на двенадцать равных частей, называемых знаками зодиака, путь, проходимый Луной в течение каждого дня и ночи, называется стоянкой. Число стоянок, согласно [мнению] индийцев двадцать семь, а согласно [мнению] арабов — двадцать восемь. Они называются по неподвижным звездам подобно тому, как знаки Зодиака называются по созвездиям» [Абу Райхан Беруни, 1975, с. 74]. Из этого отрывка мы видим, что лунные стоянки воспринимались уже не как яркие группы звезд сами по себе, а по аналогии со знаками зодиака, которые в этот период времени уже воспринимались в некотором отрыве от зодиакальных созвездий — как сектора эклиптики, то есть умозрительные отрезки на проходящей через небесную сферу условной линии. При этом в своем труде *Китаб тарих аль-Хинд* «История Индии» аль-Бируни очень подробно знакомит читателя с индийской системой лунных стоянок (*накшатр*) [Абу Рейхан Бируни, 1995, с. 414–421]. Другие астрологи практически полностью игнорируют лунные стоянки. Так, Абу Ма'шар (787–886) всего лишь несколько раз упоминает о существовании лунных стоянок в своем труде *аль-Мадхаль аль-кабир иля 'ильм ахкам ан-нуджум* («Большое введение в науку о приговорах звезд»). Абрахам Бен Эзра (1089–1167?) в «Книге суждений о звездах» вообще ничего не говорит о лунных стоянках, уделяя, тем не менее, большое внимание положению луны в знаках зодиака и т.н. астрологических домах, т.е. секторах небесной сферы, выделенных относительно истинного горизонта какой-либо точки на поверхности земли.

Отдельно стоит отметить, что изменение взгляда на лунные стоянки, заключающееся в их восприятии как равных

секторов эклиптики, имело огромное значение для арабской системы лунных стоянок. Если в индийской астрологической системе, использующей сидерический зодиак, «привязанный» к звездам, подобный подход не стал причиной радикального изменения взгляда на лунные стоянки, то применительно к средневековому арабо-мусульманскому (и вслед за ним — европейскому) взгляду на лунные стоянки все сложилось иначе. Это связано с укоренившимся использованием тропического зодиака, в котором точка отсчета знаков зодиака «привязывалась» не к соответствующим звездам как таковым, а к так называемой «Точке Овна», началу знака Овна. Это место пересечения экватора и эклиптики, т.е. точка, в которой Солнце пересекает небесный экватор, двигаясь из Южного полушария небесной сферы в Северное. Из-за явления прецессии эта точка постоянно смещается относительно зодиакальных созвездий и в наше время находится в участке неба, находящемся на границе созвездий Рыб и Водолея. Это явление привело к тому, что в тропической зодиакальной системе сектора небесной сферы, соответствующие знакам зодиака, не совпадают с зодиакальными созвездиями. Аналогично лунные стоянки сместились относительно звезд и астеризмов, давших им свое название, став просто еще одним способом деления тропического зодиака на сектора. Именно такой подход к лунным стоянкам возобладал в арабо-мусульманских системах оккультных и магических практик, оказавших впоследствии сильнейшее влияние на европейскую астральную и церемониальную магию.

Итак, лунные стоянки, скрывшись из поля зрения средневековых арабских астрологов, осветили пусть искателям мистических и оккультных знаний. Некоторые из них, подобно астрологам, черпали мудрость у древних. Одним из наиболее известных сочинений по магии является руководство по искусству составления амулетов и проведению магических операций *Гаят аль-хаким* («Цель мудреца»), известное в Европе в латинском переводе

под названием *Пикатрикс*. По наиболее распространенным мнениям, эта книга была написана между X и XI вв. неизвестным арабским автором, жившим в Испании. Ранее ее авторство приписывали Абу аль-Касиму Масламе аль-Маджрити (ум. 1007), математику из Мадрида, работавшему в Кордове. Среди тех, кто считал именно его автором этого труда, был и сам Ибн Хальдун, во многом благодаря авторитету которого книга *Гайат аль-хаким* стала ассоциироваться именно с именем аль-Маджрити. Тем не менее анализ содержания книги позволяет усомниться в этой атрибуции. Более убедительной представляется версия, согласно которой настоящим автором книги является кордовский мистик и собиратель хадисов Маслама ибн Касим аль-Куртуби (ум. 964) [Fierro M., 1996, с. 96–100]. В этом труде с многочисленными ссылками на мудрецов Индии описываются промежутки времени, наиболее подходящие для совершения тех или иных магических операций. В книге используется система лунных стоянок, при которых за стоянку принимаются равные дуги эклиптики тропического зодиака, начиная с 0 градусов Овна. При такой системе из-за явления прецессии расположение стоянок, как уже было сказано выше, больше не соответствуют расположению звезд и астеризмов, давших им название. Завершился процесс их превращения в математически рассчитываемые сектора небесной сферы, слабо связанные с реальным расположением небесных тел. Вместо того, чтобы наблюдать луну непосредственно на небе, в окружении звезд, теперь нужно было сверять ее положение относительно знаков тропического зодиака по специальным таблицам — *зиджам*. При этом лунные стоянки использовались так же, как в индийской традиции, — считалось, что совершение каких-либо действий, изготовление талисманов и совершение магических операций для конкретных целей должно осуществляться в те дни, когда луна находится в подходящей для этого стоянке.

Гайат аль-хаким была не единственным, хотя и наиболее известным трудом подобного рода. Так, аналогичные сведе-

ния о лунных стоянках и такое же их определение содержатся в йеменском манускрипте *Китаб ат-табсира фи 'ильм ан-нуд-жум* («Книга разъяснения науки о звездах») аль-Малика аль-Ашрафа 'Умара ибн Юсуфа. В этом сочинении подробно рассматриваются благоприятные и неблагоприятные дни для тех или иных действий в зависимости от прохождения луны по стоянкам. В манускрипте описывается также «природа» (горячая, холодная) стоянок в соответствии с античным учением о четырех стихиях, их соответствие растениям, используемым при изготовлении пряностей и лекарств [Varisco D., 1995]. Неудивительно, что лунным стоянкам нашлось место и в исламской мистической традиции. Так, в знаменитом трактате *Шамс аль-ма'ариф* («Солнце знаний»), приписываемом известному мистiku Ахмаду ибн 'Али аль-Буни (ум. 1225), также приводятся сведения о природе стоянок в рамках учения о стихиях, говорится также об особых персонифицированных духовных сущностях (*руханийят*), этим стоянкам соответствующим и действующим в ходе магических операций. Также весьма интересно, что в сочинении приводятся соответствия лунных стоянок буквам арабского алфавита [Varisco D., 2017, с. 497–498]. Последнее обстоятельство особенно важно, учитывая взгляды аль-Буни на природу арабских букв как квинтэссенцию мироздания. Через это соответствие устанавливалась связь между повседневной реальностью и божественным миром, которая воплощалась на практике в изготовление буквенных амулетов и обращение к различным гадательным практикам.

Представление арабов о лунных стоянках, таким образом, совершило сложную и подверженную многим влияниям эволюцию. Ее начало положила система хозяйственных и погодных примет, связанных с периодом года, когда в предрассветных или закатных сумерках может наблюдаться восхождение и захождение звезд. Эти приметы остались во многом вне поля зрения средневековых арабо-мусульманских астрологов, опиравшихся на птолемеевскую, иностранную относительно ара-

бов традицию. Тем не менее лунные стоянки получили своего рода второе рождение в позднесредневековых системах магических и оккультных практик, имевших синкретический характер и также в значительной степени опиравшихся на неарабское (индийское, египетское, античное и т.д.) культурное наследие. При этом лунные стоянки утратили связь с конкретными звездами, став абстрактными секторами неба, однако их названия, восходящие к бедуинской традиции, остались практически без изменений. Эволюция смыслов, вкладывавшихся в понятие *маназиль аль-камар*, и изменение путей их использования в рамках различных систем взглядов и практик может послужить ярким примером эволюции знаний при их осмыслении и передачи в условиях средневекового арабо-мусульманского общества.

Глава 2

БАХР АС-САКАЛИБА АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ

Давние связи арабских торговцев со странами Африки, Азии, Дальнего Востока развивались, прерывались и возобновлялись на протяжении веков. Известны арабо-африканские торговые связи через Красное море. Еще в III в. до н.э. юго-западные арабы вывозили за море египетские благовония для храмов. Арабские купцы проникали до восточноафриканских берегов к Занзибару, где существовала их торговая колония Аксум. Торговым центром Аравии был Аден, куда прибывали корабли из Индии. С оманских верфей сходили на продажу корабли. Арабские купцы возили вплоть до Китая африканских рабов, где у них имелась торговая фактория, названная впоследствии Гуаньчжоу [Шумовский Т., 1964, с. 77–80; Hourani G.F., 1975, с. 51–83].

Арабы неизбежно должны были иметь практические знания о Красном море, Аденском, Персидском заливах. На раннем этапе знакомство с морскими путями опиралось, скорее всего, на практические навыки, но неизбежны были многолетние астрономические и навигационные знания, хотя таблиц или прототипов портоланов тогда еще не было. С приходом ислама в Коране не раз упоминались морские пути и путешествия, ориентиром по звездам во время навигации, опасности, связанные с мореходством, что свидетельствует о знании морей и морских путей в очень ранние времена [Шумовский Т., 1974, с. 97–98].

С возникновением исламского государства кругозор его правителей неизбежно должен был расширяться. Наступательная внешняя политика Халифата требовала углубления географических знаний, в том числе об отдаленных водных бассейнах.

Арабо-византийские столкновения и войны показали необходимость создания, в противовес сильному византийскому эскадрам, своего военно-морского флота, построению которого осознал Му'ауийа ибн Аби Суфйан (603–680), еще не будучи халифом. Но и ранее, например, после набега византийского флота на прибрежный город Бараллус в 672/3 г. правитель Египта основал корабельный арсенал на острове ар-Равда, недалеко от Фустата. В эпохи правления Тулунидов, Ихшидидов, Фатимидов, Айюбидов он был главной базой для постройки торговых и военных судов [Fahmy, 1966, с. 35–50]. В IX веке, когда некоторые из отдаленных провинций Аббасидов стали автономными, верфь ар-Равда оставалась самым важным поставщиком военных кораблей для флота Тулунидов и самой защищенной военно-морской базой. Правителем Ифрикии в 708/9 г. были заложены верфи для кораблей в Тунисе, связанные с морем искусственным мелководным каналом; их защищали система сторожевых башен и укреплений, железные цепи между берегами [Khalilien H.S., 2005, с. 315, 320, прим. 3]. Верфи создавались в Сирии и Египте, где сохранялись древние традиции судостроения. Первая же победа в «битве мачт» в 665 г. арабского флота, построенного по указанию Му'ауийи, показала его важнейшее значение. В дальнейших арабо-византийских конфликтах и захватах арабами средиземноморских островов и прибрежных стран (как, например, южной Испании) флот играл огромную роль.

Помимо внешнеполитических дел, арабским властителям была необходима международная торговля, но важнейшие морские пути через Средиземное море были в руках Византии. Если Средиземное море до прихода арабов называлось византийцами *mare nostrum*, то после своих завоеваний арабы уже знали не только Средиземное море, которое они именовали *бахр ар-Рум* или *бахр аш-Ша'м*, но и водные коммуникации Азии. Каспий под именем «моря Джурджана, Табаристана, Баб аль-Абваба (т.е. Дербента)» или «моря Хазар» (*бахр аль-Хазар*)

был неоднократно описан арабскими географами, хотя арабские купцы не бывали там. Не плавали арабы и по Черному и Азовскому морям, как и более северным водам, поскольку эти пути находились в руках иных народов, но сведения о них, хотя и весьма приблизительные, у большинства арабских географов встречаются.

Информация об отдаленных водных бассейнах приходила к арабам из книг античных авторов. Математическая география и на ее основе картография, возникшие в омейядском Халифате и расцветшие при Аббасидах, опирались не только на труды античных, сирийских, иранских, индийских традиций землеописания, которые стали доступны после присоединения государств с древней цивилизацией, но и на старинных знаниях о морских путях. Особенно почитаемы были писатели античности: при описании Земли арабские географы ссылались на Гиппократ, Галена, Аристотеля, Птолемея. При Харуне ар-Рашиде и позднее существовали «Дома мудрости» (*Байт аль-Хикма*), где ученые из разных стран занимались переводами научных трактатов с других языков на арабский, а также астрономическими и математическими вычислениями, географическими описаниями Земли.

Труды Клавдия Птолемея (II в. н. э.) «Альмагест» и «География» были среди наиболее востребованных. В «Географическом руководстве» была обоснована необходимость картографического метода описания Земли, выработки системы координат [Ptol. 1.24.1; 2.1.4 и др.]. Арабские ученые полностью восприняли идеи Птолемея.

Следом за античными учеными арабские географы считали, что всю Землю омывает Окружающий океан (*Укийанус* или *бахр аль-Мухит*), а остальные моря являются его заливами, за исключением Каспийского (*бахр аль-Хазар*, *бахр Джурджан* или *Табаристан*), не связанного с Окружающим океаном и являвшегося отдельным бассейном. Часто использовались античные названия морей — *Понт* (искаженное *Нумас*) (Черное море), *Меотис* (иска-

женное *Майутис* или *Майтас*) (Азовское море). Эти названия, как и *бахр аль-Хазар* (иногда так называли Черное, а не Каспийское море), были широко известны, хотя арабские корабли не плавали по ним. Византийско-арабские и арабо-хазарские войны привели к возникновению не только теоретических, восходящих к античности, но и практических знаний об этих морях.

Весьма редко встречалось название *бахр ас-Сакалиба*, т.е. «море Славян». Впервые этот гидроним появился в «Книге стран» Ибн аль-Факиха, написанной в 903 г. М.Я Де Гуйе издал книгу в серии *Bibliotheca geographorum arabicorum* с предисловием, где он написал, что автор воспроизвёл информацию разной достоверности. Он отметил, что библиограф Ибн ан-Надим (X в.) и географ аль-Мукаддаси (X в.) считали труд Ибн аль-Факиха компиляцией сведений из различных произведений, в том числе из несохранившейся работы известного саманидского везира аль-Джайхани (X в.), цитаты из книги которого были использованы многими арабскими географами [Compendium ..., 1885, с. VII–VIII]; современники критиковали труд Ибн аль-Факиха за неточную географическую информацию и за отступления, не относящиеся к географии [Masse H., 1968, с. 761–762].

Фрагмент сочинения Ибн аль-Факиха, где встречается талассоним *бахр ас-Сакалиба* («море Славян») схож с известным текстом из «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха (IX в.) о путях купцов-русов. Этот отрывок из «Книги путей и стран» выглядит следующим образом:

«А что касается купцов-русов, а они — вид славян, то они везут шкурки бобра, черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славянских к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [...] (неясное сочетание букв, которое большинство исследователей воспринимают как искаженное «Танаис», другие полагают, что имеется в виду имя «Итиль». — Т.К.), реке славян, входят в Хамлидж — город хазар, и берет с них десятину властитель их. Затем отправляются к морю Джурджана и выходят на каком-либо его берегу,

понравившемся им, а сторона этого моря — 500 фарсахов. А иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские евнухи, и говорят они, что они — христиане, и платят джизью (т.е. подушную подать)» [Kitâb ..., 1889, с. 155].

Ибн аль-Факих использовал и изменил текст Ибн Хордадбеха, вставив его в свой фрагмент о городах Рее и Багдаде; он писал о торговле купцов-славян, а не русов. Этот фрагмент таков:

«Что же касается купцов славян, то они везут шкурки лисиц и зайцев из окраин [земель] славян и приходят к морю Румийскому, и берет с них десятину владетель Византии. Затем прибывают по морю к Самкарш иудеев, затем переходят к славянам; или следуют от моря Славян (*бахр ас-Сакалиба*) в эту реку, которая называется рекой Славян, пока не достигнут пролива Хазар, и берет с них десятину властитель хазар. Затем идут к морю Хорасанскому. Иногда выходят в Джурджане и продают все, что у них есть. А идет все это в Рей» [Compendium ..., 1885, с. 271].

Таким образом, в сочинении Ибн аль-Факиха появляется гидроним «море Славян» (*бахр ас-Сакалиба*), которого у Ибн Хордадбеха не было. Трудно решить, реальная ли это информация или литературная переработка текста предшественника, который, впрочем, писал только об отдаленных землях славян, где начинался и проходил по реке Славян путь торговцев-русов. А. Зеки Валиди Тоган полагал, что Ибн аль-Факих имел в своем распоряжении утраченный ныне полный текст «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха и изложил его вариант, восходящий к произведению саманидского везира аль-Джайхани. *Бахр ас-Сакалиба* в таком случае идентифицировался с Финским заливом или Балтийским морем [Zeki Validi A., 1936, с. 38–51; Idem, 1939, с. 306]. Т. Левицкий тоже идентифицировал этот гидроним с Балтийском морем, но он предполагал и возможность отождествления с Черным [Źródła ..., 1969, с. 84–85, прим. 195].

В X в. название *бахр ас-Сакалиба* встречается в географическом трактате безымянного члена религиозно-философского общества города Басры «Чистые братья и верные друзья» *Ихуан ас-сафа' уа хуллаан аль-уафа'* (существовало с начала по 80-е гг. X в.) [Marquet H., 1968, с. 1071–1072]. В этом произведении изложены традиционные в арабской географии взгляды на форму и размеры Земли, уделено внимание разделению ее на семь «климатов» (*иклим*) — широтных зон, которые начинались с востока и оканчивались на западе, в Атлантике (Окружающем океане) или близ нее (около Магриба). В трактате «Чистых братьев» эта часть называется «Глава о семи климатах», в которой, кстати, дается исчерпывающее разъяснение о «климатах»: «Климаты — [это] семь частей, начертанных в населенной части Земли. Каждый из климатов — как бы разостланный ковер, протянувшийся по длине с востока на запад, а по ширине с юга на север. Климаты различны по длине и ширине» [Калинина Т.М., 1984, с. 200]. *Бахр ас-Сакалиба* упоминается в главе «Описание населенной четверти Земли», где перечислены семь главных морей и островов северной четверти Земли. Среди них, после упоминания *моря ар-Рума* (т. е. Средиземного), в котором, по мнению автора, имелось около 50 островов, названо *море ас-Сакалиба* с 30 островами, далее названо *море Джурджана* (т. е. Каспий) с 5 островами [Калинина Т.М., 1984, с. 119]. Эта информация дает хотя и приблизительное, но довольно достоверное местоположение моря *ас-Сакалиба* — примерно Восточная Европа.

Этот водоем упомянут также при описании шестого и седьмого климатов: «Шестой климат принадлежит Меркурию... Начинается он с востока и идет через север страны Йаджудж и Маджудж, идет через юг страны Сиджистан, затем через юг области Асхаб Сугургур, через центр страны Хакана, юг страны Кимаков, пересекает море Табаристана, проходит через центр страны Азербайджан, центр страны Арминия и Малатийа, север страны моря Понт, север Константинополя, центр страны Македония, центр Киликии, которая примыкает к северу, идет через юг *бахр*

ас-Сакалиба, через север Храма Венеры и Андалусии и достигает моря Запада... Климат седьмой принадлежит Луне... Начинается от с востока и идет через юг страны Йаджудж и Маджудж, область Сиджистан, страну Токузогузов, страну Кимаков, юг Алан, север моря Джурджана, область Х.н.х (?), через гору Баб аль-Абваб, через центр моря Понт, через юг страны Бурджан, север страны Македония, через юг *бахр ас-Сакалиба*, юг острова ар-Рай (?) и достигает моря аль-Магриба...» [Калинина Т.М., 1984, с. 205–206].

Среди морей назван Понт — традиционное для арабских географов, идущее от античных авторов наименование Черного моря, здесь никак не связанное с морем Славян. При перечислении направлений шестого и седьмого климатов идет сначала центр Черного моря, затем юг страны Бурджан (придунайских болгар), затем центр и север Македонии и центр Киликии, а далее только южная часть моря Славян (*бахр ас-Сакалиба*). Далее указан «Храм Венеры», название которого восходит к номенклатуре Птолемея; располагался он в восточных Пиренеях [Ptol. II, 10, 12]; арабские источники (например, al-Huwarizmi, 1926, с. 28; Yacut, I, 378) локализовали его в горах между областями франков и Андалусией, что в целом соответствует местоположению в трактате Птолемея. Была попытка идентификации талассонима с Адриатическим морем [Калинина Т.М., 1984, с. 205, прим. 100], что, впрочем, остается лишь недоказанным предположением. Ни с Черным, ни с Балтийским, как и любым другим водным бассейном северных земель, это море идентифицировать невозможно. Такое описание скорее говорит о неопределенности знаний неизвестного географа, написавшего трактат.

Такая система описания Земли по семи климатам впервые была применена в IX в. ученым аль-Фергани. Впоследствии, с изменениями и дополнениями, такое перечисление местностей и морей перешло затем в произведения многих последующих географов и других писателей, касавшихся описания Земли (например, Ибн Руста, аль-Мас'уди, Агапия Манбиджского,

Закария аль-Казвини и др.), с изменениями и дополнениями, но талассонима *бахр ас-Сакалиба* в них нет.

Итак, в X веке ряд арабских географов упоминали *бахр ас-Сакалиба*, имея в виду его местонахождение где-то в северной части Земли.

В XI в. *бахр ас-Сакалиба* упоминал известнейший ученый аль-Бируни (973–1048). Так, в «Минералогии», в главе о янтаре, написано: «Два моря, в которых они (смола и янтарь. — Т.К.) попадают, это *бахр аз-Зандж* (море Зинджей, т.е. Мозамбикский пролив) в жаркой стороне и *бахр ас-Сакалиба* (море Славян), находящееся в холодной стороне [Ал-Бируни ..., 1963, с. 198]. В данном случае нет сомнений, что речь идет о Балтийском море.

В общем описании морей аль-Бируни не упоминал море Славян. Он писал: «Море, которое находится на западе обитаемой четверти Земли у берегов Танжера и Андалусии, называется Окружающим морем, которое греки называли Океаном. В него не углубляются, а плавают только около берега: от Андалусии оно простирается к северу этих стран **вдоль страны славян** (выделено мной. — Т.К.). На севере страны славян от него отходит большой залив вблизи страны болгар-мусульман, этот залив известен под названием Варяжского моря; варяги — это народ, живущий на его берегу» [Абу Райхан Бируни, 1975, с. 100].

В «Геодезии» аль-Бируни при описании холодных северных местностей, где нет обитаемых мест, вопреки этому утверждению, написано: «Однако мы находим обитателей берегов моря, известного под названием *бахр Уарандж* (море Варягов. — Т.К.), отходящего от Окружающего моря к северу от земли славян» [Абу Райхан Бируни, 1966, с. 160]. Ряд исследователей предлагали идентифицировать море с Балтийским; А. Зеки Валиди Тоган сопоставлял его с Баренцевым или с Финским заливом, поскольку считал, что славяне — это русы, а русы — это варяги [Zeki Validi A., 1936, с. 45].

Несмотря на то, что аль-Бируни только один раз использовал талассоним «море Славян», он показал, что западная часть Окружающего моря (т.е. часть Атлантики) проходила неподалеку от страны славян, а залив на севере страны славян он называл морем Варягов. Аль-Бируни не знал Скандинавии. По его представлениям, земли славян и варягов омывала северная часть Окружающего океана. Варяжское море как залив, который отходит от этого моря внутрь континента, от мест, где живут варяги и славяне, вероятнее всего, должен ассоциироваться с южной частью Балтийского моря. Точного местоположения моря Славян аль-Бируни не знал, хотя местоположение славян он относил к северным землям.

В XII в. в Испании появилось географическое сочинение *Китаб аль-Джа'рафиййа*. Один раз в начале одной из рукописей назван автор — Абу 'Абд Аллах Мухаммад ибн Аби Бакр аз-Зухри, что вызвало сомнение исследователей в достоверности авторства [Матвеев В.В., 1965, с. 210; Halima Ferhat, 2002, p. 566]. Иной раз его именуют «Анонимом из Альмерии» [Halima Ferhat, указ. соч. и с.] Писатель отметил во введении, что он воспроизвел свою книгу с одноименного произведения аль-Фазари, который, в свою очередь, списал ее с трактата для карты аль-Ма'муна, т.е. с произведений IX в. Как само имя аль-Фазари, так и приписываемый ему трактат вызвали сомнения и затруднения среди исследователей, поскольку было не ясно, какой из ученых с нисбой аль-Фазари имелся в виду в книге аз-Зухри. Кроме того, описание первоисточника, якобы восходящего к карте и тексту труда для аль-Ма'муна, не соответствуют в других сочинениях (например, аль-Мас'уди) тому описанию, что дал аз-Зухри [Матвеев В.В., 1965, с. 210; Бейлис В.М., 2008, с. 33–34]. В этом труде есть ссылки на сочинения предшественников, в частности, на книги аль-Мас'уди, ар-Рази и др., хотя в сохранившихся трудах аль-Мас'уди соответствий нет. В *Китаб аль-джа'рафиййа* имеются оригинальные сведения. Так, в описании морей есть обширные авторские данные о третьем море, после Окружающего и Средиземного.

«Третье море — море Славян (*бахр ас-Сакалиба*). Его исток — из “Величайшего моря” в середине (стран) Севера и над местом, откуда оно вытекает, обращается созвездие Полярной звезды, которое движется вокруг Северного полюса в том месте, где год состоит из дня и ночи и куда не появляется солнце. Это место, куда не в состоянии проникнуть никто, исключая то время, когда там восходит (?) солнце. Широта этого места — 84 градуса, возвышение Северного полюса над этим местом — 6 градусов, а Аллах знает лучше.

Начало хорды, стягивающей эту дугу — это конец страны Хазар на западе, (затем она проходит) до берега (этого моря). Далее эта хорда пересекает море по всей его ширине и проходит по краю страны славян... В том месте, где начинается это море, имеются огромные животные, наподобие змей, у которых головы, такие как у людей, а также громадные звери из числа морских зверей. Каждый такой зверь бывает длиной в день пути, а то и в четыре дня. И кроме того (бывают существа) из числа таких, что разум не может представить их иначе, как убедившись (в их бытии) путем чувственного познания. Слава Тому, Кто над всякой вещью мощен! Цвет (воды) этого моря при его выходе (из “Величайшего моря”) очень темный, черный, как чернила; таков он до тех пор, пока море не доходит до упомянутой линии (хорды), после чего он становится чистым и приобретает зеленую окраску вследствие того, что сочетается с солнцем. В этом месте есть остров, на котором имеются румийские самоцветы. Затем это море доходит до страны Арминийя и проходит между Константинополем и страной Сирия. На нем есть остров, где имеется камень из числа (видов) бирюзы. Ширина этого моря в указанном месте — 12 фарсахов. Затем море спускается на юг, пока не впадает в море Рума напротив Константинополя, и его ширина в этом месте — всего одна миля. В этом месте переправлялся царь персов Кисра Ануширван, когда совершал набег на Константинополь, и отсюда переправлялся Маслама ибн ‘Абд аль-Малик ибн Маруан, и (еще) переправлялся Харун ар-Рашид,

как об этом упоминает аль-Мас‘уди в “Книге предупреждения и пересмотра» (аль-Мас‘уди, однако, в *Китаб ат-танбих* упоминает только о походе Масламы ибн ‘Абд аль-Малика. — В.Б.). Протяженность этого моря от его начала в “Величайшем море” и до того места, где оно впадает в море Рума — 990 фарсахов. На этом море живет множество племен из числа народов севера, со стороны запада, из румов и жителей Арминийи» [Бейлис В.М., 2008, с. 42–48]. Таким образом, аз-Зухри показал связь выходящего с севера моря Славян с Черным и далее — со Средиземным. Можно полагать, что *бахр ас-Сакалиба* здесь — Балтийское море или одно из северных морей. Следовательно, здесь речь идет о водном пути до Черного моря и далее до Средиземного, со вставкой о чудесах (*‘аджа’иб*).

Отмечены некоторые несоответствия в описании аз-Зухри: по его словам, *бахр ас-Сакалиба* начинается на севере, от седьмого климата, однако в перечне климатов к седьмому климату отнесены страны Африки [Бейлис В.М., 2008, с. 40].

В сочинении аз-Зухри нет прямой связи с географическими сочинениями географов IX–X вв., тем не менее географическая номенклатура восходит к произведениям IX–X вв., и в целом оно является в большой степени компилятивным [Бейлис В.М. 2008, с. 45].

К XII в. относится малоизвестная арабская карта из Испании, которая находится в «Книге приливов и отливов». Авторство ее точно не установлено: считается, что это был некий Абу Али аз-Зайат, но сведений о нем не имеется. Ряд исследователей полагает, что это — Абу аз-Заййат ат-Тадили, который умер ок. 1230 г., но доказательств этому предположению нет [Калинина Т.М., 2020, с. 41–43].

В этой книге есть сведения о море Славян: «*Бахр ас-Сакалиба* выходит со стороны запада между климатами шестым и седьмым; у него много заливов, а в его нижней части много островов, известных как острова Маджусов, на них живут племена Йафета, и из этого моря они добывают средства к существо-

ванию и ловят рыбу» [Martinez L., 1981, с. 163; Калинина Т.М., там же, с. 45–46]. Маджусами в данном случае названы норманны, которые, по мнению автора, обитают на берегах моря Славян, что является оригинальной информацией. Маджусами-русами, пришедшими по морю и нападшими на Севилью в 844 г., назвал норманнов историк IX в. аль-Йа'куби [Kitâb ..., 1892, с. 354], но эта уникальная информация, вызвавшая длительную дискуссию, связанную с упоминанием имени русов, едва ли повлияла на нашего автора. Здесь также уместно вспомнить известие аль-Бируни о заливе на севере страны славян, известный под названием *Варяжского моря*, которое до некоторой степени перекликается с данными «Книги приливов и отливов». Переводчица этого трактата испанский востоковед Л. Мартинес справедливо считала, что под именем *бахр ас-Сакалиба* в «Книге приливов и отливов» речь идет о Балтике, которая относится к бассейну Атлантического океана, что и отражено в информации книги [Martinez L., 1971, с. 205]. Однако возможно, что автор сочинения имел в виду не конкретно Балтийское море, а северные моря Атлантики, вокруг которых обитали скандинавы.

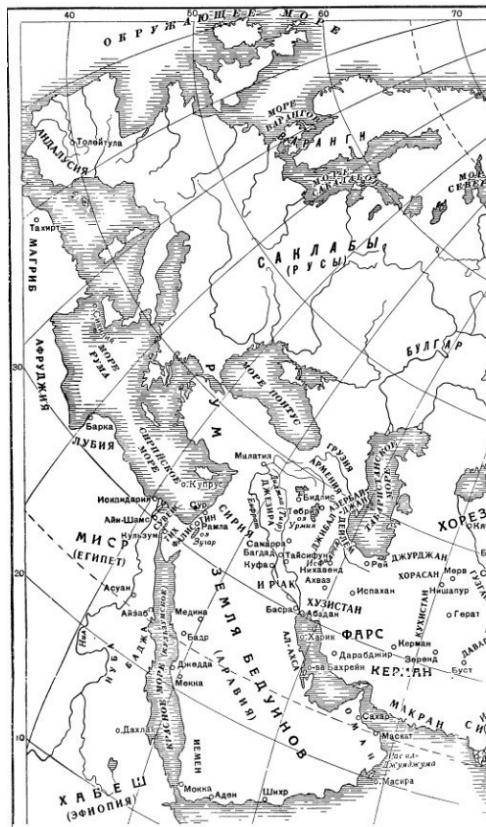
Веком позже Шамс ад-Дин Абу 'Абдаллах ад-Димашки (1256–1327), космограф и географ, среди прочих трудов написал сочинение «Выборки времени о диковинках суши и моря» (*Нухбат ад-дахр фи 'аджа'иб аль-барр ва-л-бахр*). Этот труд был написан в жанре 'аджа'иб, который был предназначен широкому кругу читателей. Автор широко привлекал информацию из трудов предшественников: математика, астронома и географа аль-Хорезми, ученых классической школы аль-Балхи и Ибн Хаукаля, представителей описательной географии Кудаму ибн Джа'фара, аль-Мас'уди и аль-Бакри, аль-Идриси, историка Ибн аль-Асира и других ученых. Его сведения, таким образом, являются в большой степени компилятивными, хотя автор подвергал собственной обработке полученные им сведения [Крачковский, 1957, с. 382–384; Dunlop, 1991, с. 291].

Как и ранние авторы, ад-Димашки описывал климаты населенной четверти Земли по своей схеме: моря, горы, реки, города. В седьмом климате, описывая море Средиземное как часть Окружающего океана, наш автор завершает описание береговой линии моря вокруг юга Испании, а далее «...от него проливом соединяется с морем *Северным* к морю *Уаранк, ас-Сакалиба и аль-Килабийя*» [Cosmographie ..., 1866, с. 23]. «...Море *Нитас*, которое является морем Черным (*аль-Асуад*), называется морем *ар-Рус*, а море *ар-Рус* соединяется с морем *Уаранк* и *ас-Сакалиба*» [Cosmographie ..., 1866, с. 139].

В этих фрагментах отражена географическая номенклатура и оригинальная, и книг ранних географов, а возможно, и античных авторов. Переводчик труда ад-Димашки А. Мерен предполагал, что Килабии — это Киноскефалы (т.е. «пёсьеглавцы»), известные из античной традиции. Море Славян, Варягов и Килабиев А. Мерен идентифицировал с Ботническим заливом Балтийского моря [Manuel ..., 1874, с. 21, прим. 3], однако возможно и не столь конкретное, а общее представление нашего автора о северных морях. Относительно народа Килабии можно предложить и более простую «расшифровку» этого этнонима — кильфинги (кюльфинги) или колбяги, обитавшие на севере Европы. Название «море Черное» по отношению к Понту появилось как раз во время жизни ад-Димашки, с XIII в., по-тюркски — *Кара-Дениз*, что автор воспроизвел по-арабски: *бахр аль-Асвад*, прибавив обозначение его как моря *Русов*, что, вероятно, восходит к информации X в. аль-Мас‘уди и анонима труда «Худуд аль-‘Алам».

Таким образом, арабские географы в общем представляли себе водную связь севера Европы, где, по их представлениям, жили славяне и варяги и где начинался путь от севера до Черного и далее до Средиземного моря. Начало этого пути отражено в талассониме «море Славян». Многие историки полагают, что путем этим был Днепровский. Однако надо отметить, что, несмотря на известные данные источников о контактах правителей

росов с византийскими властями, археологических свидетельств функционирования так называемого пути из варяг в греки нет до конца IX в. Поэтому материалы наших ранних авторов относятся к началу и постепенному освоению Днепровского пути, причем арабские географы не знали конкретных деталей начала этой водной дороги, и только с XI в. имеются более подробные, хотя опять-таки без подробностей, свидетельства знаний о связях севера Европы с Черным морем, Византией и Средиземноморьем.

Фрагмент карты с обозначением географических пунктов, упоминаемых в «Минералогии» ал-Бируни (Бируни, 1963, с. 524)

Глава 3

ОПИСАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ АБУ-ЛЬ-ФИДЫ*

Благодаря арабским завоеваниям VII — начала VIII в., включившим в состав Халифата юго-восточное, южное и юго-западное средиземноморское побережье от Сирии на востоке до Испании на западе, Средиземное море надолго стало предметом пространственного воображения исламской интеллектуальной элиты. Концептуализация Средиземного моря как единого пространства в исламской средневековой географии прошла несколько этапов — от фрагментарных сообщений географов IX в. об отдельных средиземноморских городах и связывавших их маршрутах до общих описаний и картографических изображений Средиземного моря как целого в трудах ученых середины X–XIV века [Picard С., 2015; Kahlaoui Т., 2017]. Некоторые стороны интеллектуального освоения средиземноморского пространства исламскими географами и картографами уже исследованы в историографии последних десятилетий [Pinto К., 2004, с. 234–241; Ducène J.-Ch., 2014, с. 123–134, 301–304; Pinto К., 2016; Kahlaoui Т., 2017, с. 43–56; Pinto К., 2017, с. 55–79; Cvijanovic I., 2018, с. 56–69]. Но даже несмотря на наличие общих работ, рассматривающих представления исламских авторов о Средиземном море в широком временном диапазоне [Picard С., 2015; Kahlaoui

* Глава подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00207).

Т., 2017], изучение вклада того или иного географа в формирование и развитие представлений о Средиземном море не теряет своей актуальности. Это связано с тем, что исламская география никогда не представляла собой единого предприятия, развивавшегося на универсальной основе, напротив — для ее развития всегда были важны региональные особенности производства и циркуляции географических знаний, а также те или иные подходы к подбору источников и к форме презентации материала, практиковавшиеся разными авторами.

Среди арабских географических сочинений, содержащих описание Средиземного моря, особое место принадлежит всемирной географии арабского ученого первой трети XIV в. Абу-ль-Фиды «Упорядочение стран» (*Такуим ал-бульдан*, 1321–1331 гг.), в которой дается описание Земли и всех известных к тому времени в арабском мире стран и народов [*Géographie ...*, 1840].

Абу-ль-Фида Исма'ил ибн 'Али аль-Аййуби — сирийский эмир, историк и географ — родился в 1273 г. в Дамаске, куда его отец, эмир сирийского города Хама, бежал от монголов. Юношеские годы Абу-ль-Фиды прошли в походах против крестоносцев, а в дальнейшем он участвовал в военных экспедициях под началом мамлюкских султанов, благодаря чему хорошо знал средиземноморское побережье Сирии. Абу-ль-Фиде удалось добиться расположения мамлюкского султана ан-Насира Мухаммада (1293–1341, с перерывами): географ часто появлялся в Каире, где удостоивался чести присутствовать при приемах иностранных послов, неоднократно сопровождал султана в его поездках, а также в паломничествах в Мекку. Умер Абу-ль-Фида в 1331 г. в своей резиденции в Хаме [Крачковский И.Ю., 1957, с. 386–389; Gibb H.A.R., 1986, с. 118–119; Lane-Poole S., 1968, с. 312–313].

Географическое сочинение Абу-ль-Фиды сохранилось в трех списках из Парижа (*Bibliothèque Nationale, Ancien fonds arabe 578*), Лейдена (*Univ. 727*) и Санкт-Петербурга (*Институт восточных рукописей РАН 594; С 592*); Лейденский список был просмотрен автором. Различия между списками носят редакционный

характер, на основании чего считается, что, закончив сочинение в 1321 г., Абу-ль-Фида возвращался к работе над ним вплоть до своей смерти [Géographie ..., 1848, с. CDLII].

Полный арабский текст (по рукописям из Парижа и Лейдена) и часть французского перевода «Упорядочения стран» были изданы французскими ориенталистами Ж.Т. Рено и У. де Слэном в середине XIX в.; через 35 лет перевод был завершён С. Гюйаром [Géographie ..., 1840; Géographie ..., 1848; Géographie ..., 1883]. Несмотря на отдельные скептические оценки *Такуим аль-бульдан* как посредственной компиляции более ранних источников, географическое сочинение Абу-ль-Фиды признаётся современными исследователями капитальным трудом, сопоставимым по своему значению в арабской географической литературе с работой выдающегося арабского географа и картографа середины XII в. ал-Идриси [Gibb H.A.R., 1986, с. 118–119].

Сочинение Абу-ль-Фиды состоит из двух частей — обширного Введения, содержащего общие сведения о Земле, и основного раздела с описанием 28 географических историко-культурных областей ойкумены, главным образом исламских. Каждый из 28 разделов, в свою очередь, подразделяется на две разные по своей форме части: описательную и табличную. В описательной части содержатся сведения о границах той или иной области, ее политическом устройстве, этническом составе населения, его обычаях и верованиях, об основных городах; бывают приведены и маршрутные данные. Кроме этого, сведения о городах каждой области представлены в таблицах, где приведена информация о многих, но далеко не о всех фигурирующих в описании населенных пунктах. В таблицах помимо характеристики города, транслитерации его наименования и указания на источники сведений даны и его координаты⁴⁷. При этом таблицы играют

⁴⁷ Таблицы Абу-ль-Фиды содержат следующие графы: 1) порядковый номер; 2) название населенного пункта; 3) указание на источник, откуда позаимствованы сведения о населенном пункте; 4–5) географическая долгота населенного пункта в градусах и минутах; 6–7) географическая широта населенного

не самостоятельную, а вспомогательную роль, так как просто упорядочивают материал, не добавляя практически ничего нового к тому, что сказано в описательной части главы, где тоже бывают указаны координаты.

О Средиземном море, которое Абу-ль-Фида по традиции называет «Морем Рума» по арабскому наименованию Византии (*ар-Рум*), говорится во Введении к *Такуим аль-бульдан* наряду с сообщениями о других морях мира — Окружающем, Китайском, Черном и Каспийском [Géographie ..., 1840, с. 27–34].

Развернутая характеристика Средиземного моря, составленная самим Абу-ль-Фидой на основании различных источников, не имеет аналогов в арабской географической литературе. Ее ключевой особенностью является способ описания, избранный географом. Концептуализацию Средиземного моря как единого водного пространства Абу-ль-Фида строит не на цифровых данных о размерах моря, а также о приморских странах и народах, как это делали до него ал-Баттани, ал-Мас'уди, Ибн Хаукаль, аль-Идриси и др., а на материале маршрутов мореплавания, путем рассказа об особенностях береговой линии и локализации средиземноморских городов через их взаимное положение. Наряду с этим рассказ о Средиземном море Абу-ль-Фиды содержит координаты для многих приморских пунктов и навигационных ориентиров, что в перспективе делает возможным реконструкцию его карты Средиземноморья.

Плотность информации в рассказе Абу-ль-Фиды о Средиземном море неодинакова для разных частей побережья — наиболее полные данные приведены для Западного и Восточного Средиземноморья [Коновалова И.Г., 2020б; Коновалова И.Г., 2020в], в то время как южное [Коновалова И.Г., 2020а] и в особенности

пункта в градусах и минутах; 8) указание на «истинный (т. е. астрономический. — И. К.) климат», к которому относится населенный пункт; 9) указание на «условный климат» (т. е. на историко-культурную область, страну), к которому относится населенный пункт; 10) огласовка арабского наименования населенного пункта; 11) характеристика населенного пункта.

северное побережье охарактеризованы в меньшей мере. Все это дополняется разрозненным материалом из разделов про реки и горы мира во Введении, а также из основной части сочинения, где в соответствующих разделах упоминаются приморские города и устья некоторых рек, впадающих в Средиземное море.

Описание Средиземного моря начинается с рассказа о Гибралтарском проливе, а далее Абу-ль-Фида приводит маршрут плавания от Танжера вдоль африканского побережья, затем восточного, северного и северо-западного побережий с возвращением в исходную точку, то есть в Гибралтарский пролив, в северной части которого напротив африканского Танжера лежит испанский город Альхесирас [Géographie ..., 1840, с. 27–31].

Рассказ Абу-ль-Фиды о Средиземном море в полном виде еще не переводился на русский язык, имеются лишь переводы отдельных фрагментов [Коновалова И.Г., 2020а; Коновалова И.Г., 2020б; Коновалова И.Г., 2021]. Ниже приведен перевод фрагмента, касающегося плавания от Константинополя до Альхесираса.

«Затем [от Константинополя] море поворачивает на запад, немного отклоняясь к югу, и идет до страны франков (*ал-фирандж*), известной как Морея (*билад ал-Мара*); она находится к западу от страны Константинополя. Потом море продолжается на юго-запад и идет вдоль побережья страны под названием *ал-Малфаджут*⁴⁸, затем мимо страны, именуемой *ал-Басилиса*⁴⁹ — от греческого слова со значением «царство». У границы страны *ал-Басилиса* из моря выходит Венецианский залив (*джун ал-Банадика*), о котором мы расскажем позже. С противоположной стороны [залива] напротив страны *ал-Басилиса* лежит страна Апулия (*Булийа*), а Венецианский залив проходит между ними и идет на запад, отклоняясь к северу. Все эти иноземные

⁴⁸ По предположению Ж.Т. Рено, этот топоним является арабской передачей греческого обозначения Великой Влахии (Μεγαλοβλαχία) [Géographie ..., 1848, с. 279–280], занимавшей территорию Фессалии [Kazhdan A., 1991, с. 2183].

⁴⁹ Имеется в виду Эпирский деспотат, образовавшийся после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. [Talbot A.-M., Kazhdan A., 1991, с. 716–717].

названия с их точным произношением приведены в таблицах в конце этой книги.

Затем море продолжается на юг, омывая страну Апулию и страну Калабрию (*Каллаурийя*), которая также называется Калафурией (*Калафурийя*). Далее море омывает побережье Румийи (*Румийя*) и поворачивает на запад, забирая прямо к югу⁵⁰, пока не пройдет побережье Румийи до страны под названием Тоскана (*ал-Тускана*). Затем оно продолжает идти на юг до страны Пиза (*Биза*), откуда происходят пизанские франки (*ал-фирандж ал-бийазина*), потом также идет на юг, пока не подойдет к Генуе (*Джануа*), координаты которой составляют 31° долготы и 41 и одну треть градуса широты. Далее от Генуи море поворачивает на северо-запад до страны Ломбардии (*ал-Лунбардийя*) с координатами в 30 с небольшим градусом долготы и 43 с небольшим градусом широты.

Затем море поворачивает на запад до Пиренейских гор (*Джабал ал-Бурат*), которые отделяют ал-Андалус от страны франков. Близ упомянутых Пиренейских гор на границе ал-Андалуса находится город Таррагона (*Таракуна*) с координатами 28 градусов долготы и 43 градуса широты. У Пиренеев море поворачивает с запада на восток, образуя восточный угол ал-Андалуса, [выступающий] в море. Затем море забирает к востоку пока не вернется за упомянутый угол. Далее море поворачивает на запад и идет до Барселоны (*Баршалуна*), координаты которой равны 24 с половиной градусам долготы и 42 градусам широты. Затем море идет на юго-запад и проходит до Тортосы (*Туртуша*), расположенной на 22 с половиной градусах долготы и 40 градусах широты. Потом море также идет на юго-запад до Валенсии (*Балинсийя*) с координатами 20 градусов долготы и 38 градусов широты. Затем море идет на северо-запад до Дении (*Данийя*) с координатами 19 градусов долготы и 39 с небольшим градусом широты. Далее море продолжается на юго-запад до Малаги (*Малага*) с координатами 16 градусов долготы и 37 градусов широты, а потом идет до Аль-

⁵⁰ Ошибка в указании направления, отмеченная еще Ж.Т. Рено [Géographie ..., 1848, с. 36].

хесираса (*джазира аль-Хадра*) с координатами в 9 градусов долготы и 36 градусов широты, лежащего напротив Сеуты (*Сабта*) и Танжера (*Танджа*), с который мы начали наш рассказ. Как мы уже сказали, море в этом месте узкое и приближается к Беджае (*Биджаййа*), которая расположена на африканском побережье напротив Тортосы в ал-Андалусе. Ширина моря между ними — около трех дней плавания» [Géographie ..., 1840, с. 30–31].

О связях между испанскими городами и портами Северной Африки Абу-ль-Фида говорит также в начальной части своего рассказа о Средиземном море, поэтому имеет смысл привести перевод и этого фрагмента: «Это море выходит из Океана в сторону востока. Оно начинается у Танжера и проходит между Танжером, Сеутой и другими прибрежными городами Африки (*Барр ал-Удуа*), с одной стороны, и ал-Андалуса — с другой. Там оно называется морем Пролива (*аз-Зукак*), потому что с незапамятных времен в этом месте оно очень узкое — его ширина от африканского побережья до ал-Андалуса составляет [всего лишь] 10 миль. Ал-Шариф аль-Идриси говорит, что это подтверждают древние книги. Что до нашего времени, то сейчас ширина пролива увеличилась: по свидетельству Ибн Са'ида, она равна 18 милям. Мы начинаем рассказ об этом море от Танжера и Сеуты, расположенных в Африке, затем [последовательно] расскажем обо [всем] побережье моря, пока не дойдем до ал-Андалуса на противоположном берегу, а именно до города Альхесираса, который лежит напротив Сеуты и Танжера, с которых мы начали описание» [Géographie ..., 1840, с. 27].

Описание «Венецианского залива», то есть Адриатического моря, помещено отдельно: «Аш-Шариф аль-Идриси сказал, что длина этого моря (моря Рума. — *И. К.*) равняется 1136 фарсахам и в нем находится около 100 островов. В море Рума имеется большое количество устьев рек и заливов, у одних из которых есть названия, а у других нет, или же нам это неизвестно. Среди заливов самым большим являются Венецианский и еще один залив, ведущий из него (моря Рума. — *И. К.*) на север на расстоя-

ние в 500 миль в Румийю и к городу Румийа. Рассказ о Венецианском заливе. Этот залив выходит из моря Рума на северо-западе между страной ал-Басилиса и страной Апулия. Он идет на запад, немного отклоняясь к северу, так что его конечная точка оказывается к западу от Румийи. В конце залива стоит город Венеция (*ал-Банадикийа*), координаты которого составляют 32° долготы и 44° и несколько минут широты. Между двумя концами этого залива около 700 миль. Страна Венеция располагается по берегам этого морского залива» [Géographie ..., 1840, с. 31].

Как видно, описание европейской части средиземноморского побережья в сочинении Абу-ль-Фиды как географически, так и содержательно распадается на четыре части: описание побережья Балканского полуострова, описание побережья Апеннинского полуострова, описание средиземноморского побережья Испании и рассказ о «Венецианском заливе». Все эти части отличаются друг от друга по полноте информации: чем дальше на запад, тем более детальными становятся сведения о прибрежных объектах.

Наименее подробно охарактеризовано побережье Балканского полуострова, где Абу-ль-Фида не называет ни одного портового города, указывая вместо них хоронимы. Свое намерение поместить о них данные в табличной форме Абу-ль-Фида не реализовал — возможно, потому, что в свои таблицы он заносил сведения о городах, а не о странах. Вместе с тем не исключено, что имевшегося в распоряжении географа материала просто не хватило для того, чтобы заполнить все графы соответствующей таблицы.

Рассказ Абу-ль-Фиды об Апеннинском полуострове более подробен, чем о Балканском: там упомянуты не только хоронимы, но и города — Рим, Пиза и Генуя, — а также для двух объектов приведены координатные данные.

Совершенно иной характер имеет описание побережья Испании, которое охарактеризовано наиболее подробно по сравнению со всеми остальными районами европейской части Средиземноморья. Во-первых, Абу-ль-Фида упоминает много испанских портовых городов с их координатами. Во-вторых, гео-

граф приводит данные об особенностях береговой линии моря. В-третьих, в этом фрагменте есть сведения о связях испанских портовых городов с городами другого средиземноморского региона — побережья Африки.

Как можно заметить, в целом рассказ Абу-ль-Фиды о европейской части средиземноморского побережья представляет собой описание береговой линии моря и по своей форме напоминает морскую лоцию (портолан). На сходство с морской лоцией указывают следующие черты описания. Во-первых, все упоминаемые в нем топонимы представляют собой навигационные ориентиры — прибрежные страны, портовые города, а в одном случае — выдающийся в море мыс. Во-вторых, при описании движения вдоль побережья географ почти всегда называет направление плавания по странам света. И в-третьих, наряду с этим в рассказе Абу-ль-Фиды практически отсутствуют какие-либо сведения о самих приморских пунктах и их связи с внутренними частями материка, что также является характерной чертой морской лоции. Наконец, для значительной части пути вдоль побережья (от Константинополя до Венеции) не приводятся географические координаты городов и других навигационных объектов, либо такого рода сведения фрагментарны (для городов Апеннинского полуострова).

Вместе с тем в описании Абу-ль-Фиды есть и существенные отличия от портоланов, а именно: приведение координат для многих навигационных объектов и отсутствие указаний на величину расстояния между портовыми городами. В этом плане описание европейского побережья Средиземного моря сильно отличается от сообщений о других его участках, к примеру Северной Африки [Коновалова И.Г., 2020а] или Сирии [Коновалова И.Г., 2020б].

Из-за сложной структуры своего сочинения информацию о береговой линии и портовых городах рассматриваемого региона Абу-ль-Фида поместил не только в рассказе об этом море во Введении к *Такуим ал-бульдан*, но и в других разделах Введения, посвященных описанию рек [Géographie ..., 1840, с. 48]

и гор [Géographie ..., 1840, с. 66–67], а также в основной части труда — в главах, повествующих о «северных областях земли» [Géographie ..., 1840, с. 198–201, 208–213, 218–221], Испании (аль-Андалус) [Géographie ..., 1840, с. 165–166, 172–185], Магрибе [Géographie ..., 1840, с. 122–126, 132–133, 136–137], а также островах Средиземного моря [Géographie ..., 1840, с. 188–195]. Однако эти сведения по своему составу и характеру сильно отличаются от той информации, которая содержится в рассказе о Средиземном море из Введения. Сообщения о городах, помещенные в этих разделах, содержат данные не столько о маршрутах плавания между приморскими пунктами (хотя и такого рода информация иногда встречается), сколько сведения о местоположении, экономическом состоянии и политической принадлежности того или иного города, о его связях с населенными пунктами внутренних областей материка и с близлежащими островами. Кроме того, в основной части сочинения Абу-ль-Фида нередко ссылается на источники своих сведений о портовых городах, а также приводит координаты последних, что дает возможность сопоставления этих цифровых данных с аналогичными сведениями из рассказа о Средиземном море во Введении (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Сводная таблица средиземноморских пунктов от Константинополя до Альхесираса, упомянутых во Введении (жирным шрифтом) и в основной части сочинения (курсивом) Абу-ль-Фиды

Наименование	Долгота	Широта	Источник
Константинополь	49°50′	45°	<i>Расм аль-ма'мур, Канун аль-Мас'уди, Китаб аль-атуаль, Ибн Са'ид</i>
Моря	45°52′	43°25′	<i>Ибн Са'ид</i>

Продолжение таблицы

Наименование	Долгота	Широта	Источник
Страна ал-Малфаджут			
Страна ал-Басилиса			
<i>Шибеник</i>	37°40′	45°	<i>Ибн Са'ид</i>
Венеция	32° 32° 36°	44° с не- большим 44° 46°	<i>Ибн Са'ид</i> <i>Китаб аль-атуаль</i>
Апулия			
Калабрия			
Рим	35°30′ 33° 35°20′ 35°30′	43°50′ 41°31′ 40°50′ 43° ⁵¹	<i>аль-Хорезми</i> <i>Ибн Са'ид</i> <i>Канун аль-Мас'уди</i>
<i>Устье р. Тибр (Румийа)</i>			
Тоскана			
Пиза	32°	46°26′	<i>Кийас</i>
Генуя	31° 31°03′	41°20′ 41°20′	<i>Ибн Са'ид</i>
Ломбардия	30° с неболь- шим 30°37′	43° с не- большим 43°50′	<i>Ибн Са'ид</i>

⁵¹ Координаты даны для р. Тибр в черте города [Géographie ..., 1840, с. 48].

Продолжение таблицы

Наименование	Долгота	Широта	Источник
<i>Марсель</i>	29°	43°	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>Нарбонна</i>	27°03'	43°20'	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>Порт-Вандр</i>	24° 19°30'	43° 42°10'	<i>Ибн Са'ид</i> <i>Расм аль-ма'мур</i>
<i>Кастельон де Ампуриес</i>	25°27'	43°	<i>Ибн Са'ид</i>
Барселона	24°30' 24°30'	42° 42°18'	<i>Ибн Са'ид</i>
Таррагона	28° 23°20'	43° 43°22'	<i>Ибн Са'ид</i>
Тортоса	22°30' 18°30'	40° 35°	<i>Ибн Са'ид</i> <i>Канун аль-Мас'уди</i>
Валенсия	20° 20°	38° 38°06'	<i>Ибн Са'ид</i>
Дения	19° 19°10'	39° с не- большим 39°06'	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>Альмерия</i>	14°40'	35°42'	<i>Кийас</i>
<i>Альмуньекар</i>			
Малага	16° 10°20' 10°30'	37° 34°08' 38°54'	<i>Канун аль-Мас'уди</i> <i>Ибн Са'ид</i>
Альхесирас	9° 9°	36° 35°50'	<i>Кийас</i>

Окончание таблицы

Наименование	Долгота	Широта	Источник
<i>о. Ивиса</i>	20°42′	38°04′	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>о. Мальорка</i>	24°07′	38°30′	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>о. Менорка</i>	24°52′	39°40′	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>о. Тариф</i>			
<i>о. Сардиния</i>	31° 31°12′ 42°08′	38° 38°04′ 36°	<i>Китаб аль-атуаль</i> <i>Ибн Са'ид</i> <i>Расм</i>
<i>Палермо</i> (<i>о. Сицилия</i>)	35° 35°	36°10′ 36°30′	<i>Китаб аль-атуаль</i> <i>Ибн Са'ид</i>
<i>Мессина (о. Сицилия)</i>	35°40′	38°15′	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>о. Самос</i>	42°40′	38°10′	<i>Китаб аль-атуаль</i>
<i>о. Крит</i>	45° 47°07′	46°30′ 40°30′	<i>Канун ал-Мас'уди</i> <i>Ибн Са'ид</i>
<i>о. Негропонт</i>	48°50′	42°55′	<i>Ибн Са'ид</i>
<i>о. Родос</i>	51°40′	36°	<i>Китаб аль-атуаль</i>
<i>о. Кипр</i>	57° 53°	35° 34°	<i>Китаб аль-атуаль</i> <i>Канун аль-Мас'уди</i>
<i>о. Мармара</i>			
<i>о. Хиос</i>			

Как видно из Таблицы 1, сведения из основной части сочинения Абу-ль-Фиды уточняют и расширяют информацию, содер-

жащуюся в рассказе о Средиземном море, сразу о нескольких участках его побережья.

Так, на западном побережье Балканского полуострова указан город Шибеник (*Сибинику*) [Géographie ..., 1840, с. 220–221]. В кратком описании реки Тибр (*Румийа*) упоминается о том, что она проходит через город Рим и затем неподалеку от него впадает в море [Géographie ..., 1840, с. 48]. Для побережья от итальянской Ломбардии до границ Испании дополнительно указаны три портовых города — Марсель (*Маршилийа*) [Géographie ..., 1840, с. 218–219], Нарбонна (*Арбуна*) [Géographie ..., 1840, с. 182–183] и Порт-Вандр (*Хайкаль аз-Зухара*) [Géographie ..., 1840, с. 66–67, 182–183], к северо-востоку от Барселоны помещен город Кастельон (*Кастилийун*) [Géographie ..., 1840, с. 184–185]⁵², на участке между Денией и Малагой назван город Альмерия (*Ал-Марийа*) [Géographie ..., 1840, с. 176–177], а к западу от последней — город Альмуньекар (*Ал-Мунаккаб*) [Géographie ..., 1840, с. 125].

Кроме того, в основной части сочинения Абу-ль-Фида приводит сведения о прилегающих к европейскому побережью островах Средиземного моря — Ивисе (*Йабиса*) [Géographie ..., 1840, с. 190–191], Кипре (*Кубрус*) [Géographie ..., 1840, с. 104–195], Крите (*Икритии*) [Géographie ..., 1840, с. 194–195], Мальорке (*Майурка*) [Géographie ..., 1840, с. 190–191], Мармара (*Мармара*) [Géographie ..., 1840, с. 34, 189], Менорке (*Минурка*) [Géographie ..., 1840, с. 190–191], Негропонте (*Ал-Накрибунт*) [Géographie ..., 1840, с. 194–195], Родосе (*Рудус*) [Géographie ..., 1840, с. 194–195], Самосе (*Шамус*) [Géographie ..., 1840, с. 192–193], Сардинии (*Сарданийа*) [Géographie ..., 1840, с. 190–191], Сицилии (*Сикилийа*) [Géographie ..., 1840, с. 192–193], Тарифе (*Тарифа*) [Géographie ..., 1840, с. 166, 188] и Хиосе (*Мустака*) [Géographie ..., 1840, с. 189].

⁵² По предположению Ж.Т. Рено, имеется в виду Кастельон де Ампуриас в Каталонии [Géographie ..., 1848, с. 262]. Абу-ль-Фида — со ссылкой на Ибн Са'ида — помещает Кастельон «к востоку от Барселоны», чему отвечают приводимые им координатные данные обоих городов (25°27' и 24°30' соответственно), а также называет город «пристанищем пиратов».

В рассказе об Ивисе Абу-ль-Фида со ссылками на Ибн Са'ида и ал-Идриси сообщает о маршрутах плавания от этого острова до Валенсии, Дении и Мальорки [Géographie ..., 1840, с. 191]. А в описании Менорки имеется — опять же со ссылкой на Ибн Са'ида — указание на расстояние в 50 миль, отделяющее этот остров от Мальорки [Géographie ..., 1840, с. 191].

В разделах о горах во Введении и о Магрибе в основной части сочинения содержится также дополнительная информация о морских маршрутах, которые связывали испанские и африканские портовые города, расположенные близ стратегически важного участка моря — Гибралтарского пролива (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Маршруты плавания и расстояния
между испанскими и африканскими портовыми городами

Города	Расстояние	Ссылка (Géographie ..., 1840)
Сеута vs Альхесирас		с. 66, 123, 133, 173
Бадис vs Малага	1 градус	с. 66
Альмаземма vs Альмуньекар	1 день плавания	с. 125
Арискул vs Альмерия	2 градуса	с. 123
Хунейн vs Альмерия		с. 137
Оран vs Альмерия		с. 124
Мостаганем vs Дения	3,5 дня плавания	с. 126
Беджая vs Тортоса	3 дня плавания	с. 137

В разделе, посвященном описанию Испании, имеется характеристика береговой линии Иберийского полуострова в целом, из которой становится ясным, что имел в виду Абу-ль-Фида под «восточным углом ал-Андалуса» в своем рассказе о Средиземном море. По словам географа, очертания полуострова напоминают треугольник, один из углов которого находится на юго-западе у острова Кадис, второй — на востоке, «между Таррагоной с северной стороны и Барселоной с южной стороны», а третий — на северо-западе, выступая в Окружающее море в месте, координаты которого составляют 10 с небольшим градусов долготы и 48 градусов широты [Géographie ..., 1840, с. 165].

При локализации «восточного угла» полуострова Абу-ль-Фида допускает здесь такую же неточность, что и в своем рассказе о Средиземном море, считая, что город Таррагона лежит к северу от Барселоны, хотя на самом деле он расположен к юго-западу от последней. Ошибка, скорее всего, была связана с тем, что Абу-ль-Фида располагал крайне незначительными сведениями о Таррагоне. В отличие от других испанских городов, охарактеризованных географом в посвященном описанию Испании разделе более или менее подробно, про Таррагону сказано лишь, что «она находится на границе пятого климата», «в ал-Андалусе» и является «пограничным портовым городом ал-Андалуса на северо-восточном побережье» [Géographie ..., 1840, с. 182–183]. Небольшое дополнение к этой информации помещено в рассказе о Пиренейских горах во Введении, где говорится, что Таррагона лежит на морском побережье у подножия Пиренеев [Géographie ..., 1840, с. 67]. Сопоставляя эти данные с упоминанием о Таррагоне в составе рассказа о Средиземном море как о городе, лежащем «близ Пиренейских гор на границе ал-Андалуса», можно утверждать, что Абу-ль-Фида путал ее с каким-то портовым городом, находившимся к северу от Барселоны, но неизвестным географу по имени. В таком случае объяснимы координаты по долготе в 28 градусов, которые Абу-ль-Фида приписывает Таррагоне в рассказе о Средиземном море. Они дей-

ствительно могут относиться только к населенному пункту, расположенному севернее Барселоны.

Что касается источников сведений о прибрежных городах и об островах, то, ссылки на них встречаются почти исключительно в основной части сочинения. Судя по многочисленным замечаниям самого Абу-ль-Фиды, географ при составлении описания использовал сообщения целого ряда исламских ученых X–XIII веков. Это прежде всего труды аль-Идриси и Ибн Са'ида аль-Магриби, а также труды по астрономической географии — основанные на арабских переработках Птолемея сочинение «Рисунок обитаемой земли» (*Расм аль-ма'мур мин аль-ард*) ал-Кинди (IX в.) и анонимная «Книга долгот» (*Китаб аль-атуаль*), «Мас'удовские таблицы по астрономии и звездам» (*Китаб ал-Канун ал-Мас'уди фи-ль-хай'а уа-н-нуджум*) аль-Бируни (XI в.).

Наряду с исламскими письменными источниками Абу-ль-Фиды привлекал и другие, в частности информацию, полученную от средиземноморских мореплавателей. К примеру, для большинства упомянутых им европейских портовых городов и средиземноморских островов географ приводит не только арабское наименование того или иного пункта, но и его латинский или греческий эквиваленты: для Альмерии [*Géographie ...*, 1840, с. 176–177], Барселоны [*Géographie ...*, 1840, с. 182–183], Дении [*Géographie ...*, 1840, с. 178–179], Кипра [*Géographie ...*, 1840, с. 104–195], Крита [*Géographie ...*, 1840, с. 194–195], Малаги [*Géographie ...*, 1840, с. 174–175], Марсея [*Géographie ...*, 1840, с. 218–219], Нарбонны [*Géographie ...*, 1840, с. 182–183], Палермо [*Géographie ...*, 1840, с. 192–193], Порты-Вандр [*Géographie ...*, 1840, с. 182–183], Родоса [*Géographie ...*, 1840, с. 194–195], Самоса [*Géographie ...*, 1840, с. 192–193], Таррагоны [*Géographie ...*, 1840, с. 182–183], Тортосы [*Géographie ...*, 1840, с. 180–181].

Как следует из Таблицы 1, на участке от Константинополя до Альхесираса Абу-ль-Фиды называет в общей сложности 41 топоним (считая острова), из которых в рассказе о Среди-

земном море во Введении к *Такуим аль-бульдан* упомянуты 19 и еще 22 фигурируют в основной части сочинения. Географические координаты приведены для большинства пунктов, за исключением пяти хоронимов, трех островов, а также города Альмуньекара.

Основным источником координатных данных для Абу-ль-Фиды было сочинение Ибн Са'ида: ссылки на этого автора даны при указании координат 26 городов и островов. Семь раз Абу-ль-Фида ссылается на *Китаб аль-атуаль*, четырежды — на *Канун ал-Мас'уди* и трижды — на *Расм аль-ма'мур*. При описании Рима даны ссылка в том числе на данные аль-Хорезми. Наряду с координатами, взятыми из книг, Абу-ль-Фида в трех случаях (для Пизы, Альмерии и Альхесираса) приводит координаты, вычисленные «по аналогии» (*кийас*), то есть путем пересчета в градусы расстояний, выраженных в единицах длины, считая по 22,2 или 18 и 8/9 фарсахов в одном градусе.

Собственный вклад Абу-ль-Фиды в определение координат географических объектов, которые он упоминает, трудно установить. Сам Абу-ль-Фида не был астрономом и заимствовал информацию о географических координатах из произведений других авторов. Не случайно в тех случаях, когда для одного объекта у него было несколько вариантов координат, взятых из различных сочинений, Абу-ль-Фида приводил их без каких-либо собственных комментариев. Так, для Венеции, Малаги и Рима, а также острова Сардинии приведены три варианта координат, для Альхесираса, Барселоны, Валенсии, Генуи, Дении, Кипра, Крита, Ломбардии, Палермо, Пизы, Порта-Вандр, Таррагоны и Тортосы — по два.

Судя по номенклатуре портовых городов европейской части Средиземноморья, указанных Абу-ль-Фидой как в составе рассказа о Средиземном море, так и в основной части сочинения, побережье Испании было известно географу куда лучше, чем побережье Апеннинского и в особенности Балканского полуострова. Объяснить это только недостатком информации

об этих регионах вряд ли можно. Дело в том, что Абу-ль-Фида был хорошо знаком с сочинением ал-Идриси, сообщения которого о городах Балканского и Апеннинского полуостровов очень подробны. Вероятно, следует принять во внимание то, что Испания была частью мусульманского мира и потому вызывала **большой** интерес у исламского автора и потенциальных читателей его сочинения. Кроме того, на сравнительно подробное описание в *Такуим аль-бульдан* испанского побережья не могло не повлиять и географическое положение Испании, средиземноморские города которой благодаря своей близости к Гибралтарскому проливу были тесным образом связаны с другим регионом исламского мира — Магрибом.

ЧАСТЬ IV

ЭКОНОМИКА

В.В. Тишин

ОПЫТ ВЫЯСНЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ ЦЕН НА ЛОШАДЕЙ И ШЕЛК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В VII–VIII вв.⁵³

Введение

Выяснение значения торговли как одного из внешних источников продукции для функционирования кочевнических обществ, как и вообще роли торговли в их взаимоотношениях с оседло-земледельческими народами входит в круг теоретических вопросов, важных для изучения механизмов политогенеза кочевников. Древнетюркская эпоха (середина VI — первая четверть X в.), отсчет которой начинается со становления Тюркской империи, отличается от предыдущих периодов истории кочевников евразийских степей значительным обилием и разнообразием источников. Совокупность материалов разного происхождения, типовой и видовой принадлежности позволяет сделать значительные наблюдения, касающиеся и торговли кочевников с их оседло-земледельческими соседями. Фактически именно со становления Тюркской империи, впервые осуществившей контроль над ключевыми торговыми магистралями, различные части центра и востока Евразии начинают наиболее тесно взаимодействовать друг с другом в этой сфере.

⁵³ Работа подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 20-09-00095 «Социально-политическая история Афганистана и Пенджаба: от середины I тыс. н. э. до начала монгольского вторжения».

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-09-00095 “Socio-Political History of Afghanistan and Punjab: From the Middle of the First Millennium A. D. to the Beginning of the Mongol invasion”.

Данная работа посвящена попытке выяснения соотношения и динамики цен на лошадей и шелк. Лошади предстают наиболее массовым товаром, поставляемым на рынок кочевниками и наиболее востребованным со стороны правивших в Китае династий, в особенности в период империи Тан (618–907). Шелк оказывался широко востребованным за пределами «Срединного государства».

Глава 1

Кочевники и торговля: основные дискуссии

Вопрос о роли внешних рынков для кочевнической экономики неоднозначен. Иногда утверждается, что кочевники нуждались, прежде всего, в приобретении продуктов земледельческого труда и другой продукции из этой среды, притом гораздо более, чем представители оседло-земледельческих культур нуждались в продукции скотоводства [Бартольд В.В., 1963а, с. 239; Бартольд В.В., 1963б, с. 297; Eberhard W., 1949, с. 53; Jagchid S., Symons V.J., 1989, с. 24]. Например, С.П. Поляков писал, что если принимать за основную пищу кочевников мясо, то, по подсчетам, кочевник с семьей должны съесть свое стадо за 3–4 года, следовательно, основной пищей должны рассматриваться молочные продукты и хлеб, который приобретаться, в свою очередь, мог только у земледельцев [Поляков С.П., 1980, с. 78]. Между тем кочевники, видимо, прекрасно осознавали значение скота как основного средства своего существования и стремились к максимальному расширению поголовья, численность которого всегда была нестабильной ввиду экологического фактора [Ямсков А.Н., 1991]⁵⁴. Последнее преодолевается кочевниками путем пере-

⁵⁴ Теоретически численность поголовья автоматически уравнивалась за счет экологического фактора. Как заключил И.М. Майский на материалах Монголии начала XX в., при учете убыли скота, употребляемого населением в пищу, а также использовавшегося в качестве предмета различных

дачи одними членами сообщества другим, обедневшим, части скота — безвозмездно или на условиях права доения и получения молодняка [Ямсков А.Н., 1991, с. 295]⁵⁵.

Рассуждая на основе данных по Средней Азии XIX в., С.П. Поляков указывал, что от внешней торговли зависели имевшиеся среди кочевников ремесленники, специализировавшиеся на обработке металла, т.к. это был единственный источник для приобретения сырья [Поляков С.П., 1980, с. 65]. Однако, по крайней мере, у восточных тюрков был под контролем свой источник металла, достаточно эффективно эксплуатируемый ими. Так, обнаруженные на Алтае металлоплавильные печи возводились недалеко от источников добычи сырья [Зиняков Н.М., 1988, с. 126; Агатова А.Р. и др., 2018, с. 97].

Как неоднократно указывалось исследователями, история, в общем-то, не знает изолированных «чистых» кочевников [Lattimore O., 1962, с. 146, 254–255; Boodberg P.A., 1979, с. 7–11; Марков Г.Е., 1976, с. 284]⁵⁶. Следовательно, следует изначально рассматривать кочевнические общества как характеризующиеся в целом самодостаточностью, проистекающей не из характера внутреннего производства, а из возможности компенсировать недостаток той или иной продукции за счет торгового обмена или реализации их военного потенциала. С известной долей условности можно говорить о комплексном хозяйстве, подразу-

фискальных и торговых операций, годовой естественный прирост скота был довольно незначительным, составляя в среднем 10% поголовья того или иного вида, и, по-видимому, вовсе нивелировался за счет эпизоотий [Майский И.М., 1959, с. 132–133].

⁵⁵ Упомянутая форма взаимоотношений, известная в науке как *саун*, является формой внутриобщинного распределения скота, в том числе не в последнюю очередь для поддержки ослабленных хозяйств (хотя, безусловно, потенциально способствовала складыванию отношений зависимости) [Дулов В.И., 1956, с. 234–236, 239–241; Зиманов С.З., 1958, с. 120–122; Вайнштейн С.И., 1972, с. 83–87; Першиц А.И., 1973; Масанов Н.Э., 1995, с. 194–195].

⁵⁶ Если только не рассматривать в качестве таковых группы, временно пребывающие в походном состоянии [Lattimore O., 1940, с. 513 сл.].

мевая занятия скотоводством у доминирующей части населения или, по меньшей мере, втянутость кочевников в те или иные формы взаимоотношений с населением, принадлежащим к другому хозяйственно-культурному типу, обеспечивающему тем самым необходимую недостающую продукцию.

В научной литературе высказывалось замечание, что значительно изменили подход кочевников к своему хозяйству именно товарно-денежные отношения, когда скот стал рассматриваться не только как средство существования, но и как потенциальный товар [Ямсков А.Н., 1991, с. 297]. Тем не менее любые контакты с оседло-земледельческими обществами, в тот или иной исторический период имевшие место более или менее постоянно, непременно сводились к торговым отношениям, и в данном случае не имеет большого значения, был ли это натуральный или денежный обмен. В то же время это замечание имеет некоторую продуктивность.

Соотношение тех или иных видов скота в стаде, помимо экологии, регулировалось необходимостью установить баланс между степенью богатства и военными нуждами. Как отмечал, в частности, О. Латтимор, если овцы наиболее всего использовались в качестве пищи, источника материала для одежды и жилища, а также топлива, верблюды служили транспортным средством, лошади более всего требовались для военных нужд, но “economically of minor importance” [Lattimore O., 1940, с. 517–518]. Теоретически, увеличение рыночного спроса на определенные виды скота, в сочетании с благоприятными природно-климатическими условиями, способствовало развитию тенденции к приросту поголовий, по крайней мере, определенных видов скота. Это могло бы относиться к лошадям⁵⁷. По мнению Д. Синора, зависимость общества

⁵⁷ Так, например, по подсчетам И.М. Майского, в 1913–1915 гг. ежегодно почти половина свободного крупного рогатого скота Монголии уходила в Россию, в 1916 г. — ушло все свободное поголовье, включая даже резерв, в 1917 г. — 4/5 свободного поголовья, также к началу второго десятилетия XX в. в Россию и цинский Китай ежегодно вывозилось до 2/3 свободного поголовья овец, в тот же Китай до 1911 г. ежегодно уходило около половины свободного поголовья лошадей [Майский И.М., 1959, с. 133–134]. По подсче-

от скота, а численности скота — от потенциала пастбищ, в условиях недиверсифицированности экономики обуславливает тот факт, что при создании централизованных политических объединений кочевники должны были во избежание перегруза пастбищ либо продавать излишки скота, либо ограничивать рост поголовья, либо активно использовать лошадей для военных нужд [Sinor D., 1972, с. 180]. Возможно, здесь несколько преуменьшено «уравновешивающее» значение экологического фактора для численности скота. С другой стороны, известно, что для самих кочевников численность табунов выступала предметом гордости, показателем материального достатка [Левшин А.И., 1996, с. 328; Жагварал Н., 1974, с. 99]. В подобном контексте табуны «без числа» (*sansiz*) упомянуты, например, в Суджинской надписи (С/Е-47, стк. 5).

В китайских источниках, в перечнях товаров и предметов «дани», полученных имперскими дворами от тюркских кочевников, фигурируют в первую очередь «продукты местного производства» (*фан-у*)⁵⁸, лошади, овцы, верблюды, крупный рогатый скот, ткани *Artemisia stelleriana*, рыбий клей, а также различные разовые экзотические предметы [Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 456; Ecsedy H., 1968, с. 144; Jagchid S., Symons V.J., 1989, с. 124–125]⁵⁹. Касательно

там В.И. Дулова для Тувы конца 80-х — 90-х гг. XIX в., тогда оттуда ежегодно вывозилось в Россию и Китай от 60.000 до 90.000 голов скота, что составляет примерно 10–15% всего поголовья, касательно крупного рогатого скота средняя цифра выглядит примерно в 10.000–20.000 голов, что составляет 10–20% поголовья [Дулов В.И., 1956, с. 337].

⁵⁸ Об этом термине см., напр.: [Материалы ..., 1980, с. 60, 168, комм. 91].

⁵⁹ Товары, поставляемые оседло-земледельческим народам от тюркских кочевников, в Средней Азии также были представлены продукцией скотоводческого хозяйства. Например, аль-Истахри пишет о значении торговли с тюрками для жителей Хорезма, Ибн Хаукаль, расхваливая разводимых тюрками овец, свидетельствует о том, что жители Туркестана и Хорезма высоко ценят поставляемые им шкуры [Материалы, 1939, с. 180, 181]. У аль-Мукаддаси среди товаров тюрков указаны лошади и мулы [Бартольд В.В., 1963б, с. 295]. Этот же автор, описывая Чач (ар. *Шаи*), среди перечня вывозимой продукции отмечает, что отсюда к тюркам вывозится хлопок, далее говорится, что от тюрков поставляются кожи, а уже здесь их дубят [История Киргизской ССР, 1984, с. 284].

товаров первой упомянутой категории возможно привести следующее упоминание у аль-Идриси: «Тюрки везут в Син действительно те предметы своего производства, которыми они располагают — шерсть, масло, соль, много оружия и доспех, как кольчуги, брони, щиты и копья, а также ткани и мускус» [Караев О., 1973, с. 53]. Взамен скотоводы ожидали получение шелка.

Инициатива торговли, в основном, исходила от кочевников.

Одна из точек зрения касательно заинтересованности кочевников в контактах с оседло-земледельческими обществами, в том числе торговле, исходит из того, что торговля между кочевниками и правившими в Китае династиями не имела для первых экономического значения на стадии создания сложной имперской организации. Среди главных задач их предводителей, чтобы сохранить единство подвластного им объединения, было налаживание стабильных международных отношений, отражавшихся именно в церемониальном обмене, будь то регулярная поставка подарков, с одной стороны, и выплата дани — с другой, либо обеспечение торгового обмена [Cuisenier J., 1971, с. 129–130; Cuisenier J., 1972, с. 935–936]. По мнению Т.Дж. Барфилда, заинтересованность кочевников в контактах с оседло-земледельческими обществами была вызвана желанием получения не продукции для потребления или дальнейшей торговли, а именно предметов роскоши (среди которых был в том числе шелк), необходимых для поддержания стабильного функционирования политической системы [Barfield T., 1992, с. 8–9; Барфилд Т.Дж., 2009, с. 44–45]. А.М. Хазанов, в общем-то, признает в равной степени значение как экономических, так и политических мотивов стремления номадов к торговле, отмечая, что в каждом частном случае они могли быть различны, хотя могли и тесно смыкаться [Khazanov A.M., 1994, с. 203–209; Хазанов А.М., 2002, с. 330–337].

Уже с первого столетия до н.э. шелк в Китае постепенно обрел функцию разменной единицы, в послеханьское время фактически превратившись в универсальную разменную валюту. Главная причина этого состояла в постоянном недостатке метал-

лов в Китае, почему монеты чеканились преимущественно из бронзы. Другая причина — сама нестабильность монетной системы в условиях одновременного существования ряда династий и их быстрой сменяемости. В основном, правительствами редко чеканились золотые или серебряные монеты, а их ценность подкреплялась лишь авторитетом того, кто их чеканил [Eberhard W., 1977, с. 15, 89, 118; Liu Xinru, 1988, с. 70; Peng Xinwei, 1994, с. 208–209]. Уже в ханьское время торговцы Средней Азии предпочитали в качестве средства обмена китайские шелка, а не монеты [Glahn R., 2016, с. 156] (см. еще: [Liu Xinru, 1996, с. 20]). В царствах Вэй (220–265) и Цзинь (265–420) была принята практика отказа от чеканки монет, шелк превратился в новый валютный стандарт. Такая ситуация сохранялась вплоть до раннетанских времен [Glahn R., 2016, с. 157–158, 187]⁶⁰.

Тюрки уже в 545 г. прибыли к пограничной крепости царства Западное Вэй для того, чтобы выменять «шелковые ткани и шелковую вату» (*ши цзэн-сюй*) и установить контакт (*тун*) [Цэнь Чжун-мянь, 19586, с. 499, 517; Ecsedy H., 1968, с. 133, 153, прим. 11]. К. Бэквис отмечает с самого начала появления тюрков на широкой политической арене их удивительное стремление к установлению торговых контактов. По его замечанию, тюрки, будучи изначально заинтересованы в развитии торговли на Шелковом пути, чтобы получать с нее прибыль, готовы были рисковать даже войной ради устранения препятствий для этого [Beckwith C.I., 1987, с. 178–180]. Такая логика хорошо объясняет удивительную последовательность в тюркской экспансии, повлекшую череду противостояний с *ту-юй-хунь*, эфталитами и, в конце концов, с империей Сасанидов.

Неясно, с какого точно времени⁶¹, но при Му-гань кагане (553–572) сянбэйское царство Северное Чжоу (т.е., естественно,

⁶⁰ О роли шелка в социальной и экономической жизни Китая и сопредельных территорий см. также: [La Vaissière É. de, 2005, с. 28–32, 175–176].

⁶¹ См. в особенности: [Ecsedy H., 1968, с. 134, 160, прим. 35; Thierry F., 2005, с. 200–201].

не ранее 557 г.), чтобы обезопасить себя, стало выплачивать тюркам 100.000 рулонов «отборного шелка» (*цзэн сюй-мянь цай*) ежегодно (*со*), а также хорошо относиться к более чем 1.000 тюркам, проживавшим в столице: они одевались в парчу (*цзинь*) и питались мясом [Цэнь Чжун-мянь, 1958б, с. 520]⁶². Названное количество шелка — огромно, и тюркам он был нужен, скорее всего, не для удовлетворения личных нужд, а для дальнейшей торговли [Ecsedy H., 1968, с. 141; Beckwith C.I., 1991, с. 184].

Как представляется, количественное доминирование находок шелковых тканей в погребениях тюркской археологической культуры и широкая сфера их применения⁶³ не позволяют считать шелк каким-либо абсолютно значимым предметом интересов тюрков⁶⁴ (хотя, безусловно, он рассматривался как предмет

⁶² Место касательно 100 тыс. рулонов шелка переводится исследователями по-разному. Например, у Лю Мао-цзя здесь представлено так, что речь идет о разных видах шелка: “100 000 Stück Seide (tseng), Florentseide (sü), Broket (kin) und bunte Seide (ts'ai)” [Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 13].

⁶³ Остатки шелковых одежд обнаружены в могильнике Кудыргэ как в женских (могилы 4, 10), так и в мужских погребениях (могилы 9, 11) [Гаврилова А.А., 1965, с. 38, прим. 11]. Значительные находки остатков шелковых одежд и других изделий из шелка встречаются в могилах на Алтае конца VII — начала VIII в., при том, что их наличие характерно не только для богатых погребений; меньшее число находок, представленных в особенности фрагментами гладких безузорных тканей, может быть отнесено к периоду IX–X вв. [Лубо-Лесниченко Е.И., 1994, с. 105; Кубарев Г.В., 2005, с. 27–29, 31, 138, 139; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013, с. 61–66]. На основе этих материалов исследователи отмечают широкое использование шелка номадами — как в качестве одежды, так и в качестве материалов для различных аксессуаров (пояса, сумки, покрывала для лошади), известных и в погребальной практике (саван?). Распространение употребления шелка здесь могло определяться рядом факторов — как социальными (демонстрация социального статуса), так и практическими соображениями (вероятно, ввиду гигиенических свойств материала) [Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013, с. 63–66].

⁶⁴ К. Бэквиз в особенности обращает внимание на получение среди прочих видов шелка необработанного, который, в сущности, был сырьем и никак не мог использоваться тюрками иначе, чем для торговли [Beckwith C.I., 1991, с. 184].

роскоши)⁶⁵, ради которого стоило бы отправляться в рискованные военные предприятия. Не объясняется целесообразность последних и значением шелка для каких-то процессов, связанных с политогенезом, поскольку политическое образование тюр-

⁶⁵ Из письменных источников нам известна подобная информация.

Шелком были оббиты шатры, в которых западно-тюркский каган принимал в 569 г. византийского посла: один из них был покрыт цветными шелковыми тканями (ἐξ υφασμάτων σηρικῶν τε, καὶ διατελοικιμένων τοῖς), другой — декорирован куском шелковой материи (ἡμφιεσμένη καὶ κατατελοικιμένη οὐκ ἄλλως ἐξ ἱματίων σηρικῶν) [The History ..., 1985, с. 120, 121].

Осенью 607 г. во время визита к тюркам, согласно ЦЧТЦ (цз. 180, с. 37а), суйский император подарил Ци-минь кагану 20.000.000 кусков (*дуань*) шелковых тканей (*бо*), а его подданных (*ся*) пожаловал так, что «каждый получил свою долю» (*гэ ю ча*) (ср.: [Taşağıl A., 2003, с. 167]). Здесь и далее пагинация китайских источников приводится по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» («Избранное из “Высочайше утвержденного полного собрания книг по четырем разделам”»).

Далее, уже во время празднества в шатре император одарил Ци-минь кагана и его китайскую супругу «одеждой, постельным бельем и вышитым шелком» (*и-фу бэй-жу цзинь-цай*) [Цэнь Чжун-мянь, 1958б, с. 515, 527, 980; Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 64] (ср.: [ЦЧТЦ, цз. 180, с. 39а–39б; Таşağıl A., 2003, с. 168]).

ДТДСЦФЧ упоминает, что Тон йабгу/джабгу (кит. Тун е/шэ-ху) каган был одет в зеленый шелковый халат (*люй лин пао*), его голова была обернута лентой из шелковой ткани длиной более чем 1 *чжан* (*и чжан суй бо льянь го е*), его телохранители также все были в изысканных шелковых одеждах (*цзинь-фу хэ-жэнь*) [Цэнь Чжун-мянь, 1958а, с. 6; Liu Xinru, 1996, с. 56].

Шелк (*qutaj*) и, видимо, парча (*eşgiti*) упоминаются в Хушо-Цайдамских надписях как продукт, добытый от «табгачей» (КТ, Хб, стк. 5 = БК, Хб, стк. 3–4; БК, Хб, стк. 11), но он никак не выделяется среди других предметов — ювелирного производства (золото, серебро, «драгоценности») или охотничье-скотоводческого быта (лошади, шкуры животных).

Курсул, когда попал в плен, по описанию ат-Табарӣ, «На нем были штаны из дибаджа, украшенного кругами, и плащ из фаринда, обшитый каймой из дибаджа» [Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Лившиц В.А., 1963, с. 115] (разрядка — авторов цит. текста), «на нем были сапоги из парчи, на которых были кольца, и плащ из фиринда, обложенный спереди парчой» [История ..., 1987, с. 267], “He was wearing brocade gaiters with rings of metal in them and a silk qabā’ hemmed with brocade” [The History of al-Ṭabarī, 1987, с. 26]. Здесь ар. *birind*, *firind* ‘damask’ < перс. (*parand* <) *pərind* id. < пехл. *pring* ‘figured silk’ < согд. *pr’yuk* id. [Henning W.B., 1945, с. 150–157].

ков возникло задолго до того, как эти номады могли бы приобщиться к культуре вымогательства. Однако это было неизбежно.

Памятники древнетюркской рунической письменности показывают, что и сами тюрки понимали нестабильность условий своей жизни. Характерно использование в памятниках слова *buñ*, контексты употребления которого и его производных рассмотрены впервые В. Томсеном, выведшим значение ‘Ende, Grenze’ [Thomsen V., 1916, с. 49–71]⁶⁶. В надписях отсутствие *buñ* ‘ограничений, нужды’ часто упоминается как показатель благополучия народа, связываемый с каганом (КТ, Хб, стк. 3 = БК, Хб, стк. 2; БК, Хб, стк. 14; Тон, II, Вост, стк. 7(57)). В другом месте отсутствие у народа *buñ* преподносится как следствие отправки караванов и как залог «вечного» существования эля, империи (КТ, Хб, стк. 8 = БК, Хб, стк. 6). Слово *buñsuz* ‘без ограничений, в достатке’ употребляется при описании поставок различной продукции от соседних народов (КТ, Хб, стк. 5 = БК, Хб, стк. 4; Тон, II, Южн, стк. 4(48)) и добычи кагана (БК, Хб, стк. 12). В одном контексте слово *buñsuz* выступает как характеристика состояния кочевания карлуков до того, как они решили выступить против тюрков (БК, X, стк. 29), и здесь может быть понято как «безгранично» (*grenzenlos*) [Thomsen V., 1916, с. 62–64] или «свободно». В нескольких енисейских надписях фраза *buñut joq* ‘ограничений (моих)...’ или ‘нужды (моей) нет’ завершает перечень движимого имущества (Е 10, стк. 10; Е 46, стк. 4). В памятнике Очуры (Е 26, стк. 6, 7) *buñsiz* употреблено в отношении скота (табунов) и, видимо, монет. В других текстах *buñusuz* (такая орфографическая форма) характеризует состояние человека — пребывание в беззаботности, возможно, в имущественном плане (Е 6, стк. 3; Е 7, стк. 2). Иными словами, понимание отсутствия «нужды», «недостатка», «заботы» (отсюда — «печали»)⁶⁷, с первичной семантикой

⁶⁶ Обычно переводится как ‘печаль, скорбь, страдание, тягость, забота’ [Древнетюркский словарь, 1968, с. 124], “grief, sorrow, melancholy”, and the like” [Clauson G., 1972, с. 347].

⁶⁷ Ср. глагол *buñad-* ‘быть озабоченным’ [Древнетюркский словарь, 1968, с. 124; Clauson G., 1972, с. 350] в контексте, где речь идет о состоянии кагана,

«нахождения в состоянии ограничения», связывается во многих контекстах с материальным достатком и, как вытекает из надписей тюрков, с материальными ценностями, в том числе полученными за счет того, что «дают» (*ber-/bir-*) или «приносят» (*kälür-*), либо что получено от торговли, либо что «приобретают» (*qazyan-*), благодаря кагану.

Пониманию экспансионистских стремлений номадов, желавших обеспечить неиссякаемый поток разнообразной продукции, может способствовать следующее наблюдение В.И. Дулова: «Тувинские бая занимались скотоводством, но не пренебрегали и другими видами хозяйства. Так, не заводя за редкими исключениями своей пашни, они получали хлеб от аратов, которых заставляли работать на себя; они снабжали этих аратов семенами, рабочим скотом, разрешали им пользоваться арыками. Араты засевали для бая определенное количество земли, которая, как уже говорилось, называлась “ноян тарааза” (барская или нойонская запашка), или обязаны были сдавать положенное количество хлеба, независимо от того, сколько сеяли его сами.

Предметы пушного промысла доставлялись бая его собственными охотниками, а также теми малообеспеченными аратами-охотниками, которых он снабжал оружием, лошадью, провиантом, а они должны были за это отдавать феодалу львиную долю своей добычи.

Наконец, нойон располагал и своими ремесленниками.

При такой постановке хозяйство бая, не в пример хозяйству непосредственного производителя, было более разнообразным, оно было построено таким образом, что обнимало почти все отрасли тогдашней тувинской экономики и доставляло почти все необходимое для непосредственного потребления феодала и его челяди. Хозяйство бая было натуральное, потребительское, так как оно могло обходиться и обходилось без рынка» [Дулов В.И., 1956, с. 194–195].

правда, когда он принимал решение касательно военной логистики (Тон, I, Сев, стк. 2(26)).

Описанное в этой пространной цитате хозяйство выдает своего рода микроуровневую проекцию модели, которая лежит и в основе отношений с другими народами. Это вполне объясняется естественным стремлением к комфорту, в условиях сложности кочевнического быта. Следовательно, любые возможности обретения такого состояния могли быть использованы номадами, при этом война не всегда была предпочтительным способом.

Глава 2

Торговый обмен в отношениях династий Китая и кочевников древнетюркской эпохи

Потребность правивших в Китае династий в скотоводческой продукции оценивается исследователями по-разному. Ю.А. Зуев приводит данные, согласно которым поголовье скота в Танской империи с 713 по 726 г. выросло почти в два раза (лошадей — с 240.000 до 430.000, быков — с 35.000 до 50.000, баранов — с 112.000 до 286.000). В этом, по мнению исследователя, не последнюю роль сыграла торговля с тюрками [Зуев Ю.А., 1960, с. 95]. И. Эчеди полагала, что скота, в общем-то, всегда было достаточно в самом Китае [Ecsedy H., 1968, с. 144]. Ввиду общей самодостаточности оседло-земледельческих обществ считается, что с их стороны торговля с кочевниками была в большей степени не экономически обусловленной мерой, а одним из механизмов дипломатического влияния на них [Ecsedy H., 1968, с. 141–146; Jagchid S., Symons V.J., 1989, с. 13–16]⁶⁸. При этом позицию И. Эчеди в том, что торговля с номадами имела для династий Китая лишь значение политического инструмента, оспаривает Т. Хаяси, акцентирующий внимание на потребно-

⁶⁸ С точки зрения китайских династий, торговля с номадами, как и другими «варварами», была вовсе делом недостойным [Ecsedy H., 1968, с. 142–143].

сти китайских династий в лошадях [Hayashi T., 1990, с. 157–160]. Согласно Д. Синору, оседло-земледельческие соседи были заинтересованы в лошадях, чтобы использовать их в военных целях, и это прекрасно осознавалось самими кочевниками [Sinor D., 1972, с. 178–179]. Дж.К. Скэфф показывает, что империя Тан была заинтересована в приобретении лошадей в определенные отрезки времени и в ограниченном количестве: в какие-то периоды они были нужны для военных нужд, особенно, когда империя не обладала территориями, выгодными для скотоводства, в какие-то периоды обмен с номадами имел дипломатическое значение (обеспечение мира на границе), когда двор был готов идти даже на уступки в цене, при этом нужное поголовье лошадей ограничивалось проблемами логистики и организации их содержания [Skaff J.K., 2012, с. 267–270]. Вероятно, здесь также необходимо исходить из конкретно-исторического контекста⁶⁹.

Торговля с кочевниками в империях Китая строго контролировалась центральной властью⁷⁰. Особую роль здесь играли пограничные пункты торговли, открытие которых регулировалось правительством. Они создавались, однако, как считается, не столько с целью торговли, а с целью демонстрации «варварам» могущества, роскоши и преимуществ «Срединного государства». Подобным примером служит открытая в 610 г. ярмарка в Фэн-ду (пров. Ло-ян) [Ecsedy H., 1968, с. 143–144, 172, прим. 80]. Сами же «варвары», судя по всему, имели собственные интересы пребывания на подобных пунктах. Так, в начале сентября 615 г. суйский чиновник Пэй Цзюй попытался вступить в контакт с под-

⁶⁹ Может быть подобный случай демонстрирует пример, касающийся овец. В 626 г. Се-ли каган предложил танскому императору вместе с огромным табуном 10.000 овец, этот дар был отвергнут, как считает Э. Шефер, отнюдь не по политическим соображениям, а потому что китайцы не нуждались в овцах [Schafer E.H., 1963, с. 75; Шефер Э., 1981, с. 110].

⁷⁰ Есть данные, что в 607 г., пребывая в Юй-линь, суйский император Ян-ди запретил прямую торговлю с тюрками, поскольку даже наказал одного чиновника за нарушение этого предписания [Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 121, 454; Ecsedy H., 1968, с. 146]. См. также: [Hayashi T., 1990, с. 159–160].

данным Ши-би кагана согдийцем Ши Шу-ху-си (скорее, чем Ши-шу Ху-си)⁷¹, которому было сообщено, что у г. Ма-и император устраивает демонстрацию различных драгоценных изделий (*чжэнь-у*), которые они могли бы получить в обмен на свои товары, и кто прибудет первым, имеет возможность получить лучшее. Тем самым удалось убедить согдийца, скрывшего эту новость от кагана, отвести подвластных ему людей и прибыть в названное место. Однако, последовав этому, он «пришел со своим племенем» (*лин бу-ло цзоу-лай*) и пригнал с собой свой скот (*лю-чу*)⁷², в итоге они все попали в засаду и были убиты китайскими войсками. Кагану же эта новость была преподнесена так, будто согдиец решил выйти из-под его власти [Цзэнь Чжунмянь, 1958б, с. 97; Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 87–88; Таşağıl А., 2003, с. 64, 172; Ecsedy I., 1985–1988, с. 94, прим. 95; Hayashi T., 1990, с. 141, 155–156, прим. 7]. По мнению же И. Эчеди, каган знал об этом действии своего подданного, но не в его компетенции было препятствовать торговым акциям подвластных племен [Ecsedy I., 1985–1988, с. 98]⁷³. Вполне вероятно, что здесь речь идет о существовавших широких полномочиях у представителей именно согдийского населения⁷⁴, чья роль в социально-экономической жизни сообществ древнетюркского круга известна (см.: [La Vaissière É. de, 2005, с. 197–258]).

И все же именно в компетенцию кагана входило ведение переговоров о торговле. Нам известны просьбы собственно каганов об открытии пограничных рынков от восточно-тюркских кага-

⁷¹ Фамилия говорит о том, что он был выходцем из Кеша (см., напр.: [Hayashi T., 1990, с. 141, 155–156, прим. 8]).

⁷² О термине *лю-чу*, букв. ‘шесть видов животных’, но контекстуально обозначающее вообще всю домашнюю живность, см., напр.: [Материалы..., 1980, с. 99, 211, комм. 275].

⁷³ Т. Хаяси считает, что *бу-ло* нужно переводить как ‘colony’.

⁷⁴ Возможно, к этой категории вопросов о понятии права на торговлю у кочевников относится и случай, когда сами тюрки впервые попытались вступить в торговые контакты с царством Западное Вэй, будучи при этом подданными *жоу-жань*.

нов в 593, 625, 727 гг. [Bielenstein Н., 2005, с. 376, 383–384, 395]. Уйгурские каганы просили об открытии пограничных рынков ежегодно в период 758–760 гг. [Bielenstein Н., 2005, с. 423]. В 727 г. был организован торговый пункт (*ху ши*) в пограничной крепости Западный Шоу-сян-чэн [Лубо-Лесниченко Е.И., 1994, с. 261–262]. Поводом стал полученный императором от Бильге кагана дар в 30 лошадей. Каждый год сюда поставлялись шелк и другие товары, а кочевники приводили своих лошадей [Schafer Е.Н., 1963, с. 65; Шефер Э., 1981, с. 95–96; Jagchid S., Symons V.J., 1989, с. 42–43].

Именно в лошадях правившие на территории Китая династии могли испытывать наибольшую нужду. Особое значение лошади приобрели в танское время. Танское правительство, когда династия только пришла к власти, обладало парком в 5.000 лошадей, из которых 3.000 достались от династии Суй, 2.000 были захвачены у тюрков [Schafer Е.Н., 1963, с. 58; Шефер Э., 1981, с. 87; Skaff J.K., 2012, с. 260]. Считается, что в это время лошади стали неотъемлемой составляющей различных посольств к танскому двору с «данью» (как рассматривали привозимые дары китайские летописцы) и предметом торгова⁷⁵.

По ЦТГЦ (цз. 212, с. 15а), в начале 721 г., когда тюркский Бильге каган отправил к танскому двору посольство с предложением заключения мира, император, хотя и уклонился от этого, в ответном письме признал, что некогда обе стороны имели взаимную выгоду от торговли, — танская сторона покупала лоша-

⁷⁵ В китайских источниках упоминаются посольства к танскому двору от восточных тюрков с лошадьми в 626, 628, 704, 717, 727, 731–732 гг. [Schafer Е.Н., 1963, с. 63, 296, прим. 56; Шефер Э., 1981, с. 94, 291, прим. 56]; западные тюрки присылали лошадей в 622, 627, 635 гг., *те-лэ* в 642 г., *се-янь-то* в 642 г., тюр-геши — в 717, 726, 744 гг., *чу-ми* — в 721 г., *токуз огузы* — в 747, 748 гг. [Schafer Е.Н., 1963, с. 64, 296, прим. 65; Шефер Э., 1981, с. 95, 391, прим. 65]; уйгуры присылали посольства с лошадьми в 817, 827, 836, 837 гг. [Schafer Е.Н., 1963, с. 64, 296, прим. 77; Шефер Э., 1981, с. 95, прим. 77]; об аналогичных посольствах с лошадьми кыркызов есть данные на 676, 724–725, 747–748 гг. [Schafer Е.Н., 1963, с. 64, 296, прим. 64; Шефер Э., 1981, с. 95, 391, прим. 64].

дей и овец, тюрки — шелк (*цзэн-бо*) (ср.: [Зуев Ю.А., 1960, с. 95; Beckwith C.I., 1987, с. 92–93; Jagchid S., Symons V.J., 1989, с. 42; Hayashi T., 1990, с. 158]). Основной расчетной единицей со стороны правивших на территории Китая династий может считаться рулон (букв. «отрез») шелка — *пи*⁷⁶. Согласно данным В.М. Рыбакова, в танское время как единица стоимости 1 *пи* шелка равнялся 40 *чи* (= 1.244 см) в длину и 1,8 *чи* (= 55,98 см) в ширину [Уголовные установления ..., 1999, с. 66]⁷⁷.

В китайских письменных источниках упоминаются следующие категории шелка: ‘очень тонкий (очищенный) шелк’ (*лин*), ‘тюль, тонкий шелк’ (*ло*), ‘необработанный шелк полотняного переплетения’ (*цзюань*), ‘конопляная ткань’ (*бу*), ‘шелк-сырец’ (*сы*), ‘вата’ (*мянь*), ‘толстый шелк’ (*цзянь*). Эти группы, как и различные виды ткани, как предполагалось, не были связаны определенной ценой [Peng Xinwei, 1994, с. 271]. В документах из турфанских гробниц встречаются другие термины для обозначения шелка, в частности, ‘простой (неокрашенный) шелк, сотканный из полос’ (*бо*), ‘дегуммированный шелк’ (*лянь*), отличающийся размерами полотна в зависимости от станка, ‘вата’ (*мянь*) и др., в том числе многочисленные виды окрашенного шелка [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 38–40; Feng Zhao, Le Wang, 2013, с. 349–382; Sheng A., 2013, с. 181, 184]. Функцию предмета осуществления фискальных операций в Танской импе-

⁷⁶ О семантике слова *пи* см.: [Ecsedy H., 1972, с. 138, 170–171, прим. 72].

⁷⁷ По данным А.А. Бокщанина, длина одного *чи* в 581–602 гг. равнялась 29,51 см, в 603–618 гг. — 23,55 см [Материалы ..., 1980, с. 62, 134, комм. 148, с. 101, 213, комм. 314]. Следуя расчетам, для первого из отмеченных периодов 1 *пи* равнялся 1180,4 см, для второго — 942 см. У Э. Тромбера и Э. де Ла Вэссера 1 *пи* имеет размеры 12,40 × 0,56 м [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 10]. Пэн Синь-вэй пишет лишь о том, что 1 *пи*, вероятно, равнялся 4 *чжан* в длину [Peng Xinwei, 1994, с. 274]. По К. Виттфогелю и Фэн Цзя-шэну, 1 *пи* = 12,44 м, 1 *чжан* = 3,11 м, т.е. 1 *пи* = 4 *чжан* [Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng, 1949, с. 609]. По данным А.А. Бокщанина, в период династии Суй длина 1 *чжан* была следующей: в 581–602 гг. 2,951 м, в 603–618 гг. 2,355 м [Материалы, 1980, с. 102, 214, комм. 322]. А. Шэнг называет размеры 1 *пи* примерно в 12 м на 50–5 см [Sheng A., 2013, с. 191].

рии выполнял *необработанный шелк полотняного переплетения (цзюань)* [Peng Xinwei, 1994, с. 271, прим. 2; Sheng A., 2013, с. 184, 194]. Между тем в текстах, касающихся взаимоотношений с номадами, не всегда ясно, о каком виде шелка идет речь.

Следует принять во внимание, что потребность в лошадях со стороны танского двора не была постоянной. Торговля лошадьми является предметом нескольких писем императора Сюань-цзун восточно-тюркскому И-жань кагану. В одном из них (ок. 735 г.) император объясняет, что не следует привозить слишком много лошадей и делать это нужно лишь раз в год. В другом письме (ок. 735 г.) он говорит, что при Бильге кагане тюрки поставляли 3.000 или 4.000 лошадей в год, а в этот раз ему привезли лошадей больше и не только тюрки, всего получилось 14.000 лошадей, за которые он в итоге должен отдать 500.000 рулонов шелка, что очень много. В третьем письме ок. 736 г. император обсуждает, видимо, выдвинутую ему претензию, почему два года назад он возвратил 1 или 2 из 10 лошадей, поставленных ему тюрками в обмен на шелк, но, по словам императора, их и без того было слишком много и качества они были недостаточного (старые, слабые, больные) [Цэнь Чжун-мянь, 19586, с. 450–452; Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 378–381; т. II, с. 731, комм. 1859–1863].

Стремление тюрков предложить танскому правительству как можно большее количество лошадей объясняется желанием получения большего количества шелка.

Когда в 607 г. Ци-минь каган со своей китайской женой предстал перед суйским императором в его походном дворце, предоставив ему 3.000 (в ТД — 2.500) лошадей, в ответ кагану было даровано 12.000 (в БШ: 13.000) кусков (*дуань*) шелка (?; в источнике — просто у) [Цэнь Чжун-мянь, 19586, с. 514, 526, 532, 580, 979; Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 61; Таһағұл А., 2003, с. 101; Bielenstein H., 2005, с. 377–378]. Высказывалось мнение, что в этих цифрах можно уловить примерное соотношение расценок [Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 455; Dobrovits M., 2005, с. 19]. В дан-

ном случае это было бы 4 куска шелка за 1 лошадь. Однако чаще всего в качестве единицы измерения количества шелка фигурирует не «кусок» (*дуань*) шелка, а именно «рулон» (*ни*)⁷⁸. Размеры такой единицы, как *дуань* ‘кусок’, не установлены [Peng Xinwei, 1994, с. 274]⁷⁹.

В своде танского уголовного законодательства *Тан люй шу и*, оформившегося к 653 г. (см.: [Уголовные установления..., 1999, с. 32]), есть статья, упоминающая о стоимости лошади в 15 рулонов (*ни*) *необработанного шелка (цзюань)*. Согласно другой статье, штраф за убийство быком семьи А лошади семьи Б оценивается в 10 рулонов (*ни*) *необработанного шелка (цзюань)* [Peng Xinwei, 1994, с. 271, прим. 2]. Встречаются упоминания на цену лошадей в 5 и 10 рулонов (*ни*) [Уголовные установления ..., 1999, с. 255].

Хаяси Тосио приводит сообщение ЦЧТЦ (цз. 212), согласно которому в спокойный период взаимоотношений со степью в 626–649 гг. поголовье лошадей в Танской империи выросло до 700.000 голов, что привело к установлению уже к 664–665 гг. ценового эквивалента одной лошади одному рулону шелка [Hayashi T., 1990, с. 159]. Документ из Турфана 64.ТАМ.4, из могилы Цзо Чун-си, умершего в 673 г., упоминает покупку за 2 рулона *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* лошади, а за 1 рулон — овцы [Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 291, 298, 299].

⁷⁸ Только шелк-сырец (*сы*), т.е. нить, по-видимому, измерялся по весу [Skaff J.K., 1998, с. 91, 93].

⁷⁹ А.А. Бокщанин касательно *дуань* отсылает к сведениям о Северном Вэй [Материалы, 1980, с. 101, 213, комм. 318], где 1 *дуань* равняется 60 *чи*, т.е. будучи в 1,5 раза длиннее 1 *ни* [Материалы, 1980, с. 62, 172, комм. 145], о чем см. выше. Однако есть свидетельство, что в 541 г. в Северном Ци длина 1 *дуань* была уменьшена до 40 *чи*, т.е. приравнена к 1 *ни* [Материалы, 1980, с. 77, 187, комм. 375]. Если следовать этому факту, то цену одной лошади можно было бы рассматривать в 4 *дуань*, т.е. 6 *ни*; если же его игнорировать, то так и получается, за 1 лошадь дают 4 *дуань* = 4 *ни*. А. Шэнг, отмечая, что эта единица использовалась для измерения хлопковой одежды, указывает длину в 6 *чжан*, равную 18,7 м [Sheng A., 2013, с. 191].

Как уже упоминалось, в 735 г. танский император Сюань-цзун писал восточно-тюркскому кагану, что за 14.000 лошадей он должен отдать 500.000 рулонов шелка [Цэнь Чжун-мянь, 1958б, с. 451; Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 379], почему получается примерно 35–36 рулонов за 1 лошадь. Но это, по танским оценкам, много.

В 754 г. количество лошадей в Танской империи насчитывало 325.709 голов [Sinor D., 2000, с. 200, прим. 3; Skaff J.K., 2012, с. 261, табл. 8.3]. Уйгуры в 758–760 гг. продавали ей лошадей, получая за 100.000 голов⁸⁰ более 1.000.000 рулонов *толстого шелка (цзянь)*, т.е. 1 лошадь приравнивалась более чем к 10 рулонам такого шелка (ср.: [Liu Mau-Tsai, 1958, т. I, с. 455]); на 773 г. уже есть информация, что за 1 лошадь уйгуры берут 40 рулонов *необработанного шелка (цзюань)*, по ЦТШ (цз. 195) и ЦТЦ (цз. 224), или же *толстого шелка (цзянь)*, если следовать СТШ (цз. 217а). Еще в эру правления *кай-юань* (713–741) танское правительство договорилось также с тюркешами, а в 787 г. подобного соглашения удалось добиться с уйгурами, о том, что в год с их стороны должно поставляться Танской империи не более 1.000 лошадей⁸¹. В 790 г. Танская империя покупает у уйгуров лошадей, отдав 300.000 рулонов *необработанного шелка (цзюань)*, в 792 г. — 70.000 рулонов такого же шелка (ЦТШ, цз. 195)⁸²; где-то после этого момента уйгуры, вовлечен-

⁸⁰ Эта цифра, известная по ЦТШ, может быть ошибочной вместо 10.000 [Sinor D., 2000, с. 200].

⁸¹ В то же время танские чиновники хорошо понимали, что враждебные отношения с уйгурами сулят трудности в получении лошадей [Beckwith C., 1987, с. 151–152, прим. 48].

⁸² Ю.А. Зуев, ссылаясь на ТХЯ (цз. 72, с. 20а, 21а) отмечает, что «в начале IX в., когда в результате джутов и набегов кочевников все конные заводы на северной границе были ликвидированы и армия оказалась без лошадей, за каждую лошадь платили 40–50 кусков шелка. В благоприятные годы эквивалентной стоимостью одной лошади было 15–20 кусков шелка» [Зуев Ю.А., 1960, с. 95], но в источнике в первом случае там говорится про 772 г., когда уйгуры за 1 лошадь требовали 40 рулонов шелка, во втором — про 795 г., когда уйгуры за неуказанное количество лошадей требовали 60.000 шелка (*цзюань* 絹).

ные в войну с тибетцами, мало торгуют лошаадьми, но ок. 807 г. 6.500 лошадей было продано за 250.000 рулонов шелка⁸³; уже в 815/816 г. за неясное количество лошадей было заплачено 197.000 рулонов, в 816/817 г. — 85.000 рулонов *необработанного шелка (цзюань)* (ЦФЮГ, цз. 999); в 821 г. было куплено 20.000 лошадей, в 822 г. неизвестно — за 120.000 (ЦТШ, цз. 195) или 200.000 (ЦФЮГ, цз. 999) рулонов *необработанного шелка (цзюань)*; где-то между 827 и 829 гг. за лошадей было заплачено 430.000 или 500.000 рулонов (по ЦТШ, 200.000 в 827 г. и 230.000 в 829 г.; по ЦФЮГ, 260.000 в 31.03–29.04.827 и 200.000 в 28.06–27.07.827; по СТШ, 500.000 в целом; ЦЧТЦ (цз. 244) упоминает в 830 г. продажу 10.000 лошадей) (сводка сведений и обсуждение в кн.: [Thierry F., 2005, с. 203–205, прим. 40–45])⁸⁴.

Попытки выявить соотношение стоимости лошади и рулона шелка определенного вида вне временной динамики едва ли будут иметь успех⁸⁵, поскольку колебание расценок зависело не только от спроса на шелк, выражавшего амбиции кочевых предводителей, но и возможностей Танской империи его удов-

⁸³ В письме уйгурскому кагану от императора, написанном за последнего чиновником и известным поэтом Бо Цзюй-и и относящемся, видимо, к 807 г., упоминается о неотмеченном другими источниками посольстве, когда уйгурский Да-лань *цзян-цзюнь* привел 6.500 лошадей, желая получить за них 250.000 рулонов тонкого шелка (*цзюань*), что император счел невыгодным и обременительным для двора [Chavannes É., Pelliot P., 1913, с. 277, прим. 1; Beckwith C.I., 1991, с. 187; Камалов А.К., 2000, с. 21]. Предложенные цифры предполагали цену примерно в 38,5 рулона за лошадь. В стихотворении Бо Цзюй-и «Инь-шань дао» («Дорога через Инь-шань») косвенно сообщается, что при обмене с уйгурами соотношение стоимости лошади и рулона (толстого) шелка (*цзянь*) было 1 : 50. В доступном нам варианте текста: *у-ши ти цзянь и пи* [Бо ши чжан-цин цзи, т. 2, с. 29а]. У Лю Мао-цай 1 : 40 [Liu Mau-Tsai, т. I, с. 455–456]. В переводе А.К. Камалова — 50 лошадей [Камалов А.К., 2000, с. 20]. Ср.: [Beckwith C.I., 1991, с. 188, прим. 15].

⁸⁴ О выплатах после 790 г. см. также: [Chen Ching-Lung, 1981, с. 44].

⁸⁵ В цит. выше рецензии Ф. Тьерри критикует также положения влиятельной статьи К. Бэквиса [Beckwith C.I., 1991]. К. Бэквис, обосновывая нормальную цену за лошадь для уйгурского периода, измеряет ее просто в “38 pieces of silk” [Beckwith C.I., 1991, с. 187, 192], не касаясь вопроса о виде шелка.

летворить. Последнее тесно связано с изменением экономической ситуации внутри самой Танской империи.

Глава 3

Ранние свидетельства о ценах на шелк

В представлении о ценах на шелк в период становления Тюркской империи мы можем оперировать только свидетельствами разных эпох. Как известно, в 568 или 569 гг. тюрки прислали посольство к византийскому двору с предложением покупать у них шелк [The History of Menander, 1985, с. 110–117]. Хотя, судя по всему, в самой Византии на тот момент уже была известна технология изготовления шелка⁸⁶, учитывая его роль во внутренней жизни империи, импорт не прекращался [Oikonomidès N., 1986, с. 34].

В Византии в правление Юстиниана I (527–565) или кого-то из его преемников существовала внутренняя максимальная цена за 1 фунт (λίτρα) шелка-сырца в 15 номисм (что, следовательно, не меньше закупочной цены) [Oikonomidès N., 1986, с. 34, прим. 6, с. 35, прим. 11] (см. еще обсуждение в кн.: [Muthesius A., 1993, с. 24; Muthesius A., 2002, с. 151]). Экспорт золота был тогда запрещен в империи, потому, следуя Н. Ойкономидесу, здесь нужно предполагать ценовой эквивалент в деньгах для обменного товара. Византийский фунт равен 327,60 г, при весе золотого солида (номисмы) 4,55 г (1 фунт = 72 солида) [Entwistle C., 2002, с. 611 сл.]. Для более ранних времен это неизвестно, но уже для начала VII в., как считается, можно принимать, соотношение стоимости золота и серебра в Византийской империи 1 : 14,4 (см.: [Morrison C., 2002, с. 928]).

⁸⁶ См. обсуждение сведений Прокопия Кесарийского и Феофана Византийца см.: [Muthesius A., 1993, с. 19–23].

С введением комплексного налога в империи Тан для шелковой ваты (*мянью*) была введена специальная единица измерения *тунь*, составлявшая 6 *лян* [Liu Xinru, 1996, с. 62, прим. 209; Twitchett D.C., 1970, с. 140; Xu Chang, 2013, с. 227]⁸⁷. При 1 *лян* в танское время, по разным данным, 37,3 г [Peng Xinwei, 1994, с. 281, 285, прим. 18; Wittfogel К.А., Fêng Chia-shêng, 1949, с. 609], либо 41 или 42 г [Trombert Ё., La Vaissière Ё. de, 2007, с. 10], соответственно, 1 *тунь* был бы 223,8 г или 246–252 г. Танское фискальное законодательство, предусматривавшее варьирование предмета выплат в составе общего комплексного налога, приравнивало 1 *лян* шелковой ваты (*мянью*) к 4 *чи* (= 124,4 см) *необработанного шелка (цзюань)* [Xu Chang, 2013, с. 232].

Этот факт может иметь вспомогательное значение для расчетов цен на шелк в более ранние периоды. Приходится иметь в виду разницу в мерах веса и длины в разные, даже сопредельные периоды истории Китая⁸⁸. Основываясь на ряде безусловных допущений, можно предложить следующий подсчет. Если допустить, что стоимость отреза шелка-сырца в 4 *чи* равнялась 1 *лян* ваты, и перенести эти данные на период 568–569 гг., выйдет примерно следующее⁸⁹: по стандарту Северного Вэй

⁸⁷ Слово *лян* иногда переводят как «унция». Начиная с эпохи Южных и Северных династий (420–589), эта мера использовалась как основная единица измерения веса [Peng Xinwei, 1994, с. 203, прим. 6].

⁸⁸ В Северной Вэй один кусок 1 *пи* шелка составлял в ширину 2 *чи* 2 *цунь* и в длину 40 *чи*, при 60 *чи* = 1 *дуань* [Peng Xinwei, 1994, с. 211; Материалы, 1980, с. 62, 172, комм. 145]. В 1 *чи* было 10 *цунь* 寸 [Материалы, 1980, с. 61, 169, комм. 113, с. 92, 203, комм. 151]. Размер 1 *чи* варьировался в рассматриваемую эпоху: в 386–557 гг. в царствах Северное и Западное Вэй — 29,51 см, в 495–550 гг. в Восточном Вэй — 29,57 см, в империи Суй в 581–602 гг. — 29,51 см, в 603–618 гг. — 23,55 см [Материалы, 1980, с. 32, 134, комм. 148, с. 97, 209, комм. 250, с. 101, 213, комм. 314]. В Северной Вэй 1 *лян* — 13,92 г [Материалы, 1980, с. 99, 212, комм. 284], в Восточной Вэй 1 *лян* — 27,84 г [Материалы, 1980, с. 96, 209, комм. 244], при Суй в 581–602 гг. — 41,76 г, в 603–618 гг. — 13,92 г [Материалы, 1980, с. 101, 214, комм. 317].

⁸⁹ Для Северного Ци, вероятно, следует придерживаться данных о Восточном Вэй, для Северного Чжоу данных нет, потому неясно, основываться

для куска ткани шелка-сырца в (29,51 × 4 =) 118,04 см соответствие 13,92 г ваты, по стандарту Западного Вэй для ткани шелка-сырца (29,57 × 4 =) 118,28 см — соответствие 27,84 г ваты, т.е. разница в два раза. Поскольку 1 *чи* = 0,025 *пи*, то в каждом случае 1 *пи необработанного шелка (цзюань)* приравнялся бы к стоимости веса 139,2 г и 278,4 г ваты, что равняется, соответственно, примерно 0,425 и 0,85 византийского фунта. Тогда в каждом случае 1 *пи* стоил бы по 6,37 и 12,7 номисмы. Византийский солид в 4,55 г при соотношении стоимости золота к серебру 1 : 14,4 относился к сасанидской драхме в 4,25 г (см. ниже) примерно как 1 : 15,4. Тогда за 15 номисм давали бы примерно 231 драхму. Отсюда следовало бы, что 1 *пи необработанного шелка (цзюань)* стоил бы по северо-вэйскому стандарту 98 драхм, по западно-вэйскому — 196 драхм. Несмотря на ожидаемый разброс цен в два раза, минимальная, учитывая более высокие цены на шелк китайского производства за пределами Центральной равнины, сопоставима с аутентичными данными из Восточного Туркестана. Можно привести сведения одного из турфанских документов (67. ТАМ.84:20), относящегося к 574 г., когда Гао-чан существовал как суверенное политическое образование, об оценке одного из видов *парчового шелка (ти-по цзинь)*⁹⁰ в 50 серебряных (?) монет (*цяннь*) за рулон (*пи*) [Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 288, 298]⁹¹.

ли на данных по Северному Вэй или Западному Вэй, ср.: [Материалы, 1980, с. 99, 212, комм. 284].

⁹⁰ О нем см.: [Feng Zhao, Le Wang, 2013, с. 375].

⁹¹ Для сравнения следует отметить, что в документе 66.ТАМ.28, датированном 587 г., есть сообщения о покупке лошади за 45 серебряных монет, покупке лошадей в неизвестном количестве за 67 серебряных монет и 48 лошадей за неясное количество серебряных монет (текст испорчен) [Skaff J.K., 1998, с. 108].

Глава 4

Данные о ценах на шелк и лошадей в VII–VIII вв. в китайских источниках и турфанских документах

На протяжении довольно длительного периода истории Китайской цивилизации деньги не играли здесь значительной роли в экономической жизни — основные обменные и фискальные операции осуществлялись натуральным продуктом. Потому важнейшим индикатором цен внутри тех или иных царств на территории Китая выступают данные о стоимости шелка и риса. Цены на рис, однако, также зависели от военных потрясений и природных катаклизмов. Шелк использовался в качестве меры стоимости, в том числе риса⁹². Начиная с танской эпохи, здесь происходит централизация монетного стандарта, воплотившаяся во введении в 621 г. бронзовой монеты *кай-юань тунбао* весом 2,4 *чжу*, 10 таких новых единиц составляли 1 *лян*. Термин *чжу*⁹³ затем перестал использоваться и в результате появилась вписанная в десятичную систему единица *цянь*, ставшая употребляться как обозначение монеты и сделавшаяся основной единицей измерения веса. Монета такого типа весила ок. 4 г, хотя этот стандарт не всегда соблюдался, а в последующем появлялись монеты другого веса и также ряд фальшивых монет [Peng Xinwei, 1994, с. xxix, 247; Thierry F., 1991, с. 212–213 ff.; Xu Chang, 2013, с. 225–226] (см. также: [Twitchett D.C., 1970, с. 69–70]).

Известны цены на шелк внутри самой Танской империи в монетном эквиваленте.

⁹² Так, в начале эры правления *чжэнь-гуань* (627–650) цена на рис рассчитывалась в эквиваленте необработанного шелка (*цзюань*). Например, 1 *доу* риса стоил тогда рулон необработанного шелка (*цзюань*), но уже в 631 и 632 гг. в связи с хорошими урожаями за 1 рулон можно было купить более 10 *ши* зерна [Peng Xinwei, 1994, с. 271, 283]. Согласно К. Виттфогелю, 1 *доу* = 10 *шэн* = 5,944 л, при 10 *доу* = 1 *ши* или 1 *ху* [Wittfogel K.A., Fèng Chia-shèng, 1949, с. 609].

⁹³ О нем см.: [Peng Xinwei, 1994, с. 12, прим. 28].

Примерно в 725 г. рулон *необработанного шелка (цзюань)* стоил 210 монет, в 742 г. — 200 монет [Peng Xinwei, 1994, с. 285, 286, прим. 21]. Считается, что это самая низкая цена за всю историю Китая, хотя и в самой стране она не была одинаковой всюду: в районах «к югу от гор» 1 рулон стоил менее 300 монет, в Хэ-нань — ок. 700 монет, потому в 728 г. в качестве стандарта была введена усредненная цена в 550 монет [Peng Xinwei, 1994, с. 286, прим. 22]⁹⁴. В одном документе из гробницы в Турфане (73.ТАМ.506:4/11(1-7)), относящемся к периоду 731–732 гг., за 1 рулон *дегуммированного шелка (лянь)* уплачивается 300 бронзовых монет [Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 294, 302]⁹⁵.

В 60-е гг. VIII в. в Танской империи цена подсккивала до 10.000 монет за рулон *необработанного шелка (цзюань)* [Peng Xinwei, 1994, с. 289]. Когда уйгуры в 758–760 гг. вынудили танское правительство покупать у них лошадей, согласно Пэн Синь-вэй, ежегодно 10.000 голов по цене 40 рулонов *необработанного шелка (цзюань)* за 1 лошадь, это оказалось тяжелым бременем и стало причиной того, что впоследствии, в годы эры правления *да-ли* (766–780), или, точнее, на 773 г., цена шелка сделалась 4.000 монет за 1 рулон. Это, по замечанию китайского исследователя, намного меньше, чем упомянутые поэтом Ду Фу 10.000 монет, но и во много раз больше, чем довоенная цена (до 755 г.) [Peng Xinwei, 1994, с. 290, 295]. Следовательно, цена 1 лошади должна быть 160.000 монет.

⁹⁴ Лю Синь-жу приводит на середину VIII в. цену за 1 рулон *необработанного шелка* в 200 монет внутри империи, завышенной до 450 или 470 монет в западных регионах, полагая, что за пределами империи она была выше [Liu Xinru, 1996, с. 62].

⁹⁵ Там же сказано, что 54 *чи* парчи (*цзинь*) оценивается в 2.200 монет (*цян*) [Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 301]. Это, следуя А. Шэнг (считающей, правда, что речь идет о серебряных монетах), примерно равняется 1,35 рулона, а его цена тогда – 1.635 монет, т.е. более чем в 5 раз дороже, чем за 1 рулон *дегуммированного шелка (лянь)* [Sheng A., 2013, с. 189].

В 780 г. рулон *необработанного шелка* стоил 3.200–3.300 монет⁹⁶, в 791 г. — 1.500–1.600 монет, в 803 г. — 800 монет, эта цена сохранялась в 820 и 822 гг., на 838 г. известна локальная цена в 660 или 670 монет [Peng Xinwei, 1994, с. 295–296]. Такое падение цен обусловлено происходившим в стране сокращением денежной массы, хотя стоимость денег не вернулась к довоенному уровню. Поскольку шелк имел спрос, используя для уплаты налогов, его цена оставалась довольно высокой.

В 780 г., по ЦТШ (цз. 127, с. 66), уйгурский каган потребовал от танского посла 1.800.000 рулонов *необработанного шелка* (*цзюань*) как «долг за лошадой», в итоге ему заплатили 100.000 шелковых тканей (*бо*) и 100.000 *лян* «золота и серебра» (*цзинь-инь*)⁹⁷. Согласно Пэн Синь-вэй, это было сделано потому, что у танского двора не хватало шелка платить за лошадей, и для компенсации были использованы золото и серебро (у него написано 10.000 *лян*), что также свидетельствует о спросе уйгуров на эти драгоценные металлы [Peng Xinwei, 1994, с. 278]. К сожалению, нельзя понять, соответствовала ли сделанная выплата по стоимости требуемому шелку, и, соответственно, невозможно выявить примерное соотношение взаимной стоимости задействованных предметов.

Из имеющихся сведений касательно довольно стабильного периода истории Танской империи 713–756 гг.⁹⁸ Пэн Синь-вэй считает возможным предположить, что цена 200 монет за 1 *ши*

⁹⁶ Согласно А. Шэнг, в 780 г. 1 рулон *необработанного шелка* (*цзюань*) стоил 4.000 монет [Sheng A., 2013, с. 189].

⁹⁷ По СТШ (цз. 217а, с. 156–16а) вместо *ма-чжи цзюань и-бай ба-ши-вань пи* написано *ма-чжи и-бай ба-ши-вань*, потому непонятно, о чем идет речь, хотя у К. Макерраса здесь перевод '1,800,000 ligatures', где, видимо, читается иероглиф *гуань* 'связка монет', обычно в 1.000 монет [Mackerras C., 1972, с. 38, 93, 155, прим. 157]. В этом источнике также не говорится о конкретных суммах выплат со стороны императора, а лишь сказано, что он заплатил «золото и серебро».

⁹⁸ Период 713–756 гг. считается временем низких цен в империи Тан [Twitchett D.C., 1970, с. 76; Peng Xinwei, 1994, с. 283].

риса, т.е. 20 монет за 1 *доу*, была нормальной [Peng Xinwei, 1994, с. 284–285]⁹⁹. Исходя из этих соображений, можно условно принять тождество, согласно которому 100 л риса давало бы 336 монет. Поскольку цена на золото тогда была 100.000 монет за 1 *цзинь*¹⁰⁰, то 100 л риса стоили 2 г золота и (при соотношении стоимости золота и серебра 1 : 5, см. ниже), соответственно, 10 г серебра. Это, как полагает Пэн Синь-вэй, дешевле, чем в то

⁹⁹ В 629 г. *ши* риса стоил 30–40 монет, в 635 г. — 40–50 монет, в 641 г. — 20 монет, средняя цена в этот период составляла 5 монет за 1 *доу*, при падении до 3 монет в некоторых местах [Peng Xinwei, 1994, с. 283] (ср.: [Twitchett D.C., 1970, с. 74]). Известны локальные данные, что в 654 г. цена неочищенного риса была 25 монет за *ши*, за неклеякий рис давали 110 монет. В 665–666 гг. цена на рис упала до 50 монет за *ши* [Peng Xinwei, 1994, с. 284]. Это данные еще до обесценивания денег и попытки вынужденного введения новой монеты в 666 г. В неурожайный и голодный 682 г. цены на рис подскочивали до 400 монет за 1 *доу*. Даже при наличии неполновесных монет, курс которых к хорошей монете был в пропорции 2 : 1, в 679 г. власти предлагали обменивать рис на плохие монеты, давая 1 *доу* коричневого риса в обмен на 100 таких монет. В конце концов, увеличение числа неполновесных монет приводило к росту цен, порой в 5 раз, еще больше усугубляли ситуацию войны и стихийные бедствия. В 713 г. цена на рис упала до 3 монет за 1 *доу*. К 725 г., ввиду череды урожайных лет, цена стала 13 монет за 1 *доу*, в вегетационный период давали 5 монет за 1 *доу* $\frac{1}{4}$. В 740 г., в урожайный период, 1 *ху* (= 1 *ши*) риса стоил менее 200 монет. В 742 г. 1 *доу* риса стоил 13 монет, в вегетационный период — всего 3 монеты. Из имеющихся данных предполагается вывод, что 200 монет за 1 *ши* риса, т.е. 20 монет за 1 *доу*, была нормальной ценой в период 713–756 гг. [Peng Xinwei, 1994, с. 284–285]. В 760 г. цена на рис выросла до 7.000 монет за 1 *доу*, в 763 г. в столице цена выросла с 800 до 1.000 монет за 1 *доу* [Peng Xinwei, 1994, с. 287, 290; Twitchett D.C., 1970, с. 76]. В 780 г., когда власти прилагали усилия для стабилизации ситуации, рис стоил 2.000 монет за 1 *ши* или 200 монет за 1 *доу*, т.е. в 4–5 раз выше довоенного уровня [Peng Xinwei, 1994, с. 290, 295; Twitchett D.C., 1970, с. 77]. В последующий период, характеризующийся наводнениями и засухами, цена колебалась в пределах от 5.000 до 15.000 монет за 1 *ши* [Peng Xinwei, 1994, с. 295, 305].

¹⁰⁰ По некоторым данным, 1 *цзинь* = 0,5968 кг [Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng, 1949, с. 609], 596,82 г [Уголовные установления, 1999, с. 66]. Дж.К. Скэфф отмечает для танского времени вес от 656 до 672 г, «в зависимости от времени и места» [Skaff J., 1998, с. 90, прим. 73]; ср.: ок. 660 г. [Trombert É., La Vaissière E. de, 2007, с. 10].

время в Европе, где цена 100 л пшеницы составляла 15,8 г или 15,9 г серебра или ок. 1,06 г золота [Peng Xinwei, 1994, с. 285–286]. В танскую эпоху золото и серебро хотя и использовались, но не были мерилем стоимости товаров [Twitchett D.C., 1970, с. 71; Peng Xinwei, 1994, с. 276]¹⁰¹. Соответственно, все эти пропорции имеют лишь теоретическое значение. Пропорция соотношения стоимости двух металлов, по-видимому, более или менее сохранялась на протяжении довольно длительного периода. Впрочем, сведения о ценах здесь условны.

На 692 г. в турфанском документе 64.ТАМ.35:28 есть свидетельство, что некто получил на покупку двух лошадей 2 серебряные монеты (*инь-цянь*), эквивалентные 64 бронзовым монетам (*тун-цянь*) [Skaff J.K., 1998, с. 101, 109; Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 28, прим. 46; Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 293] (ср.: [Hansen V., 2005, с. 303–304]). Нет никакого сомнения, что под серебряными монетами подразумеваются сасанидские драхмы и их среднеазиатские имитации [Skaff J.K., 1998, с. 93]. Документ 73.ТАМ.214:148(a), примерно того же времени, свидетельствует, что рулон *дегуммированного шелка (лянь)* стоил 10 серебряных монет [Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 293]. Отсюда следует, что цена одного рулона такого шелка равнялась 10 серебряным или 320 бронзовым монетам. Это также позволяет вычислить гипотетическую цену 1 лошади, равную 1 серебряной или 32 бронзовым монетам, или же 0,1 рулона названного вида шелка, что удивительно мало. Но надо полагать, что лошади, поступавшие от тюрков и других племен, и доморожденные имели различную цену. Выше уже отмечались данные ЦЧТЦ (цз. 212) и 64.ТАМ.4 о довольно низкой цене на лошадей после эры правления *линь-дэ* (664–665), но к началу эры правления *чуй-гун* (685–688), когда из-за восстаний покоренных племен Танская империя лишилась значительного парка лошадей, цены на них снова выросли [Hayashi T., 1990, с. 159]. Точно так же после утраты Танской империей хоро-

¹⁰¹ За редким исключением [Schafer A., 1963, с. 256, 257; Шефер Э., 1981, с. 336–337, 339].

ших пастбищ на территории Лун-ю, в 60-е гг. VIII в. захваченной Тибетской империей, ее нужда в лошадях возросла значительно, чем могли пользоваться уйгуры, назначая свои цены [Dalby M.T., 1979/2008, с. 569, 597, 677; Beckwith C.I., 1991, с. 186–187].

Документ из Дунь-хуана из коллекции К. Отани, известный под индексом О. 3160, на китайском языке, датированный 743 г., представляет собой реестр товаров, разбитых на категории (*хан*), к каждому дана единица измерения, а также указаны цены по трем категориям (*шан-чжи* ‘высокая’, *цы-чжи* ‘средняя’, *ся-чжи* ‘низкая’) ¹⁰², приведенные в монетах (*цян*), т.е. в китайских бронзовых монетах; всего 350 пунктов ¹⁰³. Среди них зафиксированы цены на скот и на ткани.

Лошадь (мерин), поставляемая тюрками (? , кит. *ту-цзюэ дунь ма*) ¹⁰⁴, оценивается здесь в 20 / 18 / 16 рулонов *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* или 22 / 20 / 18 рулонов *тонко нарезанного дегуммированного шелка (сяо-лянь)*. Здесь же кобыла (*цао ма*, вар.: необъезженная лошадь?) стоит 9 / 8 / 7 рулонов *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* или 10 / 9 / 8 рулонов *тонко нарезанного дегуммированного шелка (сяо-лянь)* [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 18; Skaff J.K., 2012, с. 264, табл. 8.4]. Характерно, что один из турфанских документов сообщает, что в 733 г. на том же рынке в Си-чжоу, 6-летний мерин с черной гривой и хвостом был продан за 18 рулонов *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 30–31].

¹⁰² Вероятно, это допустимый диапазон колебаний, в зависимости от качества товаров (см.: [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 4–5]).

¹⁰³ Такие документы составлялись каждые 10 дней представителями танской администрации, проверявшими рынки на предмет соблюдения торговцами допустимых правительством диапазонов цен [Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984, с. 105; Hansen V., 2005, с. 296; Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 4].

¹⁰⁴ И все же здесь недостаточно ясно, имеется ли в виду лошадь, поставленная тюрками, или лошадь некоей «тюркской породы» [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 18, прим. 31].

В документе О. 3160 даны также следующие цены на разновидности шелковых тканей. Рулон *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* оценен в 470 / 460 / 450 монет (в другом списке — 210 / - / -), рулон *тонко нарезанного дегуммированного шелка (сяо-лянь)* — в 190 / 180 / 170 монет. Различные виды грубого шелка (*ши*) оценены в зависимости от места происхождения: шелк (*шэнь ши*) из Хэ-нань — в 650 / 640 / 630 (в другом списке — 630 / 620 / 610) монет, шелк (*ши*) из Пу-чжоу и Шань-чжоу — 630 / 620 / 610 (в другом списке — 610 / 600 / 590) монет. Рулон неотбеленного тонкого шелка (*шэн-цзюань*) оценивается в 470 / 460 / 450 монет [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 12, 13]. Цены на *дегуммированный шелк с широкого ткацкого станка (да-лянь)* и неотбеленный тонкий шелк (*шэн-цзюань*) сопоставимы с теми, что зафиксированы в манускрипте из Дунь-хуана из коллекции П. Пельо (Р. 3348V), датированном 745 г., где эти продукты стоят соответственно 465 и 460 бронзовых монет (*вэнь*) за рулон [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 37; Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 294–295; Sheng A., 2013, с. 194]. Э. де Ла Вэссьер, взяв за основу цену в 460 бронзовых монет, выводит для Дунь-хуана примерно 750 г. стоимость рулона шелка-сырца (*шэн-цзюань*) в 14,3 серебряных монеты [La Vaissière É. de, 2005, с. 271].

На этот период из других документов известны случаи покупки лошадей у кочевников (цит. по [Skaff J.K., 2012, с. 265]): [72.ТАМ.188: 71, 79] 17-летний мерин был куплен за 13 рулонов *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* (707 г.); [72.ТАМ.188:88/1–8] 7-летний мерин — за 15 рулонов того же вида шелка (начало VIII в.); в Лунь-тай тюркская лошадь в доспехах — за 14 рулонов того же вида шелка по цене 400 бронзовых монет за рулон (728 г.), что давало бы соответствие 5.600 монет; [72.ТАМ.188:87] три лошади — за 20.400 бронзовых монет (начало VIII в.), т.е. 6.800 за особь¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Дж.К. Скэфф обращает внимание на данные документа 72.ТАМ.188:84 о том, что для покупки неизвестного количества лошадей использовалась 21 связка монет, а вес связки из тысячи монет — 6 *цзинь* и 4 *лян*, т.е. ок. 4,18 кг; также он

Как отмечено исследователями турфанских документов, *дегуммированный*, т.е. очищенный, шелк (*лянь*) стоил больше, чем *необработанный шелк полотняного переплетения (цзюань)*, иногда в 3–4 раза [Sheng A., 2013, с. 190, 191]. В статье А. Шэнг показано, что цены различных видов обработанного шелка всегда были выше, чем цены простого необработанного. Кроме того, различные виды окрашенных тканей или тканей со сложным плетением, используясь больше как предметы роскоши в среде элиты и даже в качестве товара или предмета пожалования, не всегда соответствовали каким-то стандартам в размере. Значит, они не могут использоваться для расчета соотношения цен.

Названные в дуньхуанском документе О. 3160 цены за рулон *необработанного шелка (цзюань 絹)* в 2–3 раза выше отмеченных для самой Танской империи внутренних локальных рыночных цен в 210 монет в 725 г. и в 200 монет в 742 г., но сопоставимы с установленной правительством в 550 монет в 728 г. (см.: [Peng Xinwei, 1994, с. 285–286]).

Согласно расчетам Дуань Цин, основанным на интерпретации одного хотано-сакского документа на деревянной дощечке, датированного не ранее 767 г. (№ 48 из коллекции Свена Хедина), 500 монет (*mūra*) дается за рулон шелка (*thau*)¹⁰⁶, что, по мне-

привлекает данные на 728 г. о цене 400 монет за рулон *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)*; и на этом основании исследователь выдвигает предположение, что “the local government, perhaps short on silk, tendered the coins weighing about ninety-three kilograms and equivalent to fifty-one bolts of wide-loom silk tabby (or 17 bolts/horse)” [Skaff J.K., 2012, с. 265, 357, прим. 51]. Для сравнения следует указать, что в дуньхуанском документе О. 3160 упомянуты еще такие расценки. Жеребец высокой породы, возвращенный в домашнем хозяйстве (*цзя-шэн си дунь фу-ма*), оценивается в 70.000 / 65.000 / — монет за голову (*ни*), а жеребец низкой породы, возвращенный в домашнем хозяйстве (*цзя-шэн цу дунь фу-ма*), — в 23.000 / 21.000 / — монет [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 27]. Обе цены очень высокие, почему было высказано предположение, что фрагмент мог быть написан в период сильной девальвации бронзовой монеты [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 32].

¹⁰⁶ Хот.-сак. *thau* обозначало *необработанный тонкий шелк (цзюань)* [Duan Q., 2013, с. 308–310].

нию ученого, может быть сопоставлено с ценой, указанной в дуньхуанском документе Р. 3348V, в 465 бронзовых монет (*вэнь*) [Duan Q., 2013, с. 316]. Документ, относящийся предположительно к 781 г., указывает на скачок цены шелка в Хотане — 150 монет (*mūra*) за 1 «сажень» (*chā*) *необработанного тонкого шелка* и, соответственно, 6.000 за 1 рулон (*thauna*) [Duan Q., 2013, с. 319, 320]. По хотано-сакским документам, здесь 10 «саженей» (*chā*) составляли 1 рулон (*thauna*), при этом мы не знаем размера того и другого, но уже где-то к 781 г. можно говорить о том, что 1 «сажень» (*chā*) была эквивалента кит. *чи*, а 1 рулон (*thauna*) равен 40 «саженей» (*chā*) и соответствовал кит. *пи* [Duan Q., 2013, с. 316, 320]. На 801 г., согласно расчетам этого же исследователя, 62,5 монеты стоили 1 «сажень» (*chā*) такого шелка и, соответственно, 2.500 монет — рулон (*thauna*) [Duan Q., 2013, с. 324]. Такие колебания на цены соотносятся с аналогичными процессами, имевшими место в самой Танской империи.

Глава 5

Данные о ценах на шелк и лошадей в первой трети VIII в. в согдийских документах и мусульманских источниках

В сопоставлении с данными китайских источников хрестоматийно используются еще несколько связанных контекстом свидетельств из Средней Азии.

В согдийском документе А-5 (стк. 1–2) из коллекции замка с г. Муг указано, что за коня (*ʒ[p](w)*) была заплачена сумма в 200 драхм (*δrxm*)¹⁰⁷ и 8 драхм — за шелк или шелковую

¹⁰⁷ Читают *δrxm* или *δrym*. Речь идет о серебряной монете [Лившиц В.А., 2008, с. 38–40, 216–217]. Предполагается, что в согдийских текстах так обозначалась местная серебряная монета [Смирнова О.И., 1970, с. 156; Naymark A., 2010, с. 8]. В дальнейшем мы будем употреблять название «драхма» для саса-

бумагу (*суну-һ*)¹⁰⁸ (стк. 12–13) [Лившиц В.А., 2008, с. 214, 215, 216, 219]¹⁰⁹.

Арабский автор ат-Табари приводит рассказ на 87 г. х. / 23.12.705–11.12.706 гг. н.э., согласно которому после взятия арабами Пайкенда один пленник предлагал за себя выкуп в 5.000 китайского шелка (*харира́т синиййа*) стоимостью в миллион (букв. «тысячу тысяч») [История ат-Табари, 1987, с. 117; The History ..., 1990, с. 136–137]. Здесь неясно, в каких величинах измеряется шелк, и неясно, в какой валюте он оценивается. Считается, что отсюда вытекало бы, будто кусок шелка стоил 200 «дирхамов», хотя дискутируется, каких именно [Смирнова О.И., 1957, с. 131].

Исследователи, допускающие достоверность этих сведений, исходят из того, что, согласно Ибн А'саму аль-Куфи, по договору

нидских и также среднеазиатских серебряных монет, возникших под их влиянием, наравне используя название «дирхам» для обозначения серебряных монет уже мусульманских династий.

¹⁰⁸ Предполагается, что в этом сообщении согдийского документа о сумме, отданной за шелк, речь идет о выдаче куска шелковой бумаги («вероятно, для письма») [Смирнова О.И., 1963, с. 53]. Ср. согд. *pr'yunk* 'шелк, шелковая ткань, дамá' (плотная монохромная шелковая ткань), согд. будд. *pr'yunk*, согд. маних. *prynk* [paring] 'монохромная дамá' < **upa-(i)ringa-* 'отмеченный, узорчатый', ср. авест. *Haptō.iringa-* [Лившиц В.А., 2008, с. 219, 140–141].

¹⁰⁹ Для сравнения стоит сказать, что в том же документе (А-5, стк. 24) цена коровы (*y'wh*) на забой указывается в 11 драхм [Лившиц В.А., 2008, с. 215, 216]. В другом документе за две коровы, или, возможно, за пару волов, или упряжку волов (*δw y'w*) дается 7 драхм (А 11, стк. 2–3) [Согдийские документы, 1963, вып. III, с. 54; Лившиц В.А., 2008, с. 220]. Такая разница в цене объясняется исследователями состоянием коров во втором случае [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 31]. В дуньхуанском документе О. 3160 названы цены на быка (вола) высокой породы (*[cu] цзянь-ню*), равная 4.200 / 4.000 / 3.800 монет за голову, и на быка (вола) низкой породы (*цы цзянь-ню*), равная 3.200 / 3.000 / 2.200 монет за голову. Цена на корову (*цзы-ню*) не сохранилась [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 19]. Из турфанских документов известна сопоставимая цена на 741 г. за 4-летнего черного быка, проданного за 8 рулонов *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 32].

712 г. кусок ткани *диба* приравнялся к 100 дирхамам [История ат-Табари, 1987, с. 117, 374, прим. 54]. По словам Ибн Асама аль-Куфи, того, что было из одежды (*ас-сийаб*), большое (*аль-кибар*) каждый *сауб* стоит 100 дирхамов, малое (*ас-сигар*) в 60 дирхамов, и, соответственно, у Бал'ами сказано только о «каждой одежде *диба*, которая была большой» (*хар джама диба ке бузурге*), с аналогичной стоимостью в 100 дирхамов [Смирнова О.И., 1960, с. 70, 72–73]. Что представлял собой *сауб* (мн. ч. *сийаб*) выяснить затруднительно¹¹⁰. В случае с *диба* речь, видимо, о парчовом шелке [Laufer В., 1919, с. 489; Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Лившиц В.А., 1963, с. 112; Баевский С.И., 1984, с. 213, 214]. О.И. Смирнова считала в итоге, что сведения ат-Табари о событиях 87 г. х. / 706 г. н.э. недостаточно точны, если сравнивать их с приведенными данными о цене на шелк у двух упомянутых авторов [Смирнова О.И., 1970, с. 197, прим. **].

В упомянутом договоре, который заключили между собой в 712 г. Кутайба б. Муслим и *Угурак (согд. *wyrk*, ар. Гурак), в передаче Ибн Асама аль-Куфи среди предметов, которыми может быть выплачена *джизья*, указан также отрез (*шикка*) шелка (*аль-харир*) (у Бал'ами здесь ничего не сказано про шелк), что приравнивается в тексте к 28 дирхамам [Kurat A.N., 1948, с. 408, 419; Смирнова О.И., 1960, с. 70, 73, 75; Смирнова О.И., 1963, с. 50, прим. 146; Смирнова О.И., 1970, с. 208]¹¹¹.

В другом месте у ат-Табари сказано, что тюркский предводитель Курсул (к 121 г. х. / 18.12.738–06.12.739 гг. н.э.) платил своим наемникам численностью в 15.000 чел. «каждому по куску шелка в месяц, а такой кусок в то время стоил 25 дирхемов» [История ..., 1987, с. 267; The History ..., 1987, с. 25] (см. также:

¹¹⁰ О.Г. Большаков пишет, что так именовался кусок ткани на одну или две одежды, но также слово могло означать и «одежда». Длина такого куска зависела от «ширины ткани и традиций местности». Приводится пример при ширине 3 *шибра* (27 локтей) длина куска в 50 локтей (27 м), что дало два отреза [Большаков О.Г., 1984, с. 208].

¹¹¹ См., однако: [Смирнова О.И., 1970, с. 155], где «80 драхм».

[Смирнова О.И., 1963, с. 53])¹¹². В тексте ат-Табари стоит, как отмечается, «слово *шукка* или *шикка* — кусок ткани, меньший, чем на полную одежду (*сауб*). По договору Кутайбы с Самаркандом *сауб* стоил 100 дирхемов, а *шукка* шелка — 28 дирхемов, из этого можно заключить, что *шукка* в четыре раза меньше *сауба*» [История ..., 1987, с. 267, 379, комм. 96]. Э. де Ла Вэссьер уверенно отождествил *шикка* с кит. *пи* [La Vaissière É. de, 2005, с. 271]. В доступной этнографической литературе нам удалось найти свидетельства, что *шикка* представляет собой кусок ткани не менее 0,6 м в ширину и не менее 10 м в длину¹¹³.

О.И. Смирнова, комментируя этот эпизод с Курсулом, приводит еще данные о стоимости шелка, «согласно другому источнику», в 20 дирхамов (ср.: [Смирнова О.И., 1963, с. 53]). Исследовательница отмечает, что если исходить из стоимости, указанной у ат-Табари и в согдийском документе А-5, цена одного коня должна равняться 10 рулонам («отрезам») шелка, что соответствует цене, по которой уйгуры продавали лошадей в империю Тан в 763–779 гг. [Смирнова О.И., 1970, с. 154]¹¹⁴. Однако если же придерживаться указанной стоимости шелка в 25 дирхамов, то конь должен стоить 8 рулонов шелка. Стоимость рулона шелка в 712 и 739 гг., равнявшаяся соответственно 28 и 25 дирхамов, формально показывает колебание цен.

¹¹² В сопоставлении с данными о жалованье, например, арабских воинов того же времени, это была довольно значительная сумма. См., напр.: [Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973, с. 305].

¹¹³ В доступной литературе мы смогли встретить лишь данные на XX в., где слово *shuqqa* (мнж. *shiqaq*) использовалось у бедуинов как название полос ткани, обычно имевших следующие размеры: в Западной Аравии — ок. 2 (английских) футов в ширину и от 36 до 120 футов в длину [Scott H., Mason K., Marshall M., 1946, с. 407], т.е. ок. 0,6096 м в ширину и от 11 м до 36,5 м в длину, в Сирии от 2/3 м до 1 м в ширину и от 10 до 12 м в длину [Jabbur J.S., 1995, с. 245]. Это вполне сопоставимо с 1 *пи* (1,244 м × 0,5598 м).

¹¹⁴ На основе установленного для Восточного Туркестана того времени курса серебряной монеты к бронзовой 1 : 32 (см. выше) исследователи переводят указанную в мугском документе цену лошади в 200 драхм в 6.400 бронзовых монет [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 31].

В самаркандском договоре 712 г. при обязательстве выплаты *джизья* мискаль червонного золота (у Ибн А'сама аль-Куфи: *аль-захаб аль-ахмар*; у Бал'ами: *зарр-и сухр*) приравнивается к 20 дирхамам, в случае выплат чистым серебром (у Ибн А'сама аль-Куфи: *аль-фадух аль-байда*; у Бал'ами: нет) мискаль идет за мискаль.

В прошлом отмечалась близость известной по материалам Пенджикента весовой единицы в 4,46 г (и теоретически 4,48 г) к каноническому арабскому мискалю, почему была высказана гипотеза о существовании согдийского динара [Давидович Е.А., Маршак Б.И., 1958, с. 83, 87], и эти наблюдения были привлечены к интерпретации упомянутого договора [Смирнова О.И., 1963, с. 50]. Сегодня превалирует мнение, что в договоре подразумевается сасанидский серебряный дирхам [La Vaissière É. de, 2005, с. 271; Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 290]. Прежде О.Г. Большаков высказал мнение, что речь идет о «низкопробных согдийских дирхамах» [Большаков О.Г., 1984, с. 152], т.е., следуя О.И. Смирновой, «драхмах мугского типа», содержащих при общем весе от 2,37 в легких образцах до 3–3,1 г в тяжелых¹¹⁵, ок. 60% серебра в своем составе [Смирнова О.И., 1963, с. 40, 51, 169]. По расчетам О.И. Смирновой, отношение такого дирхама к динару будет от 13 : 1 до 13,8 : 1, и, согласно ее мнению, это показывает соотношение стоимости серебра и золота в Согде [Смирнова О.И., 1963, с. 50]¹¹⁶. Следуя же О.Г. Большакову, для послед-

¹¹⁵ По уточнению О.И. Смирновой в дальнейшем — 3,15 г [Смирнова О.И., 1970, с. 160], т.е. разница в весе между легкими и тяжелыми образцами не 2/3 [Смирнова О.И., 1963, с. 40], а скорее 3/4. При работе с известными предметами, предоставляющими метрологические сведения, будь то весовые гири или собственно монеты, необходимо учитывать не только ограниченные технические возможности их изготовления в те времена, а также вероятность утраты ими реального веса в результате коррозии или, в случае монет, также в ходе очистки от окислов. В частности, О.Г. Большаков отмечает допустимой при изготовлении погрешность в $\pm 0,02$ г и погрешность $-0,02-0,03$ г при очистке [Большаков О.Г., 2010, с. 156, 159–160].

¹¹⁶ С этими данными формально пересекаются сведения о хорезмийских серебряных монетах в период середины VIII в., среди которых отмечены в превалирующем количестве экземпляры максимальным весом 3,1–

него следует принять пропорцию 10 : 1, вплоть до конца X в., а в упомянутой пропорции 13 : 1 видеть соотношение стоимости названных денежных единиц [Большаков О.Г., 1984, с. 152]. Даже несмотря на то, что гипотеза О.И. Смирновой касательно идентификации подобной группы монет с соответствующими характеристиками оказалась неподтвержденной¹¹⁷, при максимально допустимом весе, с учетом процентного уровня содержания серебра в таких дирхамах, они в количестве двадцати давали бы не более 37,8 г серебра (или при минимальном весе — 28,44 г.)¹¹⁸. Как считает А. Наймарк, в договоре 712 г. речь идет

3,2 г [Мусакаева А.А., 1997, с. 96]. А.А. Мусакаева следует интерпретации О.И. Смирновой, но приходит к выводу, что «вес дирхемов Хорезмийского царства, находившегося в середине VIII в. под суверенитетом халифа, был ориентирован на рынок, контролируемый халифатом».

¹¹⁷ Выделение О.И. Смирновой особого «мугского» типа драхм было сделано на ограниченном материале. Как установила позже Е.А. Давидович, монеты, о которых идет речь, могут быть лишь одним из типов т.н. «бухархудатских» драхм (группа согдийских монет, являющихся имитациями сасанидских драхм Бахрама V). Это высокопробные субэратные (плакированные) монеты, с содержанием серебра, по-видимому, не ниже зафиксированного измерениями показателя 68,79%. Их отнесение исследователями в различное время к монетам пониженной пробы было связано с сильной изношенностью верхних слоев у доступных для изучения образцов [Давидович Е.А., 1979, с. 104–109]. По осторожному предположению Е.А. Давидович, такой способ производства этих монет, не имеющих никаких принципиальных физических отличий от ранних образцов, может брать отсчет с VII в. [Давидович Е.А., 1979, с. 111]. Эти монеты были в обороте, по меньшей мере, до середины VIII в. [Довуди Д., 2009, с. 64, 66–69].

¹¹⁸ Рассматривая пропорцию, указанную в договоре 712 г., О.Г. Большаков, исходит из того, что в 20 согдийских драхмах «не могло быть больше 48 г чистого серебра». Неясно, как получена эта цифра, но при сопоставлении с весом мискаля в 4,48 г он получает соотношение стоимости золота и серебра именно ок. 1 : 10. Эта пропорция принципиальна для других его построений (ср.: [Большаков О.Г., 1984, с. 144; Большаков О.Г., 2010, с. 160]). Впрочем, еще К. Каэн указывал, что о закреплении такой пропорции обменного курса золота и серебра 1 : 10 можно судить только с конца IX в. [Cahen С., 1965, с. 395–397, 403]. Позже он высказался более категорично, указав на искусственный характер этого соотношения, канонизированного поздними мусульманскими учеными, вероятно, ориентировавшимися на современную для них ситуацию [Cahen С., 1985, с. 20, 22–23].

об одном из типов т.н. «бухархудатских» драхм весом ок. 3,2 г [Наймак А.И., 2002, с. 53; Naymark A., 2010, с. 8].

Глава 6

Некоторые тенденции в денежном обращении в Восточном Туркестане, Средней Азии и Северном Афганистане в VII — первой половине VIII в.

В мугских документах обнаруживаются упоминания нескольких разновидностей *drxmt* или *drym*¹¹⁹, а также *drymuh dун'kknh*, что, как предполагается, “drachms [of the type of] religion”, обозначающее предположительно серебряные монеты сасанидского типа, с изображением алтаря на реверсе [La Vaissière É. de, 2005, с. 172–173, прим. 52]¹²⁰. В документах на согдийском языке зафиксировано отдельно слово *дун'р* — как обозначение веса и стоимости [Лившиц В.А., 2008, с. 39, 40].

На территории лежавших вдоль торгового пути оазисов Кочо (Гао-чан), Арги (Янь-ци, т.е. Карашар) и Куча (Гуй-цы), а также в Хэ-си, находившегося прежде под контролем правивших на территории Китая сяньбэйских династий, отмечено широкое использование серебряных монет, в том числе преимущественно сасанидских драхм и их имитаций, применявшихся именно для обменных операций и притом гораздо шире, чем шелк [Thierry F., 1993, с. 98–99, 122–123, 132–135; Thierry F., 2005, с. 206; Skaff J.K., 1998, с. 104–105 (некоторая дискуссия с Ф. Тьерри); Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 282–290]. Письменные документы связывают эти операции преимущественно с согдийцами [Skaff J.K.,

¹¹⁹ Ср. в документе А-5 (стк. 15) упоминание десяти *рwx'р* (или *рwу'р*), выданных некоему арабу (*t'zyk*) [Лившиц В.А., 2008, с. 215, 216, 219, 249].

¹²⁰ См. в этом случае также о поправке к чтению *дун'kknH* (< *дунH* ‘религия’) вм. *дун'nrkknH* ‘динарские’ (Nov. 3 R, стк. 20; Nov. 4 R, стк. 20) [Якубович И.С., 2013, с. 187].

1998, с. 93–99] (см. также: [La Vaissière É. de, 2005, с. 172–174]). Свидетельством того, что в Восточном Туркестане, как и в Средней Азии, сасанидские драхмы в какой-то период широко использовались, судя по всему, в качестве универсального средства обмена, выступают данные документа 73.ТАМ.517, датированного периодом между 610 и 620 гг.: он сообщает о выплатах пошлин, взимавшихся с купцов за осуществленные ими торговые операции [Skaff J.K., 1998, с. 89–93; La Vaissière É. de, 2005, с. 133–134]; также это упоминание ДТДЦЭССЦФШЧ, что в 629 г. правитель Гао-чан дал Сюань-цзану 100 *лян* золота (*цзинь*), 30.000 серебряных монет (*инь-цянь*), 500 рулонов (*пи*) тонкого очищенного шелка (*лин*) и необработанного шелка (*цзюань*), что должно было хватить паломнику на 20 лет его странствий [Peng Xinwei, 1994, с. 258–259; Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 289–290]. Пик использования сасанидских драхм в Турфане относится к периоду 560–650 гг. [Hansen V., 2005, с. 303]. Как считается с 70-х гг. VII в., хождение серебряных монет, в частности, в Турфане идет на спад, а после 706 г. мы не имеем о них больше никаких свидетельств в Восточном Туркестане [Skaff J.K., 1998, с. 99]; предположительно, уже по меньшей мере к 703 г. их заменили в обращении танские бронзовые монеты [Hansen V., 2005, с. 303–304].

Содержание серебра в сасанидской драхме было на уровне 85–90%, при Хосрове II — ок. 95% [Bacharach J.L., Gordus A.A., 1972, с. 282–283; Skaff J.K., 1998, с. 68]. Как состав сопроводительного инвентаря турфанских могильников танского времени, так и документы из них, где упоминаются бронзовые и серебряные монеты (соответственно *тун-цянь* и *инь-цянь*), фиксируют одновременное употребление обоих видов монет, соотносившихся определенным обменным курсом [Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 300]. Между тем тот же документ 73.ТАМ.517 упоминает пошлины за товар, в том числе за серебро, измеряемое в весе. По мнению М. Бэйтса, речь идет о том, что серебряные слитки продавались по эквиваленту стоимости в деньгах, которыми

в этом случае были серебряные монеты [Skaff J.K., 1998, с. 93, прим. 82]. Один документ из могилы Цзо Чун-си (ум. в 673 г.) упоминает 3 *цзинь* «чистых серебряных монет» (*бай инь-цяннь*), и, хотя эти монеты упоминаются в перечне того, что умерший как бы забрал с собой, сама формулировка свидетельствует об измерении монет не в количестве, а в весе [Hansen V., Rong Xinjiang, 2013, с. 292]¹²¹. Возможно, это объясняется использованием их в данном случае именно в ритуальных целях. Впрочем, есть и другие свидетельства, косвенно подтверждающие соображение, что в отдельных случаях сасанидские драхмы могли применяться на территории империи Тан исходя из их весового значения, — находки обрезанных образцов в Юго-Восточной Азии [Thierry F., 1993, с. 134].

В самих согдийских владениях в Средней Азии наравне с серебряными монетами использовались и бронзовые, судя по всему, более многочисленные, но с ограниченной сферой употребления — для удовлетворения потребностей внутреннего рынка [Смирнова О.И., 1963, с. 49–50]. Происходившее на фоне кризиса в западно-тюркских владениях усиление власти местных правителей и расширение связей региона с империей Тан обусловили распространение здесь со 2-й четверти или 2-й половины VII в. (вероятнее, с периода 650–655 гг., см.: [Gariboldi A., 2015, с. 281–282]) бронзовой монеты китайского образца, нашедшей впоследствии широкое хождение [Смирнова О.И., 1970, с. 267; Смирнова О.И., 1981, с. 35–36]. В согдийских текстах они называются *рпу*¹²². Это название широко известно по монетным легендам, но при этом есть лишь один документ Б-27, где идет речь о подсчетах в этих единицах [Согдийские документы, 1963, вып. III,

¹²¹ Материалы раскопок гробницы пока не опубликованы, поэтому невозможно сопоставить эти данные с составом погребального инвентаря.

¹²² По одной версии, согд. *рп-* < санскр. *рапа* 'монета' [Henning W.B., 1946, с. 723; Gharib B., 1995, с. 275; Thierry F., 1999, с. 325], по другой, < кит. *фэнь* 'часть, доля' и др. [Смирнова О.И., 1963, с. 43]. Ср.: [Согдийские документы, 1963, вып. III, с. 56]. О.И. Смирнова использует наименование «фень».

с. 55–56]. Китайская монета *кай-юань тун-бао* изначально использовалась здесь без каких-либо изменений (см.: [Смирнова О.И., 1981, с. 35, 451, табл. III: 42–47, 1379–1380]), задавая стандарт для согдийских монет даже в отношении состава сплавов [Смирнова О.И., 1981, с. 71–72] (см. также: [Смирнова О.И., 1970, с. 188–189]). Это, вероятно, свидетельствует о существовании единого экономического пространства между Средней Азией и владениями империи Тан в этот период¹²³. Отсюда возможно предполагать, что здесь всюду ценность монеты измерялась не весом, а количеством, или, точнее — номиналом¹²⁴. Точно так же и для медных согдийских монет не ранее середины VIII в., с арабскими надписями, отмечающими номинал этих монет по отношению к дирхаму в 60 и 120 единиц [Смирнова О.И., 1981, с. 419, № 1674–1675, с. 420–421, № 1676–1681], по-видимому, ценность определялась именно этим заданным значением, а не весом [Zeimal' E.V., 1994, с. 247; Зеймаль Е.В., 1999, с. 195; Gariboldi A., 2015, с. 284]. О таком же использовании денег говорят арабские финансовые документы из Северного Афганистана [Khan G., 2007, с. 48]. Иными словами, вопреки сомнениям О.И. Смирновой [Смирнова О.И., 1981, с. 66–68], в этих случаях ни вес, ни состав сплава не имели значения для определения ценности таких бронзовых монет, по крайней мере, если речь идет о внутреннем пользовании.

Даже если мы примем соображение, что разновесные как бронзовые, так и серебряные монеты, имевшие хождение в раз-

¹²³ Та же мысль следует из предположения, в частности, В.Г. Кошевара о том, что монеты танского образца в Средней Азии имели такую же покупательную способность, как и в самой империи Тан [Кошвар В.Г., 2005, с. 91].

¹²⁴ Публикация известных образцов согдийских медных монет 2-й половины VII — 1-й половины VIII в. оставляет в силе наблюдение о том, что какой-либо весовой стандарт не соблюдался даже в рамках монет одного типа [Давидович Е.А., Маршак Б.И., 1958, с. 83, прим. 10]. Это было характерно не только для бронзовых монет Средней Азии, но даже, например, для серебряных монет централизованной империи Сасанидов [Gyselen R., 1990, с. 219–224; Malek H.M., 1993].

ных районах Средней Азии в доисламский период, не имея какого-либо взаимного соотношения стоимости¹²⁵, использовались в рамках узких территориальных и, видимо, политических ареалов [Zeimal' E.V., 1994, с. 245, 249, 251, 255, 256; Зеймаль Е.В., 1999, с. 192, 196, 197, 199, 201], все равно должен был существовать какой-то стандарт, определявший обменный курс для международных операций. В противном случае придется признать, что Средняя Азия и пространство, подвластное Танской империи, включая с 40-х гг. VII в. Восточный Туркестан, не были связаны единым обменным курсом. По крайней мере, разница в колебаниях должна быть незначительной, чтобы делать ведение торговли выгодной для самих купцов, учитывая различные затраты в пути, пошлины и т.д.

Отмеченная О.И. Смирновой для серебряных монет Самарканда, выпущенных после 738 г., тенденция к снижению их веса до 2,95–2,97 г, что сначала делалось путем обрезания краев (sic!), при уменьшении содержания доли серебра до 50% [Смирнова О.И., 1963, с. 45–46, 50, 51; Смирнова О.И., 1970, с. 162], упоминается ей в сопоставлении с данными о весе аббасидского дирхама в 2,95 г [Смирнова О.И., 1970, с. 165]. Хотя это наблюдение касательно изменения веса и доли содержания серебра в таких монетах, по-видимому, не подтверждается [Давидович Е.А., 1979, с. 106–115], сам факт обрезания монет может точно так же свидетельствовать и о продолжении следованию тенденции учета ценности монеты не по весу¹²⁶. Переход Средней Азии в сферу влияния мусульманской арабской

¹²⁵ О.И. Смирнова, признавая, что «сколько считалось феней в драхме, мы не знаем» [Смирнова О.И., 1970, с. 193], далее, однако, писала, «покупательная способность бронзовых монет неизвестна, так как цен, выраженных в них, в источниках не зафиксировано. Об этом можно составить представление, исходя из расчета 1 драхма = 16 феней» [Смирнова О.И., 1970, с. 198]. Мы не смогли установить, на основе чего сделан этот расчет.

¹²⁶ Обрезание монет в более ранний период (последняя четверть VI в.?) отмечено, например, в Чаганиане, что объясняется нехваткой серебра после прекращения притока сасанидских драхм [Ртвеладзе Э.В., 1987, с. 127].

державы, несомненно, задавал новые ориентиры для ведения обменных операций¹²⁷.

Считалось, что, будучи основной весовой единицей в мусульманской среде, базовый («египетский») *мискаль* составлял 4,68 г и на его основе на практике производился в том числе расчет веса монет [Хинц В., 1970, с. 13; Большаков О.Г., 2010, с. 157, 163]. При каноническом соотношении 10 : 7 на практике *мискаль* и *дирхам* соотносились пропорцией 3 : 2 [Хинц В., 1970, с. 11; Большаков О.Г., 2010, с. 155]. Это будто бы наглядно иллюстрирует имевший хождение в омейядское время, после реформы халифа Абд аль-Малика б. Марвана (685–705) в 695–698 гг., весовой *дирхам* (*дирхам аль-кайл*), равный 3,12(5) г. [Хинц В., 1970, с. 13; Большаков О.Г., 1984, с. 151; Большаков О.Г., 2010, с. 162]¹²⁸. Поскольку отмеченная в Самарканде драхма весом в 3,1(5) г почти соответствует омейядскому весовому *дирхаму*, этот факт служил бы аргументом в пользу сделанного О.И. Смирновой на основе данных самаркандского договора 712 г. предположения, что на тот момент «разницы между денежно-весовой драхмой и весовой не было» [Смирнова О.И., 1963, с. 50; Смирнова О.И., 1981, с. 67; Мусакаева А.А., 1997, с. 96]. Однако это выражение *дирхам аль-кайл* встречается, по-видимому, в более поздних текстах, а сам обозначаемый им размер не может быть установлен точно (см. обсуждение в кн.: [Bates M.L., 1991, с. 56]).

¹²⁷ Например, для Хорезма, несмотря на отсутствие известных находок на его территории арабских монет, Е.В. Зеймаль объясняет наблюдающееся на протяжении VIII в. уменьшение веса серебряных монет в условиях отсутствия бронзовых их преобразованием в легковесную разменную монету внутреннего пользования после введения полновесных арабских *дирхамов* [Zeimal' E.V., 1994, с. 263–264; Зеймаль Е.В., 1999, с. 206].

¹²⁸ Согласно В. Хинцу, канонический товарный весовой *мискаль* равнялся 4,46 г, что вычисляется из соотношения *мискаля* и к *дирхаму* 7 : 10 при каноническом значении *дирхама* 3,125 г [Хинц В., 1970, с. 13]. Эти вычисления легли в основу построений Е.А. Давидович и Б.И. Маршака [Давидович Е.А., Маршак Б.И., 1958, с. 82–83].

Это известный и значимый факт, что в первое время после завоевания арабы-мусульмане сохраняли на занятых ими территориях существовавшие практики денежного обращения и системы фискальных отношений, и соответственно на территориях, где ранее имела место власть Византийской империи, использовалось золото, на территориях бывшей Сасанидской империи — серебро [Cahen C., 1965, с. 396; Ashtor E., 1976, с. 83; Heidemann S., 1998, с. 95 сл.]. Потому одновременное бытование в западных и восточных провинциях Халифата двух монет разного достоинства, следуя устоявшимся местным стандартам, было, по всей видимости, временной мерой [Treadwell L., 2009, с. 365–366]. Опубликованные ранние арабские документы из коллекции Н.Д. Халили показывают, что в раннеисламском Хорасане, по-видимому, подати взимались серебром [Khan G., 2007, с. 48–49].

Для Ирана В. Хинц предполагал распространение на протяжении длительного времени значения практического мискаля в 4,3 г, соответственно сасанидской единице веса серебра [Хинц В., 1970, с. 15]. Для омейядского пореформенного арабского золотого динара исследователи определяют вес 4,25 г (или 4,27 г), с пробой не ниже 96%. Расчетный вес серебряного дирхама в этом случае, следуя его отношению к мискалю как 10 : 7, равен 2,97 г или 2,99 г, при реальном преобладании, однако, образцов весом от 2,85 до 2,95 г¹²⁹. Согласно изысканиям М. Бэйтса, в отличие от западных частей Халифата, где стандартом для золотых монет изначально стал византийский солид (4,55 г),

¹²⁹ См., напр.: [Шмидт А.Н., 1958, с. 446, 499, прим. 27; Ashtor E., 1961, с. 21; Большаков О.Г., 1984, с. 147–151; Большаков О.Г., 2010, с. 162; Miles G.C., 1991, с. 319–320]. Исходя из соображения о соотношении динара и дирхама в пропорции 10 : 7, В. Хинц принимает вес эталонного динара 4,235 г и выводит вес дирхама в 2,9645 г, что, согласно ему, было характерно как для Ирака, так и для Ирана [Хинц В., 1970, с. 11, 12], однако, во-первых, он говорит об аббасидском динаре, во-вторых, согласно О.Г. Большакову, не учитывает данных аль-Балазури об уменьшении веса динара в этот период [Большаков О.Г., 2010, с. 161–162].

замененный впоследствии в результате реформы халифа 'Абд аль-Малика новым динаром (4,25 г), в Иране арабами был принят позднесасанидский стандарт весом ок. 4 г, определивший новый размер мискаля. Новые дирхамы омейядского времени составляли 0,7 от восточного мискаля (т.е. 10 новых дирхамов приравнивались к 7 старым дирхамам по стандарту мискаля). Таким образом, пореформенный омейядский дирхам обычно составлял от 2,8 до 2,85 г, хотя встречались образцы и тяжелее (до 2,95 г), обусловленные расхождениями в стандарте мискаля. Позже, вероятно, в IX в., иранский мискаль был соотнесен с западным мискалем в 4,25 г, а весовой стандарт дирхама был установлен на уровне 0,7 мискаля, составив 2,975 г [Album S., Bates M.L., Floor W., 1993, с. 18; Gignoux P., Bates M., 1995, с. 426]¹³⁰. Другое решение предлагал К. Каэн, согласно которому вес серебряного дирхама в 2,97 г, не ориентированный на сасанидские драхмы (весившие примерно в три раза больше), был адаптирован под вес нового динара, равнявшийся 20 киратам, но стоившему 20 дирхамов, почему по новой системе динар приравнивался по стоимости к кирату, а уже далее был введен новый кират, соответствовавший 1/24 динара / мискаля [Cahen C., 1985, с. 20–21, прим. 1]. Ш. Хайдеманн считает, что основой для дирхама, вес которого он берет за ок. 2,9 г, составляющее 0,7 мискаля, стал не золотой мискаль в 4,25 г, а именно сасанидская драхма. Исходя из данных о наиболее распространенном весе позднеса-

¹³⁰ Первые образцы таких монет, возникших на основе позднесасанидских дирхамов и именуемых в научной литературе "Arab-Sasanian coins", начали появляться уже в 70-е гг. VII в. и продолжали выпускаться в дальнейшем вплоть до 85 г. х. / 14.01.704–01.01.705 гг. н.э. В 72 г. х. / 07.06.691–22.05.692 гг. появляется новый реформированный тип монет, чеканенных в Дамаске, в дальнейшем он распространяется на другие монетные дворы восточных провинций. Эти монеты значительно отличаются между собой по весу, при этом самые тяжелые образцы весят от 3,90 до 4,10 г, вероятно, отражая величину принятого в Иране мискаля. Возможно, уже здесь он варьировался в зависимости от местности [Bates M., 1986, с. 227]. См. еще: [Большаков О.Г., 1984, с. 145, рис. 20], где выходит пик 4,0 г.

санидской драхмы в 4,0–4,15 г, исследователь, проанализировав два крупных клада омейядского времени, содержание которых в одном случае на 83%, в другом на треть представлено сасанидскими драхмами, а также в разных пропорциях монетами сасанидского образца и омейядскими пореформенными дирхамами, допустил, что драхмы в этих случаях, как это известно в ряде других, были обрезаны, характеризуясь пиком в 3,85–3,90 г; более тяжелые монеты сасанидского образца показывают пик в 3,90 г, в то же время монеты меньшего веса показывают пик 3,05 и 2,75 г, давая усредненный показатель 2,90 г. Этот пример демонстрирует не только то, что и после падения персидской державы сасанидские драхмы продолжали функционирование в восточных провинциях Халифата. Исследователь еще предполагает, что в период после завоевания и до реформы 78–79 гг. х. / 697–699 гг. н.э. наблюдалась тенденция снижения веса тяжелых монет [Heidemann S., 1998, с. 100–101, 105]. Другие исследователи приводят также аргументы, что взятый по образцу сасанидской драхмы омейядский дирхам, составляя от нее 0,7, весил 2,87 г, а уже в аббасидское время его вес был увеличен до 2,97 г, установив тем самым известное весовое соотношение динара или мискаля к дирхаму в пропорции 7 : 10, ставшее каноническим и официальным, независимо от реального веса монет [Darley-Dogan R.E., Stoetzer W., 2002, с. 198]. Недавно Н. Шиндел выдвинул гипотезу, согласно которой уже первые сасанидские шахи чеканили золотую монету весом в 4,25 г, и одновременно постепенно возрастал весовой стандарт серебряной драхмы — с 3,7 до 4,25 г, и только при Перозе I (459–484) стандарты были уменьшены до 3,7 г для динара и 4,2 г для драхмы соответственно. Эталонная масса рассчитывалась исходя из 20 сиро-арабских каратов в 0,212 г, т.е. это не имело отношения к античной традиции, а впоследствии было использовано при расчете веса эталонного омейядского динара, также равного 4,25 г [Schindel N., 2006, с. 109–113]. Это подводило бы к стандарту дирхама примерно в 2,97 г, составлявшего 0,7 мискаля.

У ат-Табари есть сообщение касательно 18-го года правления Хосрова II (23.06.607–21.06.608), когда его казна получила с фискальных сборов и прочих доходов сумму в серебряных монетах (*аль-уарик*) общим весом в 420 млн мискалей, что, следуя тексту источника, согласно соотношению мискаля к дирхаму 7 : 10, эквивалентно 600 млн дирхамов. Далее сообщается, что монетами Пероза I и Кавада I было доставлено еще 12 тыс. мешков (? — *badrah*), каждый из которых содержал 4 тыс. мискалей в монетах, и всего вышло 48 млн мискалей, что, следуя пропорции 7 : 10, соответствовало 68.571.42[8] с половиной и третьей частью дирхама [The History..., 1999, с. 377–378]. Здесь, как указал уже Т. Нёльдеке, мискаль в этом контексте по весу соответствует дирхаму [Nöldeke T., 1879, с. 355, прим. 1]. Некоторые аргументы Т. Нёльдеке в связи с учетом других мер веса скорректировал Я.А. Манандян, предложив *badrah* переводить не как ‘Beutel’, а видеть здесь единицу *rayvasik*, которую Анания Ширакаци приравнивает к 50 *литрам*, что, по Я.А. Манандяну, 16,320 кг в весе. Следовательно, у ат-Табари *пайвасик* был бы равен 4 тыс. сасанидских драхм, и, как отметил армянский исследователь, мискаль, таким образом, по весу соответствовал сасанидской драхме [Манандян Я.А., 1930, с. 172–175; Manandyan Н.Н., 1930, с. 43–46; Manandyan Н.Н., 1981, с. 119–121]¹³¹. В. Хеннинг на основе анализа пехлевийских надписей на сосудах пришел к заключению о том, что по меньшей мере в конце VIII в. существовала весовая драхма (*dra(h)m-sang*), равная 2,97 г, что отсылает к стандартам Халифата [Henning W.B., 1959, с. 134]. Существование других весовых единиц было выявлено в результате прочтений надписей на сосудах В.А. Лившицем и В.Г. Лукониным [Лившиц В.А.,

¹³¹ Другое разъяснение состоит в том, что “conventionally, a *badrah* in early Islamic times contained ten thousand dirhams; but on the equivalence of seven mithqāls in weight equaling ten dirhams, these Sāsānid purses contained 5,720 dirhams” [The History ..., 1999, с. 377, прим. 935]. Это не противоречит наблюдениям Я.А. Манандяна, потому что при учете пропорции 7 : 10 полученное формальным расчетом последнее число дирхамов дало бы 4.000.

Луконин В.Г., 1964]. Среди них, как предполагает, в частности, А.Г. Мухамадиев, по крайней мере, в позднеасанидский период, весовая драхма в 4,26 г [Лившиц В.А., Луконин В.Г., 1964, с. 161–163, 176; Мухамадиев А.Г., 1990, с. 73, 147].

В условиях отсутствия обобщающих сводок по омейядскому нумизматическому материалу исследователи в попытках соотнести сведения письменных источников с нумизматическими данными оперируют статистическими выкладками, основанными на ограниченном материале, дающем в каждом частном случае разнящиеся в количественном отношении показатели веса дирхамов. Некоторые авторы подмечают следующую деталь, снимающую, по-видимому, некоторые противоречия. Как динары, так и дирхамы отличались высоким содержанием соответствующего драгоценного металла и предназначались для закрепления тех или иных ценовых стандартов. На практике установление и поддержание фиксированного соотношения стоимости золота и серебра было невозможно, поскольку их покупательная способность определялась местным спросом и предложением. Обменный курс мог регулироваться принудительно властями, заинтересованными в удовлетворении податных потребностей [Darley-Doran R.E., Stoetzer W., 2002, с. 198]¹³².

¹³² Исходя из веса эталонного динара в 4,25 г, дирхама в 2,97 г, выдвигались следующие суждения. По мнению Р. Грирсона, сведения о приравнении в раннеисламский период динара к 10 или 12 дирхамам отражают реальные представления о соотношении стоимости золота и серебра, соответственно как 1 : 8,8 и 1 : 10,5, при этом пропорция 1 : 10, известная позднее, является искусственной, созданной для облегчения фискальных операций; уже в пореформенный период, в связи с повышенным доступом арабов к золоту, это соотношение изменилось на 1 : 14, что отразилось в приравнении нового динара и 20 дирхамов [Grierson P., 1960, с. 257–260]. Как полагает Э. Аштор, в омейядское и раннеаббасидское время курс золота к серебру на Ближнем Востоке составлял 1 : 8,5, что демонстрируется соответствием 1 динару не менее 10 дирхамов; такая пропорция имела место до открытия доступа к суданским рудникам, приведшим к некоторому снижению закупочной цены золота, что дало соотношение 1 : 8,4, вытекающему из соответствия одному динару 12 дирхамов [Ashtor E., 1976, с. 84]. По предположению

Вопрос о соотношении стоимости золота и серебра в разных регионах мог бы позволить решить некоторые проблемы. У нас нет точных данных об империи Тан¹³³. Независимо от того,

К. Каэна, исходя из данных ранних источников (документы на папирусе, свидетельство аль-Балазури), пореформенный динар стоил 20 дирхамов по обменному курсу при весовом соотношении 7 : 10, что дает сравнительную стоимость золота и серебра в 14 : 1, а это, в общем, соответствует коэффициенту 14,40, имевшему место в восточных владениях Византийской империи. Реформа Абд аль-Малика, таким образом, лишь стабилизировала имевшийся в регионе курс [Cahen С., 1985, с. 18–20, 24]. Согласно И. Бланхарду, в период 634–695/710 гг. на Ближнем Востоке произошло падение цен на золото и рост цен на серебро, приведшие к изменению имевшегося (в правление халифа Умара, 634–644 гг.) соотношения стоимости золота и серебра 1 : 12 на 1 : 9–10. Реформа Абд аль-Малика способствовала принудительному снижению стоимости монетного серебра, чтобы компенсировать падение уровня платежеспособности части населения, делавшей выплаты серебром. В дальнейшем это обусловило накопление обесцененных серебряных монет и снижение межрегионального денежного обмена, однако увеличение поступлений золота привело в итоге к утрате позиций серебра на всей территории Халифата [Blanchard I., 2001, с. 170–171]. И. Бланхард приводит график, согласно которому отследить динамику соотношения стоимости золота и серебра в мусульманской Средней Азии оказывается возможным лишь с рубежа VIII–IX вв., когда с коэффициента 15 оно в течение полувека поднимается до 16, плавно опускаясь в течение последующего столетия и уже к середине X в. резко падая до 11,6–12 : 1, постепенно снижаясь в дальнейшем [Blanchard I., 2001, с. 185, фиг. 5.2]. Однако, Э.М. Уотсон, на сведениях которого основана эта схема, опирался на данные С. Болина и Р. Грирсона [Watson А.М., 1967, с. 27, табл. 2], второй из которых сам критиковал умозрительные выводы о пропорциях 1 : 10 и 1 : 12 [Grierson P., 1960, с. 257], что подтверждено К. Каэном [Cahen С., 1965, с. 395–397]. Впрочем, Э.М. Уотсон и сам признает условность этих построений.

¹³³ У нас нет точных источниковых данных о Китае, но, например, в Японии в 760 г. известно соотношение разменной цены золота и серебра 1 : 10 при одинаковом весе монет (аналогично для серебра и бронзы), что ставится под сомнение, поскольку предполагается, что в Танской империи соотношение стоимости золота и серебра было между 1 : 5 и 1 : 6, ведь в ханьскую эпоху (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) оно составляло 1 : 5 и, вероятно, таким же было в эпоху Южных и Северных династий (420–589 гг.), а в эпоху Северной Сун (960–1127) измерялось в среднем как 1 : 6,25. Касательно танской эпохи есть лишь косвенное свидетельство о получении 100.000 монет за 1 *цзинь* золота, т.е. 6.000–7.000 монет за 1 *лян*, что, вероятно, относится ко времени после

каким было соотношение стоимости золота и серебра в Византийской империи в VII в., 1 : 18 или 1 : 14,4 (см.: [Grierson P., 1960, с. 258, 262; Cahen C., 1985, с. 18–19; Peng Xinwei, 1994, с. 282; Morrison C., 2002, с. 928]), даже если в Халифате, по мнению некоторых специалистов, и существовала какая-то близкая пропорция, то в Танской империи это соотношение в любом случае было значительно меньше, что не могло не отразиться на ситуации в Восточном Туркестане и Средней Азии 2-й половины VII — 1-й половины VIII в., и лишь после этого там могли иметь место какие-то изменения.

В бактрийских документах упоминаются динары ($\delta\nu\alpha\rho\omicron$, $\delta\delta\nu\alpha\rho\omicron$, также сокращенно $\delta\iota$) и драхмы ($\delta\rho\alpha\chi\mu\omicron$, $\delta\delta\rho\alpha\chi\mu\omicron$) [Sims-Williams N., 2012, с. 190 (Index)]¹³⁴. Понимание первого затруднено [Schindel N., 2006, с. 120]. В качестве средства платы «золотые ... динары» или в переводе Н. Симс-Вильямса ‘dinars of struck gold’ ($\zeta\alpha\rho\zeta\iota\delta\upsilon\omicron$... $\delta\nu\alpha\rho\omicron$) упоминаются уже в самом раннем датированном документе А, стк. 21, 32 (110 г. б.¹³⁵ / 332 г. н.э.) [Sims-Williams N., 2012, с. 28, 29], и так далее¹³⁶.

потрясений 50-х гг. VIII в., когда подскочили цены, ведь в эру правления *кай-чэн* (836–840) за 1 *лян* золота существовал рыночный стандарт в 5.530 монет (что не должно быть ниже уровня до 50-х гг. VIII в.), а позже цена выросла до 8.000 монет. Только в 820 г., когда наблюдалось падение цен из-за нехватки бронзовой монеты, соотношение стоимости золота и серебру было 1 : 10. В эру правления *кай-чэн* (836–840), таким образом, следуя пропорции 1 : 5–6, за 1 *лян* серебра давали ли бы от 800–900 до 1.100–1.200 бронзовых монет, в течение X в. цена 1 *лян* серебра составляла ок. 1.000 монет [Peng Xinwei, 1994, с. 208, 281–282, 432–434] (для арабов китайский исследователь также принимает пропорцию 1 : 6). Для ранней и поздней династии Тан (т.е. исключая события после 50-х гг. VIII в.) Пэн Синь-вэй переводит стоимость 1 рулона *необработанного тонкого шелка* (*цзюань*) в 0,5 или 0,6 *лян* серебра [Peng Xinwei, 1994, с. 429].

¹³⁴ См. также филологический комментарий в кн.: [Sims-Williams N., 2001, с. 25].

¹³⁵ Здесь и далее это написание используется для обозначения года бактрийской эры.

¹³⁶ См., напр., документ С, стк. 18 = стк. 17' (157 г. б. / 370 г. н.э.), о дарении недвижимости [Sims-Williams N., 2012, с. 34, 35]; документ F,

Интересны два недатированных документа. В документе с сиглой ај приведены следующие цены: трижды упомянуто, что за корову (γᾰοί) дается 1 динар и в одном случае за лошадь (ἰᾰσπο) — 10 динаров [Sims-Williams N., 2012, с. 160, 161]. Другой документ, с сиглой аI, плохо сохранившийся, но, видимо, представляет собой какой-то финансовый отчет, с упоминанием эфталитов (ηβ[οδα-]λανο) и персов (παρ[σ]ιγᾰνο), находящихся на постое. Здесь, среди перечня прочих расходов, исчисляемых в динарах и драмах, упоминаются 5 драм (δδραχμο), заплаченных за умершего коня (ᾰσπο) эфталитов (стк. 22–23) [Sims-Williams N., 2012, с. 162, 163].

Если остановиться на датированных источниках VII–VIII вв., получается следующая картина. Документ L, договор о приобретении имущества (379 г. б. / 602 г. н.э.), упоминает о продаже земли за 20 «золотых динаров» (ζαροζιδαυο δδιναρο) (стк. 21 = стк. 16') и о необходимости в случае нарушения своих обязательств со стороны продавших уплаты ими 40 «золотых динаров» (ζαροζιδαυο δδιναρο) в «царскую казну» (γαζνο βαουγᾰνο) и противоборствующей стороне (стк. 33 = L, стк. 27') [Sims-Williams N., 2012, с. 60, 61, 66, 67]. В документе N (407 г. б. / 630 г. н.э.) 1.000 динаров назначается как штраф в случае нарушения заключенного мира в результате договоренности между враждующими домами, являющимися подданными *хара* Роба (стк. 19, 20 = стк. 10'). Сказано, что по 1.000 «золотых динаров» (δδιναρο ζαρο) будет выплачено в казну *хара* Роба и пострадавшей стороне, если другая каким-то образом нарушит заключенный мир (стк. 24 = N, стк. 16') [Sims-Williams N., 2012, с. 68, 69, 70, 71]. В документе Nn (составленном в 436 г. б. / 659 г. н.э.), где речь также идет о выплатах кагану, упоминается о продаже земли за 25 «золотых чеканенных правите-

стк. 18 = стк. 17' (247 г. б. / 470 г. н.э.) [Sims-Williams N., 2012, с. 40, 41]; документ J, стк. 16, 26, 27 = стк. 10', 24' (295 г. б. / 518 г. н.э.) [Sims-Williams N., 2012, с. 52, 53, 54, 55]. Некоторые наблюдения о денежном обращении, сделанные на основе бактрийских документов, см.: [Rezakhani Kh., 2010, с. 201–202; Waghmar B., 2010, с. 252–253].

лем динаров» (ζαρο βαουζιδαυο δδιναρο) (стк. 17 = Nn, стк. 13'), ниже упоминается об обязательстве в случае возникновения претензий бывшего владельца к новому с его стороны заплатить штраф в 50 «золотых чеканенных правителем (?) динаров» (ζαρο βαουζιδαυο δδιναρο) в «сокровищницу Гозгана» (γαζο γωζαναυγο) и 50 динаров обиженному покупателю, а также обязательство платить его потомкам (стк. 27 = Nn, стк. 19') [Sims-Williams N., 2001, с. 12, 13; Sims-Williams N., 2005, с. 193, 194, 195; Sims-Williams N., 2012, с. 76, 77, 78, 79]. В документе P, стк. 7 = P, стк. 13' (446 г. б. / 669 г. н.э.), за раба дается три драхмы (δραχμο), а далее драхмы (δραχμο) фигурируют в целом как деньги (стк. 18') [Sims-Williams N., 2012, с. 84, 85, 86, 87]. В документе Q (449 г. б. / 671 г. н.э.) в качестве предмета займа упоминаются «драхмы Кавада из серебра» (δδραχμο каооадо оциво) (стк. 13–14), «хорошие, местные персидские» (ριζο γωδαυο οιζινδδιγο парсау[γo]) (стк. 16), с обязанностью отдавать по 2 драхмы (δδραχμο) в месяц (стк. 24–25), а в случае необходимости вернуть все 40 и в случае неустойки заплатить 80 «персидских драхм» (δδραχμο парасауγο) (стк. 30) [Sims-Williams N., 2012, с. 88, 89, 90, 91]. В документе R, стк. 18, 19, договоре о примирении (452 г. б. / 675 г. н.э.) указывается, что в случае нарушения необходимо будет заплатить 1.000 «драхм Кавада» (δραχμο каооадо) в казну *сепа* (σηρο) Гозгана, 1.000 «драхм Кавада» противоборствующей стороне [Sims-Williams N., 2012, с. 93, 94]. В документе S, стк. 26 (470 г. б. / 693 г. н.э.), говорится об обязанности в случае нарушения мира заплатить 200 «драхм Кавада» (δδραχμο кооадо) в судебную казну и 200 «драхм Кавада» (δδραχμο коадо) противоборствующей стороне [Sims-Williams N., 2012, с. 94, 95]. В документе T, стк. 19 = T, стк. 19', регистрирующем пожалование (478 г. б. / 700 г.), указывается, что любой посягнувший на здоровье и имущество покупателя должен будет заплатить 100 «золотых динаров» (ζαροζιδαυο διναρο) в сокровищницу *бредага* (? γαζανο βρηδαυο)¹³⁷ и столько

¹³⁷ Слово βρηδαυο недостаточно понятно исследователям. О контекстах, значении и этимологии слова см.: [Sims-Williams N., 2010, с. 53].

же противоборствующей стороне [Sims-Williams N., 2012, с. 102, 103]. В документе U, стк. 25 = U, стк. 25'–26' (490 г. б. / 712 г. н.э.) указано, что посягнувший на права владения, предоставленные некоему человеку этим документом, должен будет заплатить 100 «золотых динаров» (ζαροῦδαυο δδιναρο) в сокровищницу *бретага* (?) и 500 драхм (δδραχμο) противоборствующей стороне [Sims-Williams N., 2012, с. 113]. В документе V, договоре о продаже имущества (507 г. б. / 729 г. н.э.), а именно — деревни, сказано, что она продана за 100 и 50 «арабских драхм из серебра» (δδραχμο таζαυο σциγυο), «хороших, местных» (ριζυο ωδαυο οιζινδδιυο) (стк. 11–12 = 10'), в случае нарушения своих обязательств со стороны продавших они должны будут заплатить 300 «арабских драхм из серебра» (δδραχμο таζαυο σциγυο), «хороших, местных» (ριζυο ωδαυο οιζινδδιυο), в сокровищницу *бретага* и столько же противоборствующей стороне (стк. 38 = 43') [Sims-Williams N., 2012, с. 116, 117, 122, 123, 124]. В документе W, договоре на приобретение недвижимости (525 г. б. / 748 г. н.э.) «арабские драхмы из серебра» (δδραχμο таζαυο σциγυο), «хорошие, местные» (ριζυο ωδαυο οιζινδδιυο), в количестве 60 фигурируют как средство приобретения (стк. 10–11 = стк. 9'), далее драхмы (δδραχμο) упоминаются в фигуральном значении (стк. 22 = стк. 20'), и в конце говорится, что посягнувшие на имущество из продавших его ранее должны будут заплатить «арабские драхмы из серебра» (δδραχμο таζαυο σциγυο), «хорошие, местные» (ριζυο ωδαυο οιζινδδιυο) в количестве 100 и 20 в сокровищницу *бретага* и столько же противоборствующей стороне (стк. 31 = стк. 31') [Sims-Williams N., 2012, с. 128, 129, 130, 131, 132, 133]¹³⁸. В документе X, стк. 27–28 = 28'–30' (527 г. б. / 749 г. н.э.) упоминается о необходимости выплатить со стороны продавцов имущества в случае 100 «чеканенных золотом динаров» (ζαρζιδυο διναρο) в сокровищницу *бретага* и столько же противоборствующей стороны [Sims-Williams N., 2012, с. 140,

¹³⁸ Как видно из документов L, Nn, Q, V и W, сумма неустойки или штрафа одной стороне вдвое превышает исходную сумму, будь то цена за недвижимость или сумма долга.

141]. В документе Y, стк. 25, декларации об охранительной грамоте (549 г. б. / 771 г. н.э.), говорится, что всякий, посягнувший на получившего ее человека, должен будет заплатить 100 «золотых динаров» (ζαροζιδ(α)γο διναρο) [Sims-Williams N., 2012, с. 142, 143].

Как видно, уже изначально в документах фигурируют «золотые динары», но в документе 436 г. б. / 659 г. н.э. (Nn) появляются «золотые чеканенные правителем (?) динары» (ζαρο βαυοζιδ(α)γο δδιναρο)¹³⁹. Нельзя не заметить, что выплаты ими, в общем, соизмеримы с цифрами, названными в документе 379 г. б. / 602 г. н.э. (L). На этом фоне упомянутая в документе 407 г. б. / 630 г. н.э. (N) сумма в качестве платы за нарушение мира в 1.000 динаров выглядит значительной (можно думать, это обуславливало гарантии). С 449 г. б. / 681 г. н.э. (Q) в текстах появляются «драхмы Кавада (из серебра)»¹⁴⁰, они же «персидские драхмы». Плата за нарушение мира в документе 452 г. б. / 675 г. н.э. (R) в 1.000 «драхм Кавада», а чуть менее двух десятков лет спустя, в 470 г. б. / 693 г. н.э. (S), «цена мира» измеряется уже в 200 «драхмах Кавада». В документах VIII в. появляются «араб-

¹³⁹ Как отмечает Н. Симс-Вильямс, «βαυοζιδ(α)γο “(coin) struck by the king” is not found in any other document so far known, the usual term being ζαροζιδ(α)γο “(coin) struck in gold” » [Sims-Williams N., 2001, с. 23]. Ср.: βαγο ‘god; (in Y11) lord’ < *baga- [Sims-Williams N., 2012, с. 184].

¹⁴⁰ Серебряные монеты на территории Кабулистана и Забулистана, прототипом которых явились драхмы Кавада I, известны во второй половине VII в., так и во второй четверти VIII в. и, по всей видимости, связаны с династией Кабул шахов [Göbl R., 1967, Bd. I, с. 20, прим. 44, с. 179, № 260–261, с. 181–182, № 264, с. 205; Göbl R., 1967, Bd. II, с. 94]. См., однако, еще в документе M, стк. 3 (388 г. б. / 611 г. н.э.) упоминание о займе трех «драхм Кавада» (δδραχμο коаδαγο) [Sims-Williams N., 2012, с. 72, 73]. При этом в тексте-палимпсесте там упоминаются еще суммы в 17 динаров (m, стк. 1, 13, 17).

Существует мнение, что упоминание в бактрийских текстах «драхм Кавада» связано с тем, что серебряные монеты, полученные некогда эфталитами от Кавада I как дань, продолжали циркулировать в Тохаристане вплоть до VIII в., в то время как драхмы Пероза I, также платившиеся им после поражения, понесенного в 474 г., были впоследствии эфталитами перечеканены. Имитации этих монет хорошо известны здесь [Rezakhani Kh., 2017, с. 140].

ские драхмы из серебра» и «золотые динары». По крайней мере, для документа 490 г. б. / 712 г. н.э. (U) можно было бы предполагать, что «золотые динары» уже связаны с омейядскими монетами, но неясно, что за драхмы указаны рядом с ними; вероятно, также некие арабские дирхамы, о которых идет речь в документе 507 г. б. / 729 г. н.э. (V), которые могут оказаться т.н. «арабо-сасанидскими» драхмами¹⁴¹. Арабский документ № 32, составленный в 148 г. х. / 27.02.765–15.02.766 гг. н.э., фиксирующий освобождение невольника, также упоминает *дирхама бид накд ан-нас* (стк. 6) «дирхамы, чистые, употребляющиеся среди людей» (в переводе Дж. Хана 'dirhams, white, currency of the people') [Khan G., 2007, с. 162, 163, 164]. Сопоставление сведений этих документов позволило Дж. Хану предположить, что наименование дирхамов в бактрийских документах (Q, V, W) «хорошими» (ῥιζῦο)¹⁴² может быть соотнесено с арабским *абйад* 'белый', имеющим антоним *аурак* 'черный' (т.е. с эпитетами для дирхамов, известными в других источниках) и подразумевающим высокий состав серебра, наименование же в бактрийском тексте их «местными» (ωδαῦο οἰζῖνδδῖο)¹⁴³, а в арабском «употребляющимися среди людей», свидетельствует, что речь идет о каком-то типе монет, присущем данной местности, и тем самым это определение косвенно подразумевает бытование еще какого-то типа монет — «не-местных» (см.: [Khan G., 2007, с. 62]). Итак, в бактрийском документе Q речь идет о персидских драхмах, в документах V и W — об арабских дирхамах.

Уже в арабском документе № 1 (147 г. х. / 10.03.764–27.02.765 гг. н.э.) Мир б. Бик платит *харадж* в размере 10 дирхамов, в бактрийском тексте W (525 г. б. / 747 г. н.э.) этот же человек вместе со своим братом покупает землю за 60 драхм, «хороших местных» (стк. 11), а согласно арабским документам № 27 (149 г. х. /

¹⁴¹ См. по этому поводу: [Bates M., 1986, с. 227].

¹⁴² О семантике слова см.: [Sims-Williams N., 2012, с. 213].

¹⁴³ Н. Симс-Вильямс предлагает οἰζῖνδδῖο 'current, in use', ωδαῦο οἰζῖνδδῖο 'locally current' [Sims-Williams N., 2012, с. 213].

16.02.766–06.02.767 г. н.э.) и № 28 (без даты, но примерно того же времени), он дает в качестве приданого своей дочери 500 дирхамов, но из документа № 26 видно, что вначале он дает 70 дирхамов, где, как сказано в стк. 5 и 8–9, «сто к двадцати» (*'liyyat 'alayu'a 'ašriyyan*); из этого Дж. Хан делает вывод, что здесь в последнем случае речь идет о низкокачественных дирхамах, стоимость которых составляет пятую часть от полноценных дирхамов [Khan G., 2007, с. 52, 146].

Несмотря на некоторые разногласия в видении его значения, исследователями сегодня предполагается, что стандарт арабского дирхама в восточной части Халифата, как и его отношение к динару, не менялись до начала IX в. [Gignoux P., Bates M., 1995, с. 426; Darley-Doran R.E., Stoetzer W., 2002, с. 198–199]. Из документов, изданных и проанализированных Дж. Ханом, следует, что именно серебряный 'аббасидский дирхам (т.е. с содержанием серебра не ниже 95%)¹⁴⁴ соотносился по обменному курсу с какими-то местными серебряными монетами в пропорции 1 : 5. Среди найденных, например, в Северном Тохаристане имитаций сасанидских драхм наблюдается ареальное преобладание монет, восходящих к разным прототипам и имеющих расхождения в весе, который при этом значительно ниже веса исходных образцов [Ртвеладзе Э.В., 1987, с. 127]¹⁴⁵; потому предполагается,

¹⁴⁴ Мы исходим из данных химического анализа 'аббасидских дирхамов с самой нижней датой 776/777 г., ок. 95%, см.: [Noonan Th.S., 1980, с. 431–433]. Впрочем, в провинциальных образцах есть и более низкая проба, чем даже 80% [Al-Kofahi M.M., Al-Tarawneh K.F., Shobaki J.M., 1997]. О.Г. Большаков отмечает понижение содержания серебра на 5–6% [Большаков О.Г., 1984, с. 157].

¹⁴⁵ По Е.В. Зеймалю, выделяющему «чаганианский» и «вахшский» ареалы распространения местных типов монет, условная граница между ними проходит в Гиссарской долине [Zeimal' E.V., 1994, с. 255; Зеймаль Е.В., 1999, с. 197]. Возможно, это соотносится с двумя владениями, которые можно выделить по письменным источникам [Litvinsky V.A., 1996, с. 149–150]. Согласно данным Э.В. Ртвеладзе, можно говорить, с одной стороны, о Чаганиане, где ходили драхмы шаха Хосрова I Ануширвана (531–579) и их подражания (тип 295) весом 2,4–2,5 г, с другой — о Гуфтане (долина Шерабад-Дарьи) и Термезе, где неизвестны находки оригинальных драхм, но получили рас-

что здесь монеты обращались внутри определенных замкнутых территорий без учета их веса, и лишь при использовании за пределами этих пространств их стоимость и обменный курс определялись долей содержания серебра в них [Zeimal' E.V., 1994, с. 255; Зеймаль Е.В., 1999, с. 197]. Для Южного Тохаристана, на основе бактрийских документов, можно предположить, что упомянутые в доисламский период «драхмы хорошие, местные персидские» или «драхмы Кавада» — это как раз полновесные сасанидские монеты, соседствующие, по-видимому, с местными имитациями. При этом мы можем видеть, что для того же Северного Тохаристана характерна тенденция уменьшения доли серебра в монетах-имитациях в период конца V — VIII в. [Ртвеладзе Э.В., 1987, с. 127]. Недостаточно ясная на сегодняшний день хронология еще, по-видимому, неоднократно будет уточняться, но логично было бы предположить, что такая же ситуация была и в Южном Тохаристане, а 'аббасидские реформаторы, вероятно, исходили из местных «тяжелых» монет с содержанием серебра ок. 50–60%. И все же курс 1 : 5 не обязательно должен был быть обусловлен составом сплавов. Для сравнения можно привести отмеченный О.И. Смирновой факт, что на ходившие в Средней Азии в период халифа аль-Махди (775–785) дирхамы, чеканенные на медной основе, нанесена дополнительная надпись *бах бах* 'отлично', 'хорошо', и это, по мнению исследовательницы, санкционировало их «доброкачественность», свидетельствуя тем самым о принудительном курсе [Смирнова О.И., 1981, с. 65–66].

Мы возвращаемся к тому, что названные в самаркандском договоре 712 г. расценки, где мискаль червонного золота приравнен к 20 дирхамам, а при выплатах чистым серебром мискаль идет за мискал, могут быть интерпретированы (следуя А. Най-

пространение имитации шаха Пероза I (459–484), в дальнейшем субэратные (типа 287, 288, 289, по Р. Гёблю) [Ртвеладзе Э.В., 1987, с. 126–127], что напоминает ситуацию в Вахше (Хутталь), где широко встречаются находки имитаций Пероза I иного типа (тип 290) весом (по данным городища Чоргультепе) 1,7–2,1 г [Зеймаль Е.В., 1995, с. 125].

марку) именно как указание на соотношение стоимости высокопробных золотых динаров с местными «бухархудатскими» дирхамами, не рассматривавшимися как созданные из чистого серебра; при выплатах же чистым серебром мискаль приравнивается к мискалю потому, что на этих территориях имело широкое обращение именно серебро.

Выходило бы, что стандарту золотого омейядского динара соответствовала бы сасанидская драхма, либо 20 местных серебряных монет. Это, в общем, вполне отвечало бы наблюдению, что вес десяти омейядских дирхамов (2,8 г или 2,975 г) соотносился бы с весом семи сасанидских драхм (соответственно 4 г или 4,25 г), следуя стандарту мискаля. Однако сасанидские и «бухархудатские» серебряные монеты, формально соотносящиеся в этом случае по весу, в зависимости от выбранного показателя первых, как 4 : 5 или, скорее, 3 : 4, даже с учетом доли содержания в них серебра (85–95% vs > 68,79%), приближаясь к 1 : 2, едва ли могут быть увязаны между собой по какой-то формуле, исходя из имеющихся цифр. Потому следует считать, что речь идет об установлении для них принудительного курса безотносительно к составу сплавов монет. Если тогда к золотому динару фактически приравнивалась сасанидская драхма, с соотношением с омейядскими дирхамами 7 : 10, по весовому стандарту мискаля, соответственно, с «бухархудатскими» драхмами было бы 1 : 20. В этом случае косвенно вытекает, что фактически арабский дирхам соответствовал бы по стоимости 14 «бухархудатским». Конечно, мы не можем быть уверены в реальном обменном курсе. Но и если даже следовать предположению, что имело место практическое соотношение мискаля и дирхама 2 : 3, и если за две сасанидские драхмы давали три арабских дирхама, то это не сильно повлияло бы на теоретическое соотношение стоимости последних с «бухархудатскими» драхмами; при этом с учетом доли серебра была бы пропорция 3 : 4 или 1 : 1,4¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Интересно могут быть сопоставлены названная в недатированном бактрийском документе а) цена за лошадь (агло) в 10 динаров и цена за лошадь в

Можно думать, что курс местной драхмы принудительно снижен в десять раз.

Логично думать, что все дирхамы, упоминаемые в договоре 712 г., должны быть единого стандарта, то есть, значит, «бухархудатскими» драхмами. Отсюда названная там стоимость отреза (*шикка*) шелка (*аль-харира*) в 28 дирхамов должна измеряться в них же и не обязательно сопоставляться с ценой за такой же отрез шелка в 25 дирхамов, которую упомянул ат-Табари на 739 г., где речь должна идти уже об арабских или еще сасанидских серебряных монетах¹⁴⁷. Возвращаясь к данным Ибн А'сама аль-Куфи, это не значит, что в его случае такой отрез шелка в 28 местных драхм стоил бы 1,4 сасанидских драхмы или 2 омейядских дирхама, поскольку, скорее всего, фиксируется стоимость, близкая к бытующей на момент заключения договора, только которым и был установлен принудительный курс. Скорее, было бы ожидать, соответственно, 14 и 20 монет.

Е.А. Давидович, исходя из того, что по договору 712 г. Самарканд должен был ежегодно платить мусульманам 200.000 дирхамов, а Ибн Хордадбех, писавший на полтора столетия позже, называет сумму в 1.089.000 дирхамов, считала возможным допустить в этом случае пересчет на дирхамы *мухаммади* (см. ниже), что, следовательно, дает соотношение серебряного дирхама к дирхаму *мухаммади* примерно 1 : 5,5; однако не исключается, что ко времени Ибн Хордадбега сумма выплат могла стать больше, следовательно, курс последнего ранее мог быть выше

мугском документе А-5 в 200 драхм. Если бы мы были уверены, что документы синхронны, то, абстрагированно от контекста, некий 1 динар приравнялся бы к 20 драхмам, что соответствует коэффициенту мискаля для местных монет, указанному в самаркандском договоре, 712 г. Тогда можно было бы предполагать существование в Согдиане и Тохаристане некоей «универсальной» единицы, *динара*, сопоставимой в итоге с омейядским показателем.

¹⁴⁷ Впрочем, у этого автора не всегда легко идентифицировать упоминаемые им дирхамы, хотя, по крайней мере, наличие «бухарских дирхамов» он однажды отмечает в тексте особо [История ..., 1987, с. 220; The History ..., 1989, с. 88].

[Давидович Е.А., 1966, с. 120, 121]. В общем-то, учитывая различные вариации курса во времени, это соотношение допустимо для сопоставления с названным выше курсом 1 : 5 для арабских дирхамов и местных низкопробных монет в Южном Тохаристане в середине VIII в.

Это важное наблюдение позволяет выдвинуть два предположения: либо рассчитанный курс омейядских дирхамов к «бухархудатским» драхмам 1 : 14 на 712 г. мог отражать какое-то временное и, возможно, *кратковременное* явление (например, до восстания 728–729 гг.); либо реальный обменный курс «бухархудатских» драхм в отношении как сасанидских драхм, так и омейядских дирхамов не был столь значительным, как дают гипотетические расчеты.

Сюда может быть привязана интерпретация упоминавшегося выше эпизода 87 г. х. / 706 г. н.э., когда при осаде Пайкенда один старик предлагал за себя выкуп в 5.000 китайского шелка стоимостью в миллион [История ..., 1987, с. 117; The History ..., 1990, с. 136–137]. Как говорилось, мы не знаем о размерах ткани, ее качестве и о каких денежных единицах шла речь, но формально можно понять это так, что за рулон шелка предлагалось 200 дирхамов. Сомнения по поводу достоверности этих расценок могут быть парированы, если предположить, что имеются в виду как раз местные драхмы. Формально следуя данным договора 712 г., рулон стоил бы 10 сасанидских драхм, но, вероятно, на тот момент гораздо больше, снова учитывая, что как раз только этот договор устанавливает принудительный обменный курс для местной валюты. Может быть, учитывая весовое соотношение сасанидской и «бухархудатской» драхмы, ок. 28 монет. Опять же речь может идти о рулонах обработанного шелка, рыночная цена которого, как упоминалось много выше, в 3–4 раза выше необработанного, что допускает сопоставление с упомянутой в 712 г. ценой в 28 дирхамов. Высказывалось противоположное мнение, что это может быть шелк-сырец [La Vaissière É. de, 2005, с. 268, прим. 12].

Как было передано ат-Табари, Кутайба, возвратившись из похода, каждый год¹⁴⁸ покупал 12 кобыл (*исна ‘ашар фарасан мин джийад аль-хайль*) и 12 одnogорбых верблюдиц (*исна ‘ашар хаджинан*), платя за них не менее 4.000 [дирхамов?] (*ла йужау-изу би-ль-фарас арба‘ат алаф*) [Annales ..., 1883–1885, с. 1280]¹⁴⁹. Несмотря на то, что неизвестно соотношение цен на лошадей и верблюдов, даже формально соотнести упомянутую минимальную в 4.000 дирхамов с пропорцией, указанной в договоре 712 г., при принятии соотношения стоимости сасанидской драхмы к местным, «бухархудатским» 1 : 20, цена за голову была бы 200 дирхамов. Это сопоставиммо с 200 драхмами согдийского документа. Это, в свою очередь, по-видимому, показывает, что в этом согдийском документе следует видеть именно сасанидский стандарт, а не местные драхмы.

Есть еще один не менее примечательный факт.

Тот же ат-Табари, говоря о событиях 110 г. х. / 16.04.728–04.04.729 гг. н.э., связанных с осадой мусульманами г. Камарджа (недалеко от Самарканда), когда посланец от тюргешского кагана передал арабским воинам такие его слова: «Тому из вас, чье жалованье (*‘ата*) равно шестистам дирхамов, я установлю тысячу, а чье жалованье равно тремстам — шестьсот» [История ..., 1987, с. 213]¹⁵⁰. Здесь неясно, какие дирхамы подразумеваются, но это в любом случае огромные суммы, в сопоставле-

¹⁴⁸ В источнике этот рассказ дается в контексте событий 96 г. х. / 16.09.714–04.09.715, но, в общем-то, Кутайба погиб в следующем году, потому, вероятно, речь о предыдущем походе 712 г.

¹⁴⁹ Ср.: “he would buy twelve fine mares and twelve dromedaries, paying no more than four thousand [dirhams] per mare” [The History ..., 1990, с. 229], и иначе: «Он говорит: как рассказывают бахилиты, после возвращения из похода Кутайба ежегодно покупал 12 отличных коней и 12 быстроходных верблюдов, уплачивая не больше 4 тысяч за все» [История ат-Табари, 1987, с. 148]. Мы признательны Д.Е. Мишину за комментарий к этому фрагменту.

¹⁵⁰ Ср.: “I will give to whoever of you had a stipend of six hundred (dirhams one of) one thousand (dirhams), and to whoever had a stipend of three hundred (dirhams one of) six hundred (dirhams)” [The History ..., 1989, с. 56].

нии даже с данными о выплатах Курсула в 739 г., как и любыми синхронными сведениями о выплатах жалования среди мусульманских войск (см. выше). Если предположить, что речь идет о местных дирхамах, т.е. «бухархудатских» драхмах, то суммы в 600 и 300 дирхамов будут, следуя интерпретации данных договора 712 г., равны 30 и 15 сасанидским драхмам (= 42 и 21 арабским дирхамам), что сопоставимо со свидетельством о выплатах наемникам Курсула в 739 г. Следовательно, если говорить о них и упоминаемой в этой связи стоимости отреза шелка в 25 дирхамов, это должны быть, скорее всего, уже арабские или еще сасанидские серебряные монеты. Это, в свою очередь, ничего конкретного не говорит о повышении или понижении цены на шелк относительно 712 г., поскольку мы ничего не знаем о варьировании обменного курса монет.

Что касается Танской империи, здесь, следуя логике расчетов Пэн Синь-вэй, 1 г золота по стоимости следует приравнять к 5 г серебра или 168 бронзовым монетам [Peng Xinwei, 1994, с. 286]. Это давало бы соответствие 1 г серебра 33 бронзовым монетам. Танская монета *кай-юань тун-бао* при весе ок. 4 г (с определенными колебаниями) содержала ок. 80% меди [Peng Xinwei, 1994, с. 257]¹⁵¹, что, если считать округленно, даст примерно 3,2–3,3 г. Сасанидская драхма в 4–4,25 г содержала не ниже 85–95% серебра, т.е. условно 3,4–4 г. При обменном курсе серебряных и бронзовых монет 1 : 32 это предполагало бы, что соотношение стоимости серебра и меди было бы примерно 1 : 25–31, но, следуя только расчетам китайского ученого, оно было бы в три раза больше — по минимуму, примерно 1 : 107–110. Если исходить из вторичных расчетов Пэн Синь-вэй, что в поздней Танской империи 1 *лян* серебра стоил от 800–900 до 1.100–1.200 бронзовых монет, коэффициент соотношения стоимости металлов перевалит далеко за сто. Следовательно, в данном случае не нужно смешивать соотношение стоимости монетных метал-

¹⁵¹ Сюй Чан приводит такие параметры сплава: 83,32% меди, 14,56% свинца и 2,12% черного олова [Xu Chang, 2013, с. 225].

лов и обменный курс монет (1 : 32). Серебро в слитках имело большую ценность, чем серебро в монетах¹⁵².

Трудно сказать, каким могло бы быть соотношение между серебряной и бронзовой монетой в западных владениях Танской империи и сопредельных территориях в период 713–741 гг. Серебряные монеты в танских владениях, как сказано выше, к тому времени, судя по отсутствию упоминаний в текстах, вышли из употребления, само серебро поступало как из внешних, так и внутренних источников, бронзовая монета неизбежно подвергалась инфляции, но поддерживалась правительством. Вплоть до 758–760 гг. бронзовая монета *кай-юань тун-бао* функционировала безальтернативно, хотя к 713 г. вес монеты увеличился, значит, ее покупательная способность упала [Peng Xinwei, 1994, с. 252; Twitchett D.C., 1970, с. 75]. В Средней Азии, где уже более чем полвека ходили бронзовые монеты такого же типа и одинакового веса, коэффициент соотношения обменной стоимости серебряных и бронзовых монет мог измениться, ведь, например, спрос на серебро теперь, в период мусульманской экспансии, возростал, но договор 712 г. фактически устанавливает принудительный курс полновесных серебряных монет к местным для самаркандского Согда, понижая стоимость последних. С другой стороны, одновременно происходит повышение их значения в экономической жизни страны.

Анализ метрологических характеристик бронзовых монет Согда привел О.И. Смирнову к заключению, что в течение VII–VIII вв. здесь наблюдается тенденция деградации чекана: уменьшается вес и диаметр монет. Так, в середине VII в. из килограмма бронзы в среднем изготавливалось 400–450 монет, в середине VIII в. из такого же количества металла — до 965 монет [Смирнова О.И., 1981, с. 65] (ср.: [Смирнова О.И., 1963, с. 53; Смир-

¹⁵² Серебро в Танской империи использовалось в слитках (*дин*), вес которых варьировался, но самые тяжелые, по-видимому, весили в 50 *лян* или 186,5 г. Цены на него также варьировались [Peng Xinwei, 1994, с. 278–279; Twitchett D., 1970, с. 71].

нова О.И., 1970, с. 195–196]). Исследователи связывают это с экономическим или политическим кризисом Согдианы, отмечая, что многочисленность этих монет все же безусловно свидетельствует об их использовании на внутреннем рынке (ср.: [Gariboldi A., 2015, с. 283]). Это означало бы, что бронзовая монета, действительно, в значительном количестве вращалась в стране, при этом была именно основным средством внутреннего обмена, о чем говорит сам факт ее девальвации (скорее, чем инфляции).

Как уже упоминалось, процесс деградации чекана при этом, вопреки О.И. Смирновой, никак не отражался на внутреннем качестве серебряных монет (см.: [Давидович Е.А., 1979, с. 106–107])¹⁵³. Например, в Самарканде неизвестны (пока?) серебряные монеты с именем *Угурака (710–737/738), но такие монеты в дальнейшем чеканит его сын Тургар. Между тем именно при первом замечательно начало чекана «бухархудатских» драхм в Самарканде и, видимо, еще нескольких дворах, т.е. за пределами Бухары. «Бухархудатские» драхмы характеризует непрерывность стиля исполнения на протяжении всей их истории, начиная, как установил А. Наймарк, с середины VI в. и до середины VIII в., при этом, где-то с трети VII в., кроме как раз некоторого периода в первой четверти VIII в., на них непременно наносятся имена местных правителей [Naumark A., 2010, с. 8, 12]. По мнению А. Наймарка, имевший хождение около двух с половиной десятилетий, начиная с 712 г., тип этих монет, известный под названием «мутских драхм» (по О.И. Смирновой — «мутского типа»), характеризуется ухудшением качества исполнения чекана, при возрастании количества таких образцов, в том числе на сопредельных Самарканду территориях; это свидетельствует о наращивании объемов и увеличении интенсивности производства монет мощностями

¹⁵³ Удовлетворяя осторожность Е.А. Давидович, последующие материалы позволяют признать, что некоторое сокращение диаметра монет этого типа впоследствии все же наблюдается [Давидович Е.А., 1979, с. 106; Довуди Д., 2009, с. 68–71].

нескольких монетных дворов, что было обусловлено единственной целью использования — для выплат значительных сумм арабам-мусульманам [Наймарк А.И., 2002, с. 53].

Для бронзовых монет Панча (Пенджикента) в конце VII — первой четверти VIII в. наблюдается резкое снижение веса и, следовательно, уменьшение диаметра [Смирнова О.И., 1981, с. 47]. В период правления в Панче государя Бильге¹⁵⁴, вероятно, между 694–708/709 гг. или 690–704 гг.¹⁵⁵, наблюдается изменение веса выпущенных под его именем бронзовых монет, среди которых выделяются две весовые группы — 2,5 г и 1,6 г [Давидович Е.А., 1979, с. 67–68]. Монеты следующего периода — так называемой «пенджикентской царицы» или «Панча госпожи Наны»¹⁵⁶, — несмотря на известные «тяжелые» образцы, по-видимому, демонстрируют тенденцию к снижению веса¹⁵⁷.

Согласно обобщению О.И. Смирновой, известные с территории Пенджикента клады бронзовых монет относятся к периоду конца VII — первой четверти VIII в., клады серебряных «бухархудатских» монет — к периоду не ранее конца первой четверти VIII в. [Смирнова О.И., 1981, с. 66]. Один из кладов Пенджикента, относящийся к первой четверти VIII в., содержит 12 бронзовых монет китайского образца *ихшидов* Согда вплоть до *Угурака, еще 24 бронзовые монеты правителей областей, в числе которых монеты Бильге и «пенджикентской царицы», по одному

¹⁵⁴ Согд. *βудк'*, об имени см.: [Lurje P.B., 2010, с. 154, 161].

¹⁵⁵ См.: [Смирнова О.И., 1981, с. 47–48; Zeimal' E.V., 1994, с. 251; Зеймаль Е.В., 1999, с. 201]. Судя по кладам, эти монеты функционировали еще в 50-х — 60-х гг. VIII в.: [Беленицкий А.М., Распопова В.И., 1981, с. 10, 13].

¹⁵⁶ См. также об идентификации монет «пенджикентской царицы» см.: [Смирнова О.И., 1970, с. 173–174], без учета устаревшей интерпретации надписи О.И. Смирновой. Об имени в составе легенды *рпсу пндβ'т(-)рпН, рпсу пп(δ)-βррпвН* см.: [Lurje P.B., 2010, с. 269].

¹⁵⁷ Ср. в особенности весá в значительной выборке в составе одного клада: [Давидович Е.А., 1979, с. 71, 73–76, табл. 16]. О характеристиках этих монет в целом см.: [Смирнова О.И., 1981, с. 49–50, 233–255, № 758–996] (предлагается, однако, другая хронология).

образцу серебряных драхм — Пероза I, Хосрова I, — и имитацию тип 295 (по Р. Гёблю) [Давидович Е.А., 1979, с. 70–71, 72, табл. 14; Беленицкий А.М., Распопова В.И., 1981, с. 14]¹⁵⁸. На территории городища Санджаршо (недалеко от кишлака Суджина, Пенджикентский район, Респ. Таджикистан) в составе одного клада, относящегося к правлению Тургара, с «бухархудатскими» монетами различных типов обнаружена драхма Пероза I с надчеканом *tkun (тегин)* согдийским письмом [Довуди Д., 2009, с. 72, 75, рис. 3]. По косвенным данным ряда кладов с территории Таджикистана, можно предполагать, что где-то в первой четверти VIII в. бронзовые монеты китайского образца обращались вместе омейядскими дирхамами, а уже, по меньшей мере, в период правления Тургара (738–750) «бухархудатские» драхмы обращались вместе с омейядскими дирхамами¹⁵⁹. Все это должно, по-видимому, свидетельствовать об использовании в период, по меньшей мере, второй четверти VIII в. серебряных монет в качестве средства накопления, при этом доказывая явное падение по сравнению с ними значения бронзовых монет.

Примерно к 50-м гг. VIII в. может быть отнесено появление на реверсах бронзовых среднеазиатских монет арабских надписей, гласящих «сто двадцать в дирхаме» (при весе 2,10 г и 1,20 г) (см.: [Смирнова О.И., 1981, с. 67, 78, 419, № 1674–1675]) и «шестьдесят в дирхаме» (при разбросе веса немногочисленных образцов от 0,6 до 1,3 г), также в этом случае с надписью на аверсе «дозволенная (монета) за данг» (см.: [Смирнова О.И., 1981, с. 67, 76, 420–421, № 1676–1681], с корректировкой чтения [Довутов Д., 1987, с. 46]), и это отражает, по мнению О.И. Смирновой, принудительный курс [Смирнова О.И., 1981, с. 67, 79–80]. Д. Довуди обосновывает, что речь идет о курсе в отношении арабского дирхама (омейядского или ‘аббасидского).

¹⁵⁸ Подобное смещение бронзовых монет правителей Самарканда, Панча и др. типов ср. в других кладах: [Давидович Е.А., 1979, с. 62–64, 72–78].

¹⁵⁹ См. описание кладов в кн.: [Давидович Е.А., 1979, с. 80, 89–90]; см. еще замечания Д. Довуди: [Довуди Д., 2009, с. 81–83, 87].

В 801 г., следуя ан-Наршахи, дирхамы, называемые им *гитриффи*, но, как выяснила Е.А. Давидович [Давидович Е.А., 1966, с. 119–125; Давидович Е.А., 1979, с. 111–115], на самом деле *мухаммади* (см. выше), генетически восходящие к «бухархудатским» драхмам, имели курс шесть за один «чистый» дирхам; следуя соображению, что «разницы между денежно-весовым дирхемом и весовым не было» (О.И. Смирнова), а в одном дирхаме было шесть дангов, один дирхам *мухаммади* был равен дангу; в данге было десять фелсов, следовательно, один «чистый» дирхам, равный шести дирхамам *мухаммади*, соответствовал шестидесяти фелсам, а это, в свою очередь, соответствует надписи «шестидесят в дирхаме» на среднеазиатских фелсах середины VIII в., в целом различавшихся по весу и в разных регионах порой значительно¹⁶⁰. Эти медные фелсы отличались от бронзовых монет китайского образца составом сплава, приближаясь в этом отношении к более ранним согдийским монетам. Он характеризуется повышенными по сравнению с танскими монетами долями меди и свинца, при исключении добавления олова, что, с одной стороны, увеличивало внутреннюю стоимость монеты, с другой — уменьшало ее вес [Смирнова О.И., 1981, с. 69–73].

Всё объясняется попаданием среднеазиатского региона в сферу омейядской фискальной политики. В этой связи вполне логично, что после 712 г. серебро, пользующееся повышенным спросом, теснит в Согде бронзу даже на внутреннем рынке.

Вместе с тем, видимо, падение значения бронзовых монет происходило не по всей Средней Азии одинаково, поскольку именно в это время чеканится бронзовая монета тюргешских каганов в Семиречье, выполненная по тому же образцу и той же технологии, что и китайские монеты, хотя постепенно наблюдается

¹⁶⁰ См.: [Смирнова О.И., 1981, с. 67, 75–76], где вм. *мухаммади* речь, следуя тексту ан-Наршахū, о *гитриффи*; касательно фелсов с надписями см. еще: [Довутов Д., 1987, с. 48, табл.].

тенденция появления монет меньшего диаметра¹⁶¹. Последний факт, как и дальнейшая нумизматическая история этой части Средней Азии, не имеет принципиального значения, кроме того, что показывает дальнейшее распадение существовавшего некоторое время единого экономического пространства между Средней Азией и владениями Танской империи в Восточном Туркестане, за который уже к тому времени вступает в борьбу Тибет.

Глава 7

Итоги: решение вопроса о соотношении стоимости лошадей и шелка

Каким образом еще можно было бы выявить соотношение цен на интересующие нас товары в рассматриваемый период?

Итак, на 712 г., по сведениям Ибн Асама аль-Куфи, который описывает расценки, как предполагается, в «бухархудатских» драхмах, большой *сауб* стоил 100 дирхамов, малый — 60 дирхамов, где первое подтверждается у Балами, говорящем о *диба* большого размера, т.е. парчового шелка, в 100 дирхамов, а также, следуя Ибн Асаму аль-Куфи, *шикка* шелка (*аль-харир*)

¹⁶¹ См.: [Смирнова О.И., 1981, с. 70, 72, с. 395–405, № 1585–1624, с. 405–412, № 1625–1658, с. 438, табл. 3; Thierry F., 1999; Камышев А.М., 2002, с. 48 и сл., с. 79–80]. По мнению Ф. Тьерри, если в VII в. в тюркских владениях Средней Азии бронзовые монеты с упоминанием каганов не имели значения для экономики, где сделки осуществлялись сасанидским серебром и его имитациями или же натуральным обменом, и их можно, скорее, рассматривать как идеологический инструмент, средство пропаганды, то уже к VIII в. значение таких бронзовых монет для внутренней экономической жизни явно вырастет [Thierry F., 2006, с. 21]. Обнаружение в подъемных слоях Краснореченского городища (Чуйская долина) значительного числа тюркешских монет разных типов позволило В.Н. Настичу выдвинуть предположение, что они могли функционировать здесь вплоть до появления караханидских, самые ранние из которых датированы первой четвертью XI в., а возможно, какое-то время и вместе с ними [Настич В.Н., 1989, с. 117].

приравнивается к 28 дирхамам. Речь не обязательно должна идти о какой-то разной длине ткани, а, например, о разных видах шелка — парчовом и, вероятно, необработанном, притом размеры первого, судя по упоминанию двух видов, не обязательно имели какой-то стандарт. Поскольку 1 *шикка*, как указывалось, формально может быть сопоставлена с 1 *ни*, то цену за последний следовало бы видеть в 28 дирхамов («бухархудатских» драхм) на 712 г. и, соответственно, в 25 дирхамов (сасанидских?) на 739 г. Следовательно, по меньшей мере, во втором случае зафиксированная на этот год цена за 1 *шикка*, хотя мы не знаем, о каком виде шелка идет речь, лишь формально примерно в 2 раза выше расчетной дуньхуанской цены за сырцовый шелк¹⁶² (зато зарегистрированная в мугском документе А-5 цена 8 драхм за некий шелк (*сүпү-һ*) сопоставима с ценой на рулон *тонко нарезанного дегуммированного шелка (сяо-лянь)*, превышая ее на четверть, хотя, возможно, речь идет о более мелком куске ткани какого-то вида шелка).

В Танской империи цена на шелк отличалась определенной стабильностью. Если мы отбросим отмеченный в 692 г. коэффициент 1 : 32 как безусловный для перевода в серебро дуньхуанских цен в бронзовых монетах, то обменный курс серебряных и бронзовых монет на первую треть VIII в. можно попытаться высчитать именно из стоимости шелка. При установленной правительством на 728 г. средней цене в 550 и зафиксированной рыночной за 1 рулон (*ни*) *необработанного шелка (цзюань)* в 400 бронзовых монет тогда же и 460 на 742 г., с одной стороны, и отмеченных, независимо от разницы в расчетных единицах, 28 или (скорее даже, как хронологически ближе) 25 дирхамов — с другой, можно условно вычислить пропорцию соотношения примерно 1 : 20(±2), то есть 1 серебряная драхма была бы равна 18–22 бронзовым монетам (или даже 16

¹⁶² Так получается и у Э. де Ла Вэссьера, в обоих случаях видевшего в дирхамах мусульманских авторов сасанидские драхмы [La Vaissière É. de, 2005, с. 271].

при цене шелка в 400 монет). Как мы указали выше, солида-ризируясь с А. Наймарком, когда Ибн А'сам аль-Куфи говорит о приравнении мискаля червонного золота к 20 дирхамам, речь идет не о «чистых» дирхамах, а, видимо, о местных монетах, т.е. «бухархудатских», с долей серебра ок. 70%. И, получается, такая драхма приближается по курсу к китайской бронзовой монете?! Скорее, должно быть другое объяснение. Их два возможных. Первое состоит в том, что арабы установили стоимость местных серебряных монет, исходя из прежнего курса бронзовых. Второе исходит из того, что в Танской империи шелк был валютой, в западных регионах — товаром. Как было указано, согдийская монета не выходила за пределы местного рынка, но бронзовые монеты танского образца одинаково фигурировали там, наверняка, имея устойчивый обменный курс по отношению к серебряной. Следовательно, примерно после 712 г. бронзовая монета здесь подвергается девальвации, разумеется, под влиянием повышенного спроса на местную, при этом принудительно пониженную в стоимости по отношению к сасанидской драхме, в этом случае она должна упасть значительно.

Мы не можем быть уверены в достоверности любых имеющих сугубо теоретическую природу расчетов, однако, даже подходя к проблеме формализованно, можно наблюдать, что в течение первой половины VIII в., когда сасанидская драхма постепенно вытесняется омейядским дирхамом в качестве основной денежной единицы, а умножающиеся монеты «бухархудатского» типа вытесняют бронзовые деньги в функции основного средства обмена на локальном уровне, серебряные монеты здесь в любом случае укрепляются. Значит, что уже во второй четверти VIII в. покупка шелка на востоке за бронзовые монеты по известным ценам должна была сулить значительную выгоду его продажи на западе даже за них же.

Можно ли таким образом вообще как-то соотнести цены на шелк в первой половине VIII века в разных регионах этой части Азии?

Если взять установленные расценки документа О. 3160 на «тюркскую лошадь» и шелк, пересчитав их по одинаковому курсу, следуя только данным документа (ср.: [Trombert É., La Vaissière É. de, 2007, с. 30 сл.]), то для цен на лошадь расчет в бронзовых монетах по цене рулона *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* даст $20 / 18 / 16 \times 470 / 460 / 450 = 9.400 / 8.280 / 7.200$, по цене *тонко нарезанного дегуммированного шелка (сяо-лянь)* — $22 / 20 / 18 \times 190 / 180 / 170 = 4.180 / 3.600 / 2.720$ единиц. В переводе на регистрирующееся для конца VII в. соотношение стоимости серебряных и бронзовых монет 1 : 32 названные цифры дали бы в серебре соответственно: 293,75 / 258,75 / 225 и 130,625 / 112,5 / 85 монет. Учитывая, что в документе О. 3160 цена неотбеленного тонкого шелка (*шэн-цзюань*) равна цене *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)*, расчет цены на лошадь был бы соответствующим. Если мы возьмем зафиксированную цену в 400 бронзовых монет за рулон *дегуммированного шелка с широкого ткацкого станка (да-лянь)* в Лунь-тай (728 г.), с соответствием 5.600 монет за лошадь, в серебре это было бы 175 монет. Однако за лошадь 85 и 293,75 серебряных монет (или в бронзовом эквиваленте 2.720 и 9.400) — кажется, слишком большой разброс для того, чтобы измерять в таком диапазоне цену на один товар. Правильнее было бы предполагать, что цены на указанные в документе О. 3160 товары учитывают индивидуальные характеристики той или иной продукции в условиях конкретной сделки и не могут перекрестно взаимно сопоставляться.

Однако, исходя из сказанного выше, цена в документе с г. Мут А-5 (стк. 1–2) на лошадь в 200 драхм сопоставима с расценками в дуньхуанском документе О. 3160 и, в общем, с данными о сделке в Лунь-тай (728 г.). Сопоставимы и косвенно вычисляемые цены на лошадь касательно эпизода у ат-Табари, на 96 г. х. / 16.09.714–04.09.715, но на западе они, видимо, меньше. Сопоставимы и цены на шелк у мусульманских авторов на 712 и 739 гг. и в это время в Восточном Туркестане, в пределах допустимых

колебаний. Ясно, что каждая сделка носила индивидуальный характер. Как писал Д. Синор: «Было бы неправильно представлять Шелковый путь как своего рода магистраль, предназначенную для перевозки грузов. Люди, живущие вдоль Шелкового пути и зарабатывающие на нем на жизнь, были не экспедиторами, а торговцами, покупавшими шелк с одной стороны и продававшими его с другой. Цепочка посредников между потребителем и производителем была очень длинной, и товар перепродавался вновь и вновь ближайшему покупателю. Этот факт также объясняет, почему торговля ограничивалась предметами роскоши. Только у них был шанс продаваться по фантастически завышенным ценам, что и происходило» [Sinor D., 1958, с. 430]¹⁶³.

Из изложенного вытекает, что в империи Тан после эры правления *чуй-гун* (685–688), видимо, в эру правления *кай-юань* (713–741), нормальная средняя цена на лошадь была бы как раз примерно в диапазоне 10–15 рулонов *необработанного тонкого шелка* (*цзюань*), как это было, вероятно, и в начале правления династии. Как в 735 г., так же в 758–760 гг. и в 807 г. покупка лошадей по эквиваленту 35–40 рулонов *необработанного тонкого шелка* (*цзюань*) за голову воспринималась танским двором как завышенная.

Если во второй половине VII — первой четверти VIII в. Центральная и Средняя Азия может характеризоваться как единое экономическое пространство, то варьирование цен на лошадь в эквиваленте как шелка, так и серебряных дирхамов, остававшихся здесь или там некоторое время стабильной валютой, но не привязанных друг к другу, вполне соотносится друг с другом, но объясняются они разными факторами.

¹⁶³ “It would be wrong to imagine the Silk Road as a sort of trunk road maintained for the transport of goods. The men living along the Silk Road and making their living out of it were not forwarding agents but merchants, buying the silk on one side and selling it on the other. The chain of intermediaries between consumer and producer was very long and the merchandise was re-sold again and again to the nearest buyer. This fact also explains why the trade was limited to articles of luxury. Only they had a chance to be saleable at the fantastically heightened prices that resulted”.

Спрос на животных мог быть разным в тех или иных регионах, в зависимости от доступности к ним, и там, где она была незначительной, спрос был гораздо выше. Однако и он обуславливался политической ситуацией, как это показывает опыт империи Тан. Покупательная способность китайских властей действительно была обусловлена собственной потребностью в лошадях в тот или иной хронологический отрезок. Продавательная способность кочевников определялась их собственной возможностью предоставить излишки лошадей. Соотношение стоимости не было постоянным и варьировалось в зависимости от конкретных обстоятельств, определявших, желал ли императорский двор приобрести себе животных, если да, то какое количество, и, в конце концов, мог ли позволить себе обмен на выгодных условиях или был вынужден идти на неэквивалентные сделки.

На самих кочевников, не втянутых в товарно-денежные отношения¹⁶⁴, различные варьирования цен не оказали бы

¹⁶⁴ В курганах тюркской археологической культуры известны находки китайских монет, но они встречаются преимущественно в мужских погребениях, выполняя, судя по всему, функции предметов декора поясных наборов или, вероятно, амулетов [Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2013, с. 50–55]. В настоящее время готовится к публикации находка эфталитской имитации сасанидской драхмы тип 287 (по Р. Гёблю) с объекта древнетюркского круга. В данном случае наличие на противоположных краях монеты искусственных отверстий может рассматриваться как свидетельство ее использования для крепления на элементы одежды или снаряжения [Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф. (в печати)].

Письменные источники содержат, как нам удалось найти, лишь два упоминания о каком-то использовании тюрками монет, первый из которых относится, вероятнее, к какому-то представителю западных тюрков, второе касается уже проживания внутри империи Тан. Так, по ЦФЮГ (цз. 975, с. 216), в день *гэн-инь* (27) 7-го месяца 26-года эры правления *кай-юань* (17.08.738) «тюркский предводитель» (*ту-цзюэ шоу-лин*) *тегин (ркп. *тэ-цы* < *тэ-лэ) *Багатур *эркин* (< Мо-хэ-до *се-цзинь*) явился к танскому двору, за что получил значительные пожалования чином, деньгами (*цянью* 錢), одеждой 300 рулонами шелка (*бо*) и был «возвращен в дальние земли» (*цин эр-хао*) [Цзнь Чжун-мянь, 19586, с. 453]. В той же главе ЦФЮГ (цз. 975, с. 25а–25б),

никакого влияния. Они старались бы добиться своего другими способами.

сказано, что в день *у-шэнь* (45) восьмого месяца 3-го года эры правления *тянь-бао* (26.09.744) тюркского Бильге кагана жена по фамилии (*ши*) Ши (*ту-цзюэ* [*ни-*]цзя кэ-хань ци ши ши) приняла зависимость, получила подвластное владение, вследствие чего каждый раз снова удостаивалась денег (*цянь*) в сто монетных связок на косметику.

Более дискуссионен контекст древнетюркского памятника Очуры (Е 26, стк. 7), где есть строка [...]*q b(a)qirï : buṅs²iz : (ä)rti : q(a)ra s²(a)čün t(ä)g* [...] монеты (его) без ограничений (= в достатке) были, черным волосам подобно [Şirin User H., 2009, с. 163; Yıldırım F., Aydın E., Alimov R., 2013, с. 77] (см. еще: [Васильев Д.Д., 1983, с. 24, 64, 102]). О переводе *b(a)qir* как 'монета' см.: [Древнетюркский словарь, 1968, с. 82; Clauson G., 1972, с. 317]. Обсуждение чтения см.: [Thomsen V., 1916, с. 69–71; Малов С.Е., 1952, с. 49; Кормушин И.В., 2008, с. 13–14; Şirin User H., 2009, с. 167–168]. Ни подобная трактовка этого слова в данном случае, ни иной подобной лексики, встреченной собственно в надписях на монетах, совершенно не свидетельствуют о денежном обращении в обществе, к которому эти находки относятся. Так, например, согласно доводам И.Л. Кызласова, в среде енисейских кыркызов, по крайней мере, в XI–XII вв. имело место внутреннее денежное обращение [Кызласов И.Л., 1984, с. 96–99]. Эта позиция, однако, по-прежнему нуждается в обстоятельной аргументации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сокращения названий источников

БК, X — большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана

БК, Xб — малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана

ДТДЦЭССЦФШЧ — «Да тан да-цы-энь-сы сань-цзан фа-ши чжуань» («Жизнеописание наставника веры Сюань-цзана из монастыря Да-цы-энь [при] великой [династии] Тан»)

Е — енисейские надписи

КТ, Xб — малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина

С/Е-47 — Суджинская стела, или «сын кыркыза»

СТШ — «Синь Тан шу» («Новая [официальная] история [династии] Тан»)

Тон — надпись советника Тоньюкука (I; II — две стелы)

ТХЯ — «Тан хуэй яо» или «Собрание важнейших [сведений периода династии] Тан»

ЦТШ — «Цзю Тан шу» («Старая [официальная] история [династии] Тан»)

ЦФЮГ — «Цэ-фу юань-гуй» («Изначальная черепаха императорского книгохранилища»)

ЦЧТЦ — «Цзы-чжи тун-цзянь» («Помогающее управлению всеобщее обозрение»)

Абу Райхан Беруни. Книга вразумления начаткам науки о звездах. Пер. Б.А. Розенфельд, А. Ахмедов // Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. VI. Ташкент: Фан, 1975.

Абу Рейхан Бируни. Геодезия (Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами). Пер. П.Г. Булгаков // Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения. Т. III. Ташкент: Фан, 1966.

Абу Рейхан Бируни. Индия / Пер. А.Б. Халидов, Ю.Н. Завадовский, В.Г. Эрман. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995.

Ал-Бируни. Собрания сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А.М. Беленицкий. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.

Агаджанов С.Г. Ценный источник по истории государства Хорезмшахов-Ануштегинидов // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. М.: Наука, 1994. С. 5–14.

Агатова А.Р., Непон Р.К., Слюсаренко И.Ю., Панов В.С. Новые данные комплексных исследований памятников железоплавильного производства в долинах рек Куектанар и Тюргун (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии, т. 46, № 2. 2018. С. 90–99.

Аль-Мас'уди, Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусайн ибн Али. Золотые копи и россыпи самоцветов: (История Аббасидской династии: 749–947 гг.). Пер. Д.В. Микульский. М.: Наталис, 2002.

Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995.

Баевский С.И. Средневековые словари (фарханги) — источники по истории культуры Ирана // Очерки истории культуры средневекового Ирана. Письменность и литература. Отв. ред. О.Ф. Акимовский. М.: Наука, 1984. С. 192–239.

Бартольд В.В. Бейхаки, Абу-л-Хасан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 586–587.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1963а. С. 169–433.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование. СПб., 1900.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963. С. 45–597.

Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.). Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д.В. Рухлядева. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009.

Бейлис В.М. Арабо-испанское сочинение XII в. «Китаб аль-джа'рафийа» и его сведения о странах Европы // Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока. Сб. науч. ст. памяти проф. В. М. Бейлиса. Луганск: ЛНУ им. Т. Шевченко, 2008. С. 33–69.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Ливищ В.А. Камчатные ткани с горы Муг // Советская этнография, № 4. 1963. С. 108–119.

Беленицкий А.М., Распопова В.И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 167. Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. М.: АН СССР, 1981. С. 9–15.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения. М.: Наука, 1984.

Большаков О.Г. Метрологические заметки // Письменные памятники Востока, вып. 1(12). 2010. С. 153–184.

Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана: 1136–1225 годы. Баку: Элм, 1978.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М.: Наука, 1986.

Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972.

Варьяш И.И. Мусульманская Европа. Сигналы идентичности. СПб.: Наука, 2020.

Варьяш И.И. Нормы шариата в западных социальных стратегиях средневековья (Арагонская Корона XIV в.) // Освоение

мира. Памятные страницы истории Арабского Востока / Отв. ред. Д.Е. Мишин, В.В. Орлов. М.: ИВ РАН, 2020. С. 94–119.

Варьяш И.И. Соединить невозможное? Нормы шариата в праве христиан // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. № 4, 2016. С. 3–17.

Варьяш И.И. Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. СПб.: Евразия, 2016.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.

Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая Латинская литература Италии. Сретенск: МЦИФИ, 2000.

Гусейнов Р.А. Институт атабеков // Палестинский сборник. Вып. 15 (78): История и филология стран Ближнего Востока. М., Л.: Наука, 1966. С. 181–196.

Давидович Е.А. Денежное обращение Мавераннахра при Саманидах // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 103–133.

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.

Давидович Е.А., Маршак Б.И. Уникальная гиря VI–VIII вв. из Пянджикента // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXX. М.: АН СССР, 1958. С. 81–87.

аль-Джувайни, Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек. Ступени совершенствования катибов (атабат аль-катаба). Пер. Г.М. Курпалидис. М.: Наука. 1985.

Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Пер. Е.Е. Харитонова. М.: Магистр-Пресс, 2004.

Довуди Д. Монетные клады Таджикистана (находки 1980–2008 гг.). Душанбе: Дониш, 2009.

Довутов Д. О среднеазиатских фельсах VIII в. с надписью «шестьдесят в дирхеме» // Известия Академии наук ТаджССР. Сер. Востоковедение, история, филология, № 2(6). 1987. С. 46–49.

Древнетюркский словарь. Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969.

Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Жагварал Н. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор: [Б.и.], 1974.

Зеймаль Е.В. Серебряные драхмы сасанидского образца в Северном Тохаристане (V–VIII вв.) // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов памяти В.Г. Луконина (21.I.1932–10.IX.1984). Науч. ред. Е.В. Зеймаль. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1995. С. 122–127.

Зеймаль Е.В. [Глава 12] Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. Отв. ред. Г.А. Брыкина. М.: Наука, 1999. С. 192–206.

Зеленев Е.И. Мусульманский Египет. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007.

Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1958.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1988.

Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Ред. кол.: В. Шахматов (отв. ред.), С.К. Ибрагимов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. С. 93–140.

Ибн аль-Асир. «Аль-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки. Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006.

История ат-Табари: Избранные отрывки. Пер. с араб. В.И. Беляева; дополнения к переводу О.Г. Большакова, А.Б. Халидова; предисл. В.И. Беляева. Ташкент: Фан, 1987.

История Киргизской ССР, с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Отв. ред. В.М. Плоских. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе: Кыргызстан, 1984.

Калинина Т.М. Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М.: Наука, 1984. С. 196–207.

Калинина Т.М. Редкая арабская карта морей из Испании // Освоение мира. Памятные страницы истории Арабского Востока. М.: ИВ РАН, 2020. С. 41–50.

Камалов А.К. О торговле Уйгурского каганата с Танским Китаем // Известия АН Республики Казахстан. Сер. общественных наук, № 3(229). 2000. С. 16–25.

Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья (История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана). Бишкек: [Б.и.], 2002.

Караев О. Извлечения сведений из географии аль-Идриси «Китаб нузхат аль-муштак фи-хтирак аль-афак» («Развлечение истомлённого в странствии по областям») о некоторых тюркских племенах // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Отв. ред. О. Караев. Фрунзе: Илим, 1973. С. 49–59.

Книга лунных стоянок: Ибн Кутайба ад-Динаури. Избранные главы из китаб аль-анва. Абу Ма'шар. Глава из Китаб аль-мадхаль аль-кабир. Глава из гайят аль-хаким. Перевод с арабского / Пер. с арабского, коммент. и вступ. статья В.А. Розов, науч. редактор А.Ю. Саплин. Санкт-Петербург: Издательство «Академия исследования культуры», 2021.

Коновалова И.Г. Информация о городах средиземноморского побережья Африки в географическом сочинении Абу-л-Фиды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020а. Т. 11. Вып. 9 (95). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840012318-8-1/>

Коновалова И.Г. Описание азиатской части средиземноморского побережья в географическом сочинении Абу-л-Фиды // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. М., 2020б. Вып. 5. С. 289–301.

Коновалова И.Г. Сведения о Гибралтарском проливе в структуре рассказа Абу-л-Фиды о Средиземном море // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII международной научной конференции. Москва, 2020 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М., 2020 в. С. 221–223.

Коновалова И.Г. Способы описания средиземноморского побережья Испании в географическом сочинении Абу-л-Фиды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 4 (102). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840014387-4-1/>.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер. под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008.

Кошевара В.Г. О покупательной способности монет Семиречья в первой половине VIII века // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Ред. кол.: В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт. Вып. 1. Бишкек, 2005. С. 89–92.

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избранные труды. Т. IV. М., Л.: Наука, 1957.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в Средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005.

Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (к вопросу о денежном обращении в хакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIV. М.: Наука, 1984. С. 84–99.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.

Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // Вестник Древней истории, № 3. 1964. С. 155–176.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.: Вост. лит-ра, 1994.

Майский И.М. Монголия накануне революции. Изд-е 2-е, перераб. М.: Вост. лит., 1959.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э. — XV в. н.э.). Ереван: Гос. издательство, 1930а.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1976.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995.

[Матвеев В.В.] *Аз-Зухри. Китаб аль-джаграфийа // Арабские источники X–XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары.* М.; Л.: Наука, 1965. С. 210–222.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. Арабские и персидские источники. (VI–XV вв.). Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье (разделы «Ши хо чжи» из династийных историй). Пер. с кит. А.А. Бокщанина и Лин Кюнъи; ред. перевода, вступ. ст. и коммент. А.А. Бокщанина. М.: Наука, 1980.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. Пер. Д.Е. Бертельс. М.: Наука, 1976.

Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2002.

Мусакаева А.А. Клад хорезмийских монет царя Шаушафана // *Ўзбекистонда ижтимоий фанлар / Общественные науки в Узбекистане*, № 7–8. 1997. С. 95–96.

Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990.

Наймарк А.И. Мугские драхмы // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. Отв. ред. А.С. Мельникова. М.: ГИМ, 2002. С. 51–53.

ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. З.М. Буниятов. М., 1973.

Настич В.Н. Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // *Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции)*. Ред. кол.: В.А. Лившиц, В.М. Плоских, В.Д. Горячева. Фрунзе: Илим, 1989. С. 96–120.

Першиц А.И. К вопросу о саунных отношениях // *Основные проблемы африканистики: этнография, история, филология: К 70-летию чл.-корр. АН СССР Д.А. Ольдерогге*. Ред. кол.: Ю.В. Бромлей (отв. ред.), Ю.В. Кнорозов, Л.Е. Куббель, Ю.К. Поплинский, А.М. Решетов. М.: Наука, 1973. С. 104–110.

Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Хозяйство. Социальная организация. История. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Попова Г.А. «Наука соглашений» — мусульманская теория и христианская практика // *Право в средневековом мире*. 2008. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 169–182.

Попова Г.А. Кто говорил на арабском языке в христианском Толедо? (сферы использования арабского языка в Толедо XII–XIII вв.) // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 2008. С. 165–177.

Ртвеладзе Э.В. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье // *Городская культура Бактрии-Тохаристана и Тогда = La culture urbaine de Bactriane-Tokharistan et de la Sogdiane: античность, раннее средневековье: материалы советско-французского коллоквиума, (Самарканд–*

[Ташкент], 1986). [Отв. ред.: Г.А. Пугаченкова, А.А. Аскарров]. Ташкент: Фан, 1987. С. 120–130.

Садр ад-Дин 'Али аль-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар аль-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государствах»). Пер. З.М. Буниятов. М.: Восточная литература, 1980.

Семенова Л.А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966.

Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф. Эфталитская монета из раннесредневекового комплекса Горный-10 (Северный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).

Смирнова О.И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. Договор арабского полководца Кутейбы с царем Согда Гуреком, заключенный в 712 г. // Советское востоковедение, № 2. 1957. С. 119–134.

Смирнова О.И. К истории Самаркандского договора 712 года // Краткие сообщения Института востоковедения АН. Вып. XXXVIII. 1960. С. 69–79.

Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949–1956 гг.). М.: Вост. лит-ра, 1963.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы. Чтение, пер. и коммент. М.А. Боголюбова и О.И. Смирновой. М.: Вост. лит-ра, 1963.

Суворов М.Н. Народная поэзия и поэтический фольклор в земледельческой культуре Южной Аравии: дис. на соискание степени канд. фил. наук: 10.01.03: Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2001.

Тимохин Д.М. «Тарих аль-Вузара» как источник по истории Хорезма // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. Вып. 3. С. 98–108.

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI — начале XIII вв. М.: ИВ РАН, 2018.

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII — начале XIII вв. в исторических источниках // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований, вып. 1(7). 2013. С. 49–72.

Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8. Введение, пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему [Пер. с нем. Ю.Э. Брегеля] // *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970. С. 9–74.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981.

Шмидт А.Н. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XVI. М.; Л., 1958. С. 443–470.

Шумовский Т.А. Арабы и море. По страницам рукописей и книг. М.: Наука, 1964.

Якубович И.С. Новое в согдийской этимологии. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Ямсков Н.А. Традиционное скотоводство и природная среда: Культурно-экологические аспекты взаимодействия // Этническая

экология: Теория и практика. Ред.: Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М.: Наука, 1991. С. 287–303.

Abbott N. Two Queens of Baghdad: Mother and Wife of Hārūn Al Rashīd. New York: University of Chicago Press, 1946.

Aḥmad b. Muḡīṭ al-Ṭūlayṭulī. Al-Muqni' fi 'ilm al-šurūt. Formulario notarial. Ed. F.J. Aguirre Sádaba. Madrid: C.S.I.C./A.E.C.I., 1994.

Al-Kofahi M.M., Al-Tarawneh K.F., Shobaki J.M. Analysis of Abbasid Dirhams Using XRF Techniques // X-Ray Spectrometry. Vol. 26(1). 1997. P. 10–14.

Album S., Bates M.L., Floor W. COINS AND COINAGE // Encyclopædia Iranica. Vol. VI. Fasc. 1. COFFEEHOUSE — COMMUNISM IV. Costa Mesa, CA: Mazda, 1993. P. 14–41.

'Alī b. Yaḥyà al-Ġazirī. al-Maqṣad al-maḥmūd fi talhīš al-'uqūd (Proyecto plausible de compendio de fórmulas notariales). Ed. A. Ferreras. Madrid: CSIC, 1998.

An abridged translation of the History of Tabaristan compiled about A. H. 613 (A. D. 1216) by Muhammad b. Al-Hasan *b. Isfandiyar*. Ed. E.G. Browne. Leiden, 1905.

Annales quos scripsit Abu Djarfar Mohammed Ibn Djarir *at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. III. Rec. P. De Jong. Lugduni Batavorum, 1882–1885. Secunda series. II. Rec. I. Guidi. Lugduni Batavorum, 1883–1885. Secunda series. III. Rec. I. Guidi, D.H. Müller, M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885–1889.

Ashtor E. Essai sur les prix et les salaires dans l'empire califien // Rivista degli studi orientali. Vol. 36. 1961. P. 19–69.

Ashtor E. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1976.

Ayalon D. Studies of the Structure of the Mamluk Army — II // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. № 15/3, 1953. P. 448–476.

Ayalon D. Studies of the Structure of the Mamluk Army — III // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. № 16/1, 1954. P. 57–90.

Ayalon D. Dawādār // The Encyclopaedia of Islam. Ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Leiden: E.J. Brill, 1991. Vol. II. P. 172.

Bacharach J.L., Gordus A.A. The Purity of Sasanian Silver Coins: An Introduction // Journal of the American Oriental Society, vol. 92, No 2. 1972. P. 280–283.

Barfield T.J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge & Oxford: Basil Blackwell, 1992.

Basañez Villaluenga B. La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona: CSIC, 1989.

Bastani Parizi M.E. Afzal-al-Din Kermani // Encyclopædia Iranica. Vol. I/6, London: Routledge, 1985. P. 599.

Bates M. ARAB-SASANIAN COINS / M. Bates // Encyclopædia Iranica / ed. by E. Yarshater. Vol. II. Fasc. 3. 'Arab Mohammad — Architecture IV. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1986. P. 225–229.

Beckwith C.I. The Tibetan Empire in Central Asia. A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987.

Beckwith C.I. The Impact of the Horse and Silk Trade on the Economies of T'ang China and the Uighur Empire: On the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages // Journal of the Economic and Social History of the Orient, vol. 34. No. 3. 1991. P. 183–198.

Bennison A.K. The Great Caliphs: The Golden Age of the 'Abbasid Empire. Princeton: Yale University Press, 2009.

Bielenstein H. Diplomacy and Trade in the Chinese World, 589–1276. Leiden: E.J. Brill, 2005.

Biran M. The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Blanchard I. Mining, Metallurgy and Minting in the Middle Ages. Vol. I: Asiatic Supremacy, 425–1125. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001.

[Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg. Compiled by A.P. Cohen. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979.

Buskens L. From trash to treasure: Ethnographic notes on collecting legal documents in Morocco // Legal Documents as Sources for the History of Muslim Societies: Studies in Honour of Rudolph Peters (Studies in Islamic Law and Society 42). Ed. M. Van Berkel M., L. Buskens, P.M. Sijpesteijn. Leiden: E.J. Brill, 2017. P. 180–207.

Cahen C. Origines et débuts de la monnaie musulmane // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 129e année, N. 1. 1985. P. 16–25.

Cahen C. Quelques problèmes concernant l'expansion économique musulmane au haut moyen âge // L'occidente e l'Islam nell'Alto Medioevo, 2–8 aprile 1964: XII settimana di studio organizzata per il Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo. Vol. 1: Tomo primo. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1965. P. 391–432.

Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid period // Historians of the Middle East / Ed. B. Lewis, P.M. Holt. London: Oxford University Press, 1962. P. 59–78.

Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid period // Cahen Cl. Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale. Damas: Presses de l'Ifo, 1977. P. 37–63.

Chavannes É., Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine // Journal Asiatique, Ser. XI, t. 2. 1913. P. 99–199, 261–392.

Chen Ching-Lung. Trading activities of the Turkic peoples in China // Central Asiatic Journal, vol. XXV, No 1–2. 1981. P. 38–53.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore *Ibn al-Fakih* al-Hamadhâni Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.

Cosmographie de Abou 'Abdallah Mohammed *ed-Dimichqui*. Pub. M.A.F. Mehren. Saint-Pétersbourg, 1866.

Cuisenier J. Économie et parenté: essai sur les affinités de structure entre système économique et système de parenté. Lille: Service de Reproduction des Thèses de l'Université de Lille III, 1971.

Cuisenier J. Parenté et organisation sociale dans le domaine turc // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 27e année, № 4–5. 1972. P. 923–948.

Svijanovic I. Mediterranean in the Works of the Early Medieval Arabic Geographers and Historians // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «История»*. 2018. № 5. С. 56–69.

Das Kitab Surat al-ard des Abu Ğāfar Muhammad Ibn Musa *al-Huwarizmi*. Hrsg. H. von Mžik. Leipzig: Walter de Gruyter, 1926.

Dalby M.T. [9] Court politics in late T'ang times // *The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T'ang China, 589–906. Pt. 1.* Ed. by D. Twitchett. Cambridge: Cambridge University Press, 1979 (Repr.: 2008). P. 561–681.

Darley-Doran R.E., Stoetzer W. Wazn // *Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel and W.P. Heinrichs. Vol. XI. W–Z. 4th impression. Leiden: Brill, 2002. P. 198–200.

De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae Comitis et Roberti Guiscardi Ducis fratris eius auctore *Gaufredo Malaterra* ... A cura di E. Pontieri // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. T. V, parte 1.* Bologna: N. Zanichelli, 1928.

Die Chronik des *Ibn Ijās*. Erster Teil, erster Abschnitt. Hrsg. M. Mostafa. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. Erster Teil, zweiter Abschnitt. Hrsg. M. Mostafa. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1974. Zweiter Teil. Hrsg. M. Mostafa. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1972. Dritter Teil. Hrsg. C. Kahle, M. Mustafa. Istanbul: Staatsdruckerei, 1936. Vierter Teil. Hrsg. C. Kahle, M. Mustafa. Istanbul: Staatsdruckerei, 1931. Fünfter Teil. Hrsg. M. Mostafa. Kairo: Druckerei Issa al-Baby al-Halaby, 1961.

Dobrovits M. “Nemzethalál” vagy kereskedelmi érdek?: az Īduq Ötükán yĭš (“Szent Ötükán erdő”) az orchoni feliratokon // *Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica*, t. 121. 2005. P. 15–22.

Duan Q. Were Textiles used as Money in Khotan in the Seventh and Eighth Centuries // *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. 23(2). 2013. P. 307–325.

Ducène J.-Ch. The Knowledge of the Seas According to the Ottoman Translations and Adaptation of Arabic Works (15th–16th c.) // *Uluslararası Piri Reis ve Türk Denizcilik Tarihi Sempozyumu*, 26–29 Eylül 2013.

Dunlop D.M. Al-Dimashki, Shams ad-Din Abu 'Abd Allah Muhammad b. Abi Talib al-Ansari al-Sufi // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Ed. B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht. Volume II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 291.

Eberhard W. Der Prozeß der Staatenbildung bei mittelasiatischen Nomadenvölkern // *Forschungen und Fortschritte*, 25 Jahrg, Heft 5/6. 1949. S. 52–54.

Ecsedy H. Trade and War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. XXXI, fasc. 2. 1968. P. 131–180.

Ecsedy H. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. XXV. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. 1972. P. 245–262.

Ecsedy I. Chinese-Turk Political Connection and Conflict in 615 A.D. // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. XXXI, fasc. 1–2. 1985–1988. P. 91–100.

El-Leithy T. Living documents, dying archives: towards a historical anthropology of medieval arabic archives // *Al-Qanṭara*. XXXII, 2, julio-diciembre, 2011. P. 389–434.

Encyclopædia Iranica. Online edition. <https://iranicaonline.org>.

Entwistle C. Byzantine Weights // *The Economic History of Byzantium: from the Seventh through the Fifteenth Century* / ed.-in-chief: A.E. Laiou. Vol. I. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. P. 611–614.

Fahmy A.M. Muslim Naval Organization in the Eastern Mediterranean. Cairo: National Publication & Print. House, 1966.

Feng Zhao, Le Wang. Glossary of Textile Terminology (Based on the Documents from Dunhuang and Turfan) // Journal of the Royal Asiatic Society, vol. 23, iss. 2. Textiles as Money on the Silk Road. 2013. P. 349–387.

Ferrer i Mallol M.T. Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV: segregació i discriminació. Barcelona: CSIC, 1987.

Ferrer i Mallol M.T. La frontera amb l'Islam en el segle XIV: cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona: CSIC, 1988.

Ferrer i Mallol M.T. Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona: CSIC, 1988.

Fierro M. Bāṭinism in Al-Andalus. Maslama b. Qāsim al-Qurtubī (d. 353/964), Author of the "Rutbat al-Ḥakīm" and the "Ghāyat al-Ḥakīm (Picatrix)" // Studia Islamica. 1996. No. 84. P. 87–112.

Formulario notarial hispano-árabe por el alfaquí y notario cordobés *Ibn al-ʿAttar* (s. X). Ed. Chalmeta P., Corriente F. Madrid: Academia Matritense del Notariado; Instituto Hispano-Árabe de Cultura, 1983.

From al-Andalus to Khurasan: Documents from the Medieval Muslim World. Ed. P. Sijpesteijn and al. Leiden: E.J. Brill, 2006.

Fuess A. *Zulm* by *Mazālim*? The political implications of the use of *mazālim* jurisdiction by the Mamluk Sultans // Mamlūk Studies Review. № 13/1, 2009. P. 121–147.

Garcia Edo V., Pons Alós V. Suna e Xara: la ley de los mudéjares valencianos (siglos XIII–XV). Castelló, 2009.

Gariboldi A. Le monete di Turgar (738–750), ultimo re di Samarcanda // The 4th Simone Assemani symposium on Islamic coins, Trieste, 26/27 September 2014 / eds.: B. Callegher, A. D'Ottone. Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste, 2015. P. 279–288.

Gedichte von Abû Baṣīr Maimûn Ibn Qais *al-'Aṣṣâ*. Hrsg. R. Geyer. London: Luzac & Co., 1928.

Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.

Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud. Paris,

1848. T. I: Introduction générale a la géographie des Orientaux; T. II. Première partie.

Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe par St. Guyard. Paris, 1883. T. II. Deuxième partie.

Gharib B. Sogdian Dictionary: Sogdian–Persian–English. Tehran: Farhangian Publications, 1995.

Gibb H.A.R. Abu 'l-Fida // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden: Brill, 1986. Vol. I. P. 118–119.

Gignoux P., Bates M. DIRHAM // Encyclopædia Iranica. Ed. E. Yarshater. Vol. VII. Fasc. 4. DEYLAM, John of — DIVORCE IV. Costa Mesa, CA: Mazda, 1995. P. 424–428.

Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I: Katalog; Bd. II: Kommentare; Bd. III: 98 Fotografeln; Bd. IV: 48 Zeichentafeln. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.

González Palencia A. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII. Vols. 1–4. Madrid: Instituto de Valencia de Don Juan, 1927–1930.

Gozálvez Pérez V. La ciudad de Elche. Estudio geográfico. Valencia: Universitat de València, 1976.

Grierson P. The Monetary Reforms of 'Abd al-Malik: Their Metrological Basis and Their Financial Repercussions // Journal of the Economic and Social History of the Orient, vol. III, No. 3. 1960. P. 241–264.

Gyselen R. Un trésor de monnaies sassanides tardives // Revue Numismatique, ser. 6, N. 32. 1990. P. 212–231.

Halima Ferhat. Al-Zuhri, Muhammad b. Abi Bakr // EI New ed. Leiden, Brill, 2002. Vol. XI. P. 566.

Hansen V. The Impact of the Silk Road trade on a local community: The Turfan Oasis, 500–800 // Les Sogdiens en Chine. Eds.: É. de la Vaissiere, É. Trombert. Paris: Ecole Francaise d'Extreme Orient, 2005. P. 283–310.

Hansen V., Rong Xinjiang. How the Residents of Turfan used Textiles as Money, 273–796 CE // Journal of the Royal Asiatic Society, vol. 23. Iss. 2. Textiles as Money on the Silk Road. 2013. P. 281–305.

Har-El S. Struggle for Domination in the Middle East. The Ottoman-Mamluk War 1485-1491. Leiden, New York, Koln: E.J.Brill, 1995.

Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire: The Case of Ancient Turks (Tuque) // Bulletin of the Ancient Orient Museum, vol. XI. 1990. P. 135–184.

Heidemann S. The merger of two currency zones in early Islam. The Byzantine and Sasanian impact on the circulation in former Byzantine Syria and Northern Mesopotamia // Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies, vol. XXXVI. 1998. P. 95–112.

Henning W.B. Two Central Asian Words // Transactions of the Philological Society, t. 44, No 1. 1945. P. 150–162.

Henning W.B. The Sogdian Texts of Paris // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, vol. XI. No. 4. 1946. P. 713–740.

Henning W.B. New Pahlavi inscriptions on silver vessels // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, vol. XXII, No. 1. 1959. P. 132–134.

Histoire des seldjoucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. Ed. M.Th. Houtsma. Vol. II. Leiden, 1889.

A History of Persian literature. Volume X. Persian historiography. Ed. Ch. Mellville. London, New York: I. B. Tauris, 2012.

Hourani G.F. Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval times. New York: Octagon Books. A division of Farrari, Straus & Giroux, 1975.

Ibarra y Ruiz P. Historia de Elche. Alicante, 1895.

Igarashi D. The financial reforms of Sultan Qāyṭbāy // Mamlūk Studies Review. № 13/1, 2009. P. 27–51.

Jabbur J.S. The Bedouins and the Desert: Aspects of Nomadic Life in the Arab East. Transl. by L.I. Conrad; ed. by S.J. Jabbur and L.I. Conrad. Albany: State University of New York Press, 1995.

Jagchid S., Symons V.J. Peace, War, and Trade along the Great Wall. Nomadic-Chinese Interaction through Two Millenia [Translation of:

Pei-ya yu-mu min-tsu yü Chung-yüan nung-yeh min-tsu chien-ti ho-p'ing, chan-cheng, yü mao-i chih kuan-hsi]. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1989.

Jamison E. M. The Admiral Eugenius of Sicily. London: Oxford University Press, 1957.

Johansen B. Le Jugement Comme Preuve. Preuve Juridique et Vérité Religieuse Dans Le Droit Islamique Hanéfite // *Studia Islamica*, no. 72. Leiden: Brill, Maisonneuve & Larose, 1990. P. 5–17.

Johansen B. Casuistry: between legal concept and social praxis // *Islamic Law and Society*. 2, 1995. P.135–156.

Johansen B. Formes de Langage et Fonctions Publiques: Stéréotypes, Témoins et Offices Dans La Preuve Par l'écrit En Droit Musulman // *Arabica*. Vol. 44, no. 3, 1997. P. 333–376.

Kahlaoui T. Creating the Mediterranean: Maps and the Islamic Imagination. Leiden: Brill, 2017.

Kahlaoui T. The Maghrib's Medieval Mariners and Sea Maps: The Muqaddimah as a Primary Source // *Journal of Historical Sociology*. 2017. Vol. 30. P. 43–56.

Kazhdan A. Vlachia // // *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. by A.P. Kazhdan. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 3. P. 2183.

Khalilieh H.S. The Enigma of Tantura B: Historical Documentation and the Lack of Circumstantial Documentary Evidence // *The International Journal of Nautical Archaeology*, 2005, № 34.2. P. 314–322.

Khan G. Arabic Documents from Early Islamic Khurasan. London: The Nour Foundation in association with the Azimuth Press, 2007.

Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Tr. J. Crookenden Madison: University of Wisconsin Press, 1994.

Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn *Khordâdhbeh* ... Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.

Kitâb Al-Boldân auctore Ahmed ibn Jakûb ibn Wadhîh al-Kâtib *al-Jakûbi*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.

Kurat A.N. Kuteybe bin Müslim'in Hvârizm ve Semerkand'i zabtı. (Hicrî 93–94–Milâdî 712) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi, cilt 6, sayı 5. 1948. S. 385–430.

La Historia o liber de regno Sicilie e la epistola ad Petrum Panormitane ecclesie thesaurarium, a cura di G.B. Siragusa. Rome, 1897.

La Vaissière É., de. Sogdian Traders: a History. Trans. by J. Ward. Leiden; Boston: Brill, 2005.

Lane-Poole S. A History of Egypt in the middle ages. London: Psychology Press, 1968.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. London; New York: Oxford University Press, 1940.

Lattimore O. Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London: Oxford University Press; New York; Toronto, 1962.

Lauffer B. Sino-Iranica: Chinese contributions to the history of civilization in ancient Iran, with special reference to the history of cultivated plants and products. Chicago: Field Museum of Natural History, 1919.

Lévi-Provençal E. España Musulmana. Hasta la caída del Califato de Córdoba // Historia de España. T.V. Madrid: Espasa-Calpe S.A., 1957.

Litvinsky B.A. The Hephthalite Empire // History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750. Ed. B.A. Litvinsky. Paris: Unesco, 1996. P. 138–165.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). I. Buch. Texte; II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.

Liu Xinru. Ancient India and Ancient China: Trade and Religious Exchanges A.D. 1–600. Delhi; Bombay; Calcutta; Madras: Oxford University Press, 1988.

Liu Xinru. Silk and Religion. An Exploration of Material Life and the Thought of People A.D. 600–1200. Delhi; Bombay; Calcutta; Madras: Oxford University Press, 1996.

Lurje P.B. Personal Names in Sogdian Texts (Iranisches Personennamenbuch. Bd. II.: Mitteliranische Personennamen. Fasz. 8). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010.

Mackerras C. The Uighur Empire according to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744–840. 2nd ed. Canberra: Australian National University Press 1972.

Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et tr. C. Barbier de Meynard, Pavet de Courteille. T. III. Paris, 1864.

Malek H.M. A Seventh Century Hoard of Sasanian Drachms // Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies, vol. 31. 1993. P. 77–93.

Mappemonde du calife al-Ma'mun reproduite par Fazari (IXe s.) r  dit  e et comment  e par Zuhri (VIe–XIIe s.). Texte arabe   tabli avec introduction en fran  ais (r  sum  e en arabe) par Mahammad Hadj-Sadoc // Bulletin des   tudes orientales d'Institut fran  ais de Damas. Damas, 1968. T. XXI. P. 1–312.

Manandyan H.[H.] [Манандян Я.[А.]]. Kshirrnery s'ev   p'ery hnaguyn hay aghbyurnerum (yeshion yery yev taroghut'yan u yerkarut'yan   p'ery voroshvats yen yev veratsvats ayzhmyan kilogramneri, litreri u metreri) [Вес и меры в древнеармянских источниках (размеры емкости и длины определены и переведены в текущие килограммы, литры и метры)]. Ер. [Ереван]: Melk'onyan fond [Фонд Мелконяна], 1930.

Manandyan H.H. [Манандян Я.А.]. Yerker [Труды]. T. IV. Ер. [Ереван]: HSSH GA hrat [АН Армянской ССР], 1981.

Manuel de la Cosmographie du Moyen Age traduit de l'arabe "Nokhbet ed-Dahr fi 'Adjaib-il-Birr wal-Bahr" de Shems ed-Din Abou-'Abdallah Mohammed de Damas. Tr. A.F. Mehren. Paris, Copenhagen, Leipzig, 1874.

Marquet Y. Ikhwan as-Safa // The Encyclopaedia of Islam. Vol. III. Leiden-London: Brill, 1986. P. 1071–1076.

Martindale J.R., Jones A.H.M., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III: AD 527–641. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Mart  nez Mart  n L. Teor  as sobre las mareas seg  n un manuscrito   rabe del siglo XII // Memorias de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona, 1971, N   13/1. P. 135–212.

Martínez L. El Kitab al-madd wa-l-ŷazr de Ibn al-Zayyat // Textos y estudios sobre astronomie española en el siglo XIII. Barcelona: Servei de Publicacions de la Universitat Autònoma de Barcelona, 1981. P. 111–173.

Masse H. Ibn al-Fakih // The Encyclopaedia of Islam. Vol. III. Leiden; London: Brill, 1986. P. 761–762.

McMillan M.E. Fathers and Sons: The Rise and Fall of Political Dynasty in the Middle East. New York: Palgrave MacMillan, 2013.

Mernissi F. The Forgotten Queens of Islam. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

Miles G.C. Dirhām // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 319–320.

Miller K. Guardians of Islam: Religious Authority and Muslim Communities of Late Medieval Spain. N-Y.: Columbia University Press, 2008.

Morrison C. Byzantine Money: Its Production and Circulation // The Economic History of Byzantium: from the Seventh through the Fifteenth Century. Ed.: A.E. Laiou. Vol. I. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. P. 891–944.

Mortel R.T. Grand "Dawādār" and Governor of Jedda: The career of the fifteenth century mamlūk magnate Ġānibak al-Zāhirī // Arabica. № 43, 1996. P. 437–456.

Mutgé i Vives J. L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona: CSIC, 1992.

Muthesius A. The Byzantine silk industry: Lopez and beyond // Journal of Medieval History, Vol. 19. 1993. P. 1–67.

Muthesius A. Silk Textiles // The Economic History of Byzantium: from the Seventh through the Fifteenth Century. Ed.-in-chief: A.E. Laiou. Vol. I. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. P. 147–168.

Narahari Achar B.N. In Search of Nakṣatra-s in the "R̥gveda" // Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. 2002. No. 83. P. 183–193.

Naymark A. Drachms of Bukhār Khudā Khunak // Journal of Inner Asian Art and Archaeology, vol. 5. 2010. P. 7–32.

Noonan Th.S. When and how dirhams first reached Russia [A numismatic critique of the Pirenne theory] // *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 21, n°3–4. 1980. P. 401–469.

Northrup L.S. The Bahri Mamluk sultanate, 1250–1390 // *The Cambridge History of Egypt*. Ed. C.F. Petry. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Vol. I. Islamic Egypt, 640–1517. P. 242–289.

Nöldeke T. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.

Oikonomidès N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 40. 1986. P. 33–53.

Olstein D.A. La era mozárabe. Los mozárabes de Toledo (siglos XII y XIII) en la historiografía, las fuentes y la historia. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2006.

Parpola A. Beginnings of Indian and Chinese Calendrical Astronomy // *Journal of the American Oriental Society*. 2014. Vol. 134. No. 1. P. 107–112.

Peacock A.C.S. Court Historiography of the Seljuk Empire in Iran and Iraq: reflection on content, authorship and language // *Iranian studies*. 2014. P. 2–19.

Peacock A.C.S. ‘Imad al-Din Isfahani’s Nusrat al-Fatra, Seljuk politics and Ayyubid origins // *Ferdowsi, The Mongols and the History of Iran*. Art, literature and culture from early Islam to Qajar Persia. London, New York: I.B. Tauris, 2014. P. 78–91.

Peng Xinwei. A Monetary History of China (Zhongguo Huobi Shi 中國貨幣史). Transl. by E.H. Kaplan. Vol. 1–2. Bellingham, Washington: Western Washington University, 1994.

Petry C.F. Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt’s Waning as a Great Power. State University of New York Press, 1994.

Picard C. La mer des califes: Une histoire de la Méditerranée musulmane. Paris: Seuil (Univers historique), 2015.

Pinto K. “Surat Bahr al-Rum” (Picture of the Sea of Byzantium): Possible Meanings Underlying the Forms // *Eastern Mediterranean*

Cartographies: The Cartography of the Mediterranean World / Ed. by G. Tolia and D. Loupis. Athens: Institute for Neohellinic Research, National Hellenic Research Foundation, 2004. P. 234–241.

Pinto K. Medieval Islamic Maps: An Exploration. Chicago: The University of Chicago Press, 2016.

Pinto K. In God's Eyes: The Sacrality of the Seas in the Islamic Cartographic Vision // *Espacio, Tiempo y Forma. Ser. VII: Historia del arte* (n. época). 2017. N. 5. P. 55–79.

Schacht J. An introduction to Islamic Law. Oxford: Clarendon Press, 1964.

Recueil des textes relatifs à l'histoire des Seldjucides. Ed. M.Th. Houtsma. Vol. I. Histoire des Seldjucides du Kermân par Muhammad Ibrahîm. Lugduni Batavorum, 1886.

Reinfandt L. Was geschah in der Zeit zwischen Barsbây und Qâytbây? Überlegungen zu einer Neubewertung des späten Mamlukensultanats // *Akten des 27. Deutschen Orientalistentages* (bonn — 28. September bis 2. Oktober 1998). Norm und Abweichung. Herausgegeben von S. Wild, H. Schild. Würzburg: Ergon Verlag, 2001. S. 269–278.

Rezakhani Kh. Balkh and the Sasanians, the Economy and Society of Northern Afghanistan as Reflected in the Bactrian Economic Documents // *Ancient and Middle Iranian Studies. Proceedings of the 6th European Conference of Iranian Studies, held in Vienna, 18–22 September 2007.* Ed. by M. Macuch, D. Weber, D. Durkin-Meisterernst. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2010. P. 191–204.

Rezakhani Kh. ReOrienting the Sasanians. East Iran in Late Antiquity. Edinburg: Edinburgh University Press 2017.

Scarcia G. La «sposa bizantina» di Khosrow Parviz // *La Persia e Bisanzio: Convegno internazionale* (Roma, 14–18 ottobre 2002). Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 2004. (Atti dei convegni Lincei; 201). P. 115–135.

Schafer E.H. The Golden Peaches of Samarkand: a Study of T'ang Exotics. Berkeley: University of California Press, 1963.

Schindel N. Sasanian Gold Coinage: An Overview // *Dal denarius al dinar. L'oriente e la moneta Romana: atti dell'incontro di studio,*

Roma 16–18 settembre 2004. A cura di F. De Romanis e S. Sorda. Roma: Istituto italiano di numismatica, 2006. P. 105–129.

Scott H., Mason K., Marshall M. Western Arabia and the Red Sea. [Oxford:] Naval Intelligence Division, 1946.

Shahbazi A.Sh. Hormozd IV // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. XII. Fasc. 5. 2004. P. 466–467.

Sheng A. Determining the Value of Textiles in the Tang Dynasty. In *Memory of Professor Denis Twitchett (1925–2006) // Journal of the Royal Asiatic Society*, Vol. 23, Iss. 2. Textiles as Money on the Silk Road. 2013. P. 175–195.

Sims-Williams N. Bactrian Legal Documents from 7th- and 8th-Century Guzgan // *Bulletin of the Asia Institute (New Series)*, vol. 15. 2001. P. 9–29.

Sims-Williams N. Before the Quarrel: A Bactrian Purchase Contract / N. Sims-Williams // *Bulletin of the Asia Institute (New Series)*, vol. 19. Iranian and Zoroastrian Studies in Honor of Profs. Skjærvø. 2005. P. 191–198.

Sims-Williams N. Bactrian Personal Names (Iranisches Personen-namenbuch: Bd. II: Mitteliranisches Personennamen. Fasz. 7). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010.

Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I: Legal and Economic Documents (revised edition). Oxford, University Press, 2012.

Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire / D. Sinor // *Journal of World History*, vol. IV. № 3. 1958. P. 427–434.

Sinor D. Horse and Pasture in Inner Asian History // *Oriens Extremus*, vol. 19, No 1–2. 1972. P. 171–183.

Sinor D. The Uighur Empire of Mongolia // *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period*. Ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000. P. 187–204.

Skaff J.K. The Sogdian Trade Diaspora in East Turkestan during the Seventh and Eighth Centuries // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 46, №. 4. 2003. P. 475–524.

Skaff J.K. Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors: Culture, Power, and Connections, 580–800. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Sourdel D. Le vizirat 'Abbāside de 749 à 936 (132 à 324 de l'hégire). Damas: Institut français, 1960.

Şirin User H. Hakasya Bulgusu Eski Bir Türk Mezar Taşı: Açurı (Oçurı, Ye 26) Yazıtı // Türkbilig, cilt 17. 2009. S. 158–174.

Takayama H. The Administration of the Norman Kingdom of Sicily, Leiden, New York, Cologne: E.J. Brill, 1993.

Talbot A.-M., Kazhdan A. Epiros, despotate of // The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A.P. Kazhdan. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 1. P. 716–717.

Târikhè gozîdè: les dynasties persanes pendant la période musulmane depuis des Saffârîdes jusques et y compris les Mogols de la Perse en 1330 de notre ère. Tr. J. Gantin. Paris, 1903.

Taşaçıl A. Gök-Türkler I. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2003.

The Annals of the Saljuq Turks: Selections from al-Kāmil fī'l-Ta'rikh of 'Izz al-Dīn Ibn al-Athīr. Translated and annotated by D.S. Richards. London; New York: Routledge, 2002.

The Cambridge History of Iran. Red. J.A. Boyle. Cambridge: University Press, 1968. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods.

The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden etc.: Brill, 1960–2005. 13 vols.

The History of *al-Ṭabarī* (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. XXVI. The Waning of the Umayyad Caliphate. Prelude to Revolution / A.D. 738–745 / A.H. 121–127. Tr. C. Hillenbrand. New York: State University of New York Press, 1987.

The History of *al-Ṭabarī* (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. XXV. The End of Expansion: The Caliphate of Hishām A.D. 724–738 / A.H. 105–120. Tr. Kh.Y. Blankinship. New York: State University of New York Press, 1989.

The History of *al-Ṭabarī* (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. XXIII. The Zenith of the Marwanid House. The Last Years of 'Abd al-Malik and the Caliphate of al-Walīd A.D. 700–715 / A.H. 81–96. Tr. M. Hinds. New York: State University of New York Press, 1990.

The History of *al-Ṭabarī* (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. V: The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Tr. C.E. Bosworth. Albany, NY: State University of New York Press, 1999.

The History of *Menander the Guardsman*. Ed. and tr. R.C. Blockley. Liverpool: Francis. Cairns, 1985.

The Ráhat-uş-şudúr wa áyat-us-surur by ... *al-Ráwandí*. Ed. M. Iqbal. London: Luzac, 1921.

Thierry F. Typologie et chronologie des *kai yuan tong bao* des Tang // *Revue numismatique*, 6e série, t. 33. 1991. P. 209–249.

Thierry F. Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // Circulation des monnaies, des marchandises et des biens. Ed. R. Gyselen. Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient, 1993. P. 89–139.

Thierry F. Sur les monnaies des Türgesh // Coins, Art, and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Hrsg. von M. Alram, D. Klimburg-Salter. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. P. 321–349.

Thierry F. Autour d'une Histoire des marchands sogdiens // *Revue numismatique*. 6e série, t. 161. 2005. P. 191–209.

Thierry F. Three Notes on Türgesh Numismatics // *Sichou zhi lu guguo qianbi ji Silu wenhua guoji xueshu yantaohui lunwenji* [Proceedings of the Symposium on Ancient Coins and the Culture of the Silk Road,], Shanghai Bowuguan, décembre 2006, Shanghai. Shànghǎi: Shànghǎi shūhuà chūbǎn shè, 2011. P. 413–442.

Treadwell L. 'Abd al-Malik's coinage reforms: the role of the damascus mint // *Revue numismatique*, vol. 165. 2009. P. 357–382.

Trombert É., La Vaissière É., de. Le prix denrées sur le marché de Turfan en 743 // *Études de Dunhuang et Turfan*. Textes réunis par J.-P. Drege; avec la collaboration d'O. Venture. Genève: Droz, 2007. P. 1–52.

Thomsen V. Turcica: études concernant l'interprétation des Inscriptions Turques de la Mongolie et de la Sibérie. Helsingfors, 1916.

Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul: Türkiye Diyanet Foundation, 1988–2013. 44 vols.

Twitchett D.C. Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge: University Press, 1970.

Tyan E. Le notariat et le régime de la preuve par écrit dans la pratique du droit musulman. Beirut: Université de Lyon, 1945.

Un tratado catalán medieval de derecho islámico: Llibre de la Çuna e Xara dels moros / Ed. C. Barceló. Córdoba: Universidad de Córdoba, 1989.

Van Berkel M., El Cheikh N.M., Kennedy H., Osti L. Crisis and Continuity at the Abbasid Court: Formal and Informal Politics in the Caliphate of al-Muqtadir (295–320/908–32). Leiden: Brill, 2013.

Varisco D. The Origin of the anwā' in Arab Tradition // *Studia Islamica*. 1991. No. 74. P. 5–28.

Varisco D. The Magical Significance of the Lunar Stations in the 13th Century Yemeni “Kitāb al-Tabṣira Fī ‘Ilm al-Nujūm” of al-Malik al-Ashraf // *Quaderni di Studi Arabi*. 1995. Vol. 13. P. 19–40.

Varisco D. Illuminating the Lunar Mansions (manāzil al-qamar) in Šams al-ma‘ārif // *Arabica*. 2017. T. 64. Fasc. ¾. P. 487–530.

Verskin A. Islamic Law and the Crisis of the Reconquista. The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom. Leiden, Boston: Brill, 2015.

Waghmar B. Preliminary Remarks on Bactrian Diplomats / B. Waghmar // *Ancient and Middle Iranian Studies. Proceedings of the 6th European Conference of Iranian Studies, held in Vienna, 18–22 September 2007*. Ed. by M. Macuch, D. Weber, D. Durkin-Meisterernst. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2010. P. 245–254. (*Iranica*. — Vol. 19).

Wakin J.A. The function of documents in Islamic law: The Chapters on Sales from Tahawi's Kitāb al-Shurūṭ al-Kabir. Albany: State University of New York Press, 1972.

Wakin J.A. Written documents in Islamic Law // *Actas do IV Congresso de Estudos Arabes e Islâmicos*. Leiden: E.J. Brill, 1971. P. 347–354.

Watson A.M. Back to Gold-and Silver // *The Economic History Review (New Series)*, vol. 20, no. 1. 1967. P. 1–34.

Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese society: Liao (907–1125). With the assistance of John De Francis, Esther S. Goldfrank, Lea Kisselgoff, and Karl H. Menges. Philadelphia: The American Philosophical Association; distributed by the Macmillan Company, 1949.

Xu Chang. Managing a Multicurrency System in Tang China: The View from the Centre // *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. 23(2). 2013. P. 223–244.

Yakut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford / F. Wüstenfeld. Leipzig: in Commission bei F.A. Brockhaus, 1866.

Yampolsky Ph. The Origin of the Twenty-Eight Lunar Mansions // *Osiris*. 1950. Vol. 9. P. 62–83.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara: BilgeSu, 2013.

Zeimal' E.V. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth–Eighth Centuries A.D.) // *Bulletin of the Asia Institute (New Series)*, Vol. 8. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union. 1994. P. 245–267.

Zeki Validi A. Die Nordvölker bei Biruni // *ZDMG*. 1936. Vol. 90. S. 38–51.

Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig: Kommission-verlag F.A. Brockhaus, 1939.

Zomeño A., Carro Martín S. Identify the 'udūl in fifteenth-century Granada // *Legal Documents as Sources for the History of Muslim Societies: Studies in Honour of Rudolph Peters (Studies in Islamic Law and Society 42)*. Ed. M. Van Berkel, L. Buskens, P.M. Sijpesteijn. Leiden: E.J. Brill, 2017. P. 109–128.

Zoubdat kachf al-mamâlik. Tableau politique et administratif de l'Égypte, de la Syrie et du Hıdjâz sous la domination des sultans mamloûks du XIIIe au XVe siècle par *Khalîl ed-Dâhiry*. Pub. C. Ravaisse. Paris, 1894.

Źródła arabskije do dziejów słowiańszczyzny. Wyd. T. Lewicki. T. II. Cz. 1. Wrocław, Warszawa, Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1969.

аль-Ауаиль ли Аби Хилаль *аль-‘Аскари* [[Книга] Абу Хилала аль-‘Аскари о том, что происходило впервые]. Изд. М.ас-С. аль-Уакиль. Танта: Дар аль-башир ли-с-сакафа уа-ль-улум аль-исламиййа, 1987.

Байхаки Захир ад-Дин. Тарих-и Байхак [История Байхака]. Тегеран: Чапханей-е Техран, 1938.

Баха ад-Дин Мухаммад ибн аль-Багдади. ат-Тауассуль ила ат-тарассуль [Искание доступа к деловой переписке]. Тегеран: Кетабханей-е Ахмад Бахманийар, 1937.

Бо ши чжан-цин цзи. Ци ши и цзюань [Собрание Чжан-цина из семьи Бай. Т. 11]. Т. 2. [Б.м.]: Сы-бу цзун-кань чу-бянь, [Б.г.].

Бубайа, ‘А. аль-Иктифа’ фи ахбар аль-хулафа’ (Полнота известий о халифах). Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-‘ильмиййа, 2009.

аль-Бусрауи ‘Али б. Йусуф б. Ахмад ‘Ала ад-Дин. Тарих аль-Бусрауи [История аль-Бусрауи]. Дамаск, Бейрут: Дар аль-Мамун ли-т-Турас, 1988.

Ватват Рашид ад-Дин. Намехай-е Рашид ад-Дин Ватват [Переписка Рашид ад-Дина Ватвата]. Изд. С. Нафиси. Тегеран: Кетабханей-е Барани, 1960.

аль-Гарнати. аль-Уас’аик аль-мухтасара ли-ль кади Аби Исхак аль-Гарнати. Изд. М. Наджи. Рабат: Марказ Йахйа аль-Турас аль-Магриби, 1988.

Дахман М.А. Му’джем аль-альфаз ат-тарихиййа фи-ль-‘аср аль-мамлуки [Словарь исторических выражений в мамлюкскую эпоху]. Бейрут: Дар аль-фикр аль-му’асир, 1990.

Диуан *аль-А‘ша* аль-кабир [Собрание стихов «Подслепова-того» Старшего]. Изд. М.И.М. ар-Ридуани. Доха: Уизарат ас-сакафа уа-ль-фунун уа-т-турас, Идарат аль-бухус уа-д-дирасат ас-сакафиййа, 2010.

Диуан *аль-Хутай’а* би шарх Ибн ас-Сиккит уа ас-Суккари уа ас-Сиджистани [Собрание стихов «Уродца» с объяснениями Ибн ас-Сиккита, ас-Суккари и ас-Сиджистани]. Изд. Н.А. Таха. Каир: Шарикат мактабат уа матба‘ат Мустафа аль-Баби аль-Халаби уа аулади-хи би-Миср, 1958.

Диуан *‘Амир бин ат-Туфайль*. Риуайат ... Мухаммад бин аль-Касим аль-Анбари ‘ан ... Са‘лаб [Собрание стихов ‘Амира ибн ат-Туфайля. Передача Мухаммада ибн аль-Касима аль-Анбари со слов ... Са‘лаба]. Бейрут: Дар Садир, 1979.

Диуан бани Асад [Собрание стихов бану Асад]. Изд. М.‘А. Дакка. Бейрут: Дар Садир, 1999.

Диуан *Джарир* би шарх *Мухаммад ибн Хабиб* [Собрание стихов Джарира с объяснениями Мухаммада ибн Хабиба]. Изд. Н.М.А. Таха. Каир: Дар аль-ма‘ариф, 1986.

Ибн Кутайба ад-Динавари. Китаб аль-ануа фи манасим аль-‘араб [Книга примет в сезонах арабов]. Хайдерабад: Дар аль-ма‘ариф аль-‘усманийя, 1956.

Ибн Тагри Бирди. аль-Манхаль ас-сафи уа-ль-мустауфа ба‘да аль-уафи [Чистый источник и дополняющий после достаточного]. Изд. М.М. Амин. Каир: аль-Хай‘а аль-ми-срийя аль-‘амма ли-л-китаб, 1984–2009.

Ибн Тагри Бирди. ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср уа-л-Кахира [[Книга, подобная] блестящим звездам о владыках Египта и Каира]. Изд. М.Х. Шамс ад-Дин. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-‘ильмийя, 1992.

Ибн Тулун. Муфакахат аль-хилан фи хауадис аз-заман [Развлечение друзей в рассказах времен]. Изд. Х. аль-Мансур. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмийя, 1998.

Ибн Хаджар аль-‘Аскалани. Инба аль-гумр би-анба аль-‘умр [Известие для непосвященного о сыновьях этой эпохи]. Изд. Х. Хабаши. Каир: аль-Маджлис аль-А‘ла ли-ш-шу‘ун аль-исламийя, Ладжнат ихйа ат-турас аль-ислами, 1969–1998.

Ибн аль-Химси. Хауадис аз-заман уа-уафайат аш-шуйух уа-ль-акран [События эпох и некрологи старцев и современников]. Изд. А.Ф Харфуш. Бейрут: Дар ан-нафа‘ис, 2000.

аль-Камиль фи-т-тарих ли ... *Ибн аль-Асир* [Совершенное изложение истории ... Ибн аль-Асира]. Изд. А.‘А. аль-Кади. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘ильмийя, 1987.

Кермани А. Сальджукийан ва Гузз дар Керман [Сельджуки и гуззы в Кермане]. Тегеран: Соруш, 1987.

Китаб аль-агани ли *Аби-ль-Фарадж аль-Исфахани* [Книга песен Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани]. Изд. А. аш-Шинкити. Каир, 1905.

Китаб аль-азмина уа-ль-амкина. Талиф ... *аль-Марзуки* [Книга об обозначениях времени и мест. Сочинение ... аль-Марзуки]. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмийа, 1996.

Китаб аль-‘айн ли ... аль-Халиль бин Ахмад *аль-Фарахиди* [Книга ‘айн-а аль-Халиля ибн Ахмада аль-Фарахиди]. Изд. М. аль-Махзуми, И. ас-Самарраи. Ч. 8. Багдад: Дар ар-Рашид, 1985.

Китаб фурхат аль-адиб ... ли *Аби Мухаммад аль-А‘раби* [Книга радости человека образованного и начитанного ... Абу Мухаммада аль-А‘раби]. Изд. М.‘А. Султани. Дамаск: Матба‘ат Дар аль-китаб, 1981.

аль-Кумми. Тарих аль-вузара [История визирей]. Изд. М.Т. Даниш-пэжух. Тегеран: Муассаса-и-мутала‘ат ва тахкикат-и-фарханги, 1985.

Маджма‘ аль-амсаль ли ... *аль-Майдани* [Собрание пословиц, поговорок и крылатых изречений ... аль-Майдани]. Изд. М.М. ‘Абд аль-Хамид. Каир: Матба‘ат ас-сунна аль-мухаммадийа, 1955.

аль-Малати. Найл аль-амал фи зайл ад-Дуал [Достижение ожидания относительно продолжения «Держав»]. Изд. У.А. Тадмури. Бейрут, Сайда: аль-Мактаба аль-‘асрийа, 2002.

Масалиб аль-‘араб. Талиф *Хишам аль-Кальби* [Пороки арабов. Сочинение Хишама аль-Кальби]. Изд. Н. ат-Таи. Бейрут: Дар аль-худа, 1998.

аль-Мунтазам фи тарих аль-мулук уа-ль-уам ли ... *Ибн аль-Джаузи* [Упорядоченное изложение истории царей и народов ... Ибн аль-Джаузи]. Изд. Мухаммад ‘А. ‘Ата, Мустафа ‘А. ‘Ата. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘ильмийа, 1992.

ан-Насави. Чалал ад-Дин хорезмшах [Джалал ад-Дин, хорезмшах]. Изд. Нечип Асим. Стамбул: Девлет Матбаасы, 1934.

Нашуат ат-гараб фи тарих джахилийят аль-‘араб. Та‘лиф *Ибн Са‘ид* [Приносящее упоение [книга] об истории арабов времени

джахилийи. Сочинение Ибн Са'ида] / Изд. Н. 'Абд ар-Рахман. Амман: Мактабат аль-Акса, 1982.

Нихайат аль-араб фи фунун аль-адаб. Талиф ... *ан-Нувайри* [Предел желаний в искусствах словесности. Сочинение ... ан-Нувайри]. Т. 15. Каир: Матба'ат Дар аль-кутуб аль-мисриййа, 1949.

Нишанури Захир ад-Дин. Сальджук-наме [Книга о сельджуках]. Тегеран: Чапханей-е Хавар-е Техран, 1953.

ар-Рази Фахр ад-Дин. Джами' аль-'улум [Собрание наук]. Изд. М. аль-Карайи. Лахор: Фаридбукстал, 1988.

Сарх аль-'уйун фи шарх рисалат Ибн Зайдун. Талиф ... *Ибн Нубата* [[Книга, подобная] ничем не сдерживаемому биению родников с объяснением трактата Ибн Зайдуна]. Изд. М.А. Ибрахим. Каир: Дар аль-фикр аль-'араби, 1963/64.

ас-Сахауи М. ад-Дау аль-лами' ли-ахль аль-карн ат-таси' [Свет, озаряющий людей девятого века [хиджры]]. Бейрут: Дар аль-джиль, 1992.

ас-Сахауи М. Уаджиз аль-калам фи аз-зайл 'ала Дуал аль-ислам [Краткая речь в дополнение к «Странам ислама»]. Бейрут: Муассасат ар-Рисала, 1995.

ат-Табакат аль-кубра ли ... *Ибн Са'д* [Большая [книга] разрядов ... Ибн Са'да]. Изд. М.'А. 'Ата. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-'ильмиййа, 1990.

ат-Тазкира аль-хамдуниййа. Тасниф *Ибн Хамдун* [Хамдунитский трактат. Сочинение Ибн Хамдуна]. Изд. И. 'Аббас, Б. 'Аббас. Бейрут: Дар СаDIR, 1996.

Тарих аль-Йа'куби. Талиф ... Ибн Уадих аль-ахбари [История аль-Йа'куби. Сочинение ... историка Ибн Уадиха]. Изд. М. Садик Бахр аль-'улум. Неджеф: аль-Мактаба аль-хайдариййа, 1964.

Тарих *ат-Табари* [История ат-Табари]. Каир: Дар аль-ма'ариф, 1969. Ч. 6.

Тарих-и-Табаристан. Та'лиф ... *Ибн Исфандийар* [История Табаристана. Сочинение ... Ибн Исфандийара]. Изд. 'А. Икбаль. Тегеран: Чапхане-йе-маджлис, 1941.

аль-Фахир ли ... *аль-Муфаддаль бин Салама* [Великолепное [произведение] аль-Муфаддаля ибн Саламы]. Изд. 'А. ат-Тахауи. Б.м.: аль-Хай'а аль-мисриййа аль-'амма ли-ль-киتاب, 1974.

аль-Хауи И. Шарх Диуан аль-Фараздак [Объяснение собрания стихов аль-Фараздака]. Бейрут: Дар аль-киتاب аль-лубнани, 1983.

Хизанат аль-адаб уа лубб лубаб лисан аль-'араб. Талиф ... 'Абд аль-КаDIR ... *аль-Багдади* [Сокровищница словесности и наилучшее из языка арабов. Сочинение ... 'Абд аль-КаDIRа ... аль-Багдади]. Изд. 'А.М. Харун. Каир: Мактабат аль-Ханджи, 1997.

Цэнь Чжун-мянь. Си ту-цзюэ ши-ляо. Бу-цзюэ цзи као-чжэн [Дополнения и критические исследования к «Материалам по истории западных тюрокв»]. Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй, 1958а.

Цэнь Чжун-мянь. Ту-цзюэ цзи ши [История тюрокв]. Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй, 1958б.

Шарх аль-касаид ас-саб' ат-тиуаль аль-джахилиййат ли Аби Бакр Мухаммад бин аль-Касим аль-Анбари [Объяснение семи длинных поэм времени *джахилийи* Абу Бакра Мухаммада ибн аль-Касима аль-Анбари]. Изд. 'А.М. Харун. Каир: Дар аль-ма'ариф, 1993.

Шарх диуан *Лабид* бин Раби'а аль-'Амири [Объяснение собрания стихов Лабиды ибн Раби'и аль-'Амири]. Изд. И. 'Аббас. Эль-Кувейт: Уизарат аль-иршад уа-ль-анба, 1962.

Шарх Диуан аль-Хамаса. Талиф ... *ат-Тибризи* [Объяснение собрания стихов *аль-Хамаса*. Сочинение ... ат-Тибризи]. Изд. М.М. 'Абд аль-Хамид. Каир: Матба'ат Хиджази, 1939.

Научное издание

**Арабский и исламский мир в Средние века:
от Иберийского полуострова до Средней Азии**

Коллективная монография

Корректор *Р.В. Молоканова*
Компьютерная верстка *Е.В. Шершенковой*

Подписано в печать 24.11.2021.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 13,1.
Тираж 600 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, а/я 2135

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК